

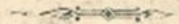
ГАМЛЕТЪ ПРИНЦЪ ДАТСКІЙ.

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ

ВИЛЬЯМА ШЕКСПИРА.

——
ПЕРЕВЕЛЪ

А. М. ДАНИЛЕВСКІЙ.

——
Складъ изданія въ книжной торговлѣ специально для иногород-
ныхъ А. Я. Панафидина (Спб., В. Итальянская, 8).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. П. Скороходова (Индустриальная, 39).

1888.

ГАМЛЕТЪ ПРИНЦЪ ДАТСКІЙ

ТРАГЕДІЯ ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ

ВИЛЬЯМА ШЕКСПИРА.

ПЕРЕВЕЛЪ

А. М. ДАНИЛЕВСКІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 39).
1888.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 11-го октября 1888 года.

ПОСВЯЩАЮ

родному брату моему Виктору.

Л И Ц А.

Клавдій, король датскій.

Гамлетъ, сынъ прежняго и племянникъ царствующаго короля.

Полоній, оберъ-камергеръ.

Гораціо, другъ Гамлета.

Лаэртъ, сынъ Полонія.

Вольтимандъ

Корнелій

Розенкранцъ

Гильденштернъ

Оерикъ

Дворянинъ.

Священникъ.

Марцелло

Бернардо

} придворные.

} офицеры.

Франциско, солдатъ.

Рейнгольдъ, слуга Полонія.

Фортинбрасъ, принцъ норвежскій.

Духъ отца Гамлета, бывшій король Гамлетъ.

Капитанъ.

Посланникъ.

Труппа актеровъ.

Слуга.

Гертруда, королева датская и мать Гамлета.

Офелія, дочь Полонія.

Придворные кавалеры и дамы, офицеры, солдаты, матросы, могильщицы, курьеры и прочая прислуга.

Мѣсто дѣйствія въ Гельзингеръ; въ четвертой сценѣ четвертаго дѣйствія—равнина въ Даніи.

ДѢЙСТВІЕ I.

СЦЕНА 1-я.

Гельзингеръ. Терасса передъ замкомъ.

Франциско на часахъ; входитъ Бернардо.

Бернардо. Кто идетъ?

Франциско. Вамъ отвѣчать: Стой! Пароль какой?

Бернардо. Многая лѣта королю!

Франциско. Бернардо?

Бернардо. Онъ самый.

Франциско. Вы приходите акуратно на свои часы.

Бернардо. Только что пробило 12; ступай спать, Франциско.

Франциско. Спасибо за смѣну! Холодъ страшный, я весь продрогъ.

Бернардо. Все ли было тихо?

Франциско. И мышь не пробѣжала.

Бернардо. Ну, прощай! Если встрѣтишь моихъ товарищей по караулу, Гораціо и Марцелло, скажи пусть идутъ скорѣе!

Франциско. Да вотъ, кажись, и они.—Стой! Кто идетъ?

(Входятъ Марцелло и Гораціо).

Гораціо. Друзья здѣшной страны.

Марцелло. И вассалы датскаго престола.

Франциско. Прощайте!

Марцелло. Здорово, храбрый солдатъ Кто тебя смѣнилъ?

Франциско. Бернардо на часахъ. Прощайте! (*Уходитъ*).

Марцелло. Эй, Бернардо!

Бернардо. Скажите, Гораціо здѣсь?

Гораціо (*подавая руку*). Вотъ кусокъ его.

Бернардо. Здравствуйте, Гораціо! Здравствуй, другъ Марцелло!

Гораціо. Ну что, сегодня опять являлось?

Бернардо. Я ничего не видѣлъ.

Марцелло. Гораціо говоритъ, что это одно воображеніе. и ни за что не хочетъ вѣрить въ тотъ страшный призракъ, который мы видѣли два раза. А потому я пригласилъ его сюда, къ намъ, на стражу съ тѣмъ, что если снова придетъ видѣніе, пусть самъ будетъ очевидцемъ и заговорить съ нимъ.

Гораціо. Пустяки, пустяки! Оно не придетъ.

Бернардо. Садитесь же, и мы снова расскажемъ вамъ о томъ, что видѣли мы двѣ ночи сряду и во что вы такъ упорно не хотите вѣрить.

Гораціо. Извольте, садимъ, и пусть Бернардо рассказываетъ.

Бернардо. Прошлой ночью, когда та же самая звѣзда, на бѣгу своемъ отъ сѣвера на западъ, свѣтила на томъ же мѣстѣ, гдѣ и теперь горитъ, мы видѣли, Марцелло и я— въ то время пробило часъ...

Марцелло. Тише! Стой! Смотри, опять идетъ!

(*Входитъ духъ*).

Бернардо. Точь въ точь образъ покойнаго короля.

Марцелло (*къ Гораціо*). Ты ученый, говори съ нимъ, Гораціо.

Бернардо. Не похожъ ли на короля? Взгляни на него, Гораціо!

Гораціо. Совершенно похожъ; я цѣпенѣю отъ ужаса и изумленія.

Бернардо. Если бы заговорить съ нимъ.

Марцелло. Гораціо, говори!

Гораціо (*къ духу*). Кто ты, держающій являться по ночамъ въ томъ благородномъ и воинственномъ видѣ, какой имѣлъ король покойный? Заклинаю тебя небомъ, говори!

Марцелло. Оно оскорбилось.

Бернардо. Смотрите, оно уходитъ.

Гораціо. Стой, говори! Говори, заклинаю тебя, говори! (*Духъ уходитъ*).

Марцелло. Ушло и говорить не хочетъ.

Бернардо. Что теперь, Гораціо? Вы дрожите, поблѣднѣли. Это немного побольше воображенія? Что вы думаете объ этомъ?

Гораціо. Какъ Богъ святъ, я никогда бы не повѣрилъ, если бы не имѣлъ живой и вѣрной порукой собственные мои глаза.

Марцелло. Не похоже ли оно на короля?

Гораціо. Какъ ты на самого себя. Точно такой же панцырь былъ на немъ, когда онъ дрался съ честолюбивымъ Норвегомъ; такой же видъ имѣлъ онъ, когда, однажды, горячо споря съ Полякомъ, боевой сѣкирой ударилъ объ ледъ. Это что-то необыкновенное.

Марцелло. Два раза уже такъ воинственно, въ это глухое ночное время, оно проходитъ мимо нашей стражи.

Гораціо. Навѣрно сказать, что это, я не могу; но, судя

по всему, оно предвѣщаетъ нашему государству необыкновенную смуту.

Марцелло. Садитесь же, друзья; скажите мнѣ, кто знаетъ, зачѣмъ у насъ такая грозная стража по ночамъ? Зачѣмъ день въ день льютъ пушки и закупаютъ въ чужихъ краяхъ военные снаряды? Зачѣмъ, и въ будни и по праздникамъ, и днемъ и ночью кипитъ работа на верфяхъ? Кто объяснить намъ это?

Гораціо. Я могу; по крайней мѣрѣ, такъ говорятъ. Последний король, котораго образъ только что являлся намъ, былъ, какъ вы знаете, вызванъ на единоборство честолюбивымъ Фортинбрасомъ норвежскимъ; нашъ храбрый Гамлетъ (такимъ его весь свѣтъ считалъ) сразилъ Фортинбраса, который, въ силу заключеннаго договора, утвержденнаго закономъ и рыцарскимъ обычаемъ, выѣстъ съ жизнью потерялъ и всѣ земли, перешедшія къ побѣдителю. Король же нашъ, въ силу того же договора, соотвѣтственную часть земель своихъ обязался уступить Фортинбрасу, если бы послѣдній побѣдилъ. Такимъ-то образомъ норвежскія земли достались Гамлету. Но юный Фортинбрасъ, нося въ груди неукротимый пылъ и злобу, набралъ по всѣмъ угламъ Норвегіи толпу отчаянныхъ головъ, на все готовыхъ за хлѣбъ и соль, и вздумалъ теперь (что безызвѣстно и нашему правительству) силою оружія отнять у насъ утраченные отцомъ его земли. Вотъ чѣмъ можно объяснить наши вооруженія, причину усиленной стражи, необыкновеннаго движенія и тревоги въ государствѣ!

Бернардо. Иначе нельзя и думать; потому-то, какъ разъ теперь, и посѣщаетъ нашъ постъ этотъ страшный, вооруженный призракъ, такъ похожій на короля, виновника этой войны.

Гораціо. Это одна пылинка, попавшая въ глазъ нашего духа. Когда Римъ, какъ пальма гордо возвышался, передъ убійствомъ великаго Юлія, пустѣли гробницы, мертвецы въ саванахъ вопили и по стогнамъ бродили цѣлыми толпами; кометы являлись съ огненными хвостами; кровавая роса; пятнистое солнце; и влажная, правящая царствомъ Нептуна, планета страдала затмѣніями, будто передъ днемъ страшнаго суда. И вотъ, точно такія же знаменія грозныхъ событій (всегда предвѣстники судьбы и роковыхъ переворотовъ) посланы теперь небомъ и землею противъ нашей страны и нашего народа.

(Духъ входитъ снова).

Гораціо. Тише! Смотрите, опять идетъ. Я загорожу ему дорогу, хотя бы пришлось погибнуть. Стой, призракъ! Владѣешь ли ты языкомъ и голосомъ: говори! Нужно ли для твоего умиротворенія благое и честное дѣло: говори! Посвященъ ли ты въ судьбу твоей страны, которую можно предупредить еще: о, говори! И если въ нѣдрахъ земли зарылъ ты награбленные при жизни сокровища, вокругъ которыхъ вы, духи, какъ говорятъ, часто бродите послѣ смерти: скажи! Стой и говори! *(Питухъ поетъ)*. Держи его, Марцелло!

Марцелло. Ударить ли бердышемъ?

Гораціо. Руби, если не остановится!

Бернардо. Оно здѣсь.

Гораціо. Оно здѣсь.

Марцелло. Ушло. *(Духъ уходитъ)*. Мы оскорбили величественное видѣніе, рассчитывая покорить его грубой силой. Оно неуязвимо, какъ воздухъ, и наши удары — злая только насмѣшка.

Бернардо. Оно только-что не заговорило, какъ вдругъ заплѣлъ плѣтухъ.

Горацио. И оно встрепенулось, какъ грѣшное существо, испуганное ненавистнымъ для него крикомъ. Слыхалъ я, что пѣтухъ, подобно утренней трубѣ, рѣзкимъ и громкимъ своимъ горломъ будить бога дня и, по его мановенію, изъ моря, огня, земли и воздуха спѣшитъ запоздалый и блуждающій духъ въ свою округу. Что это вѣрно, доказало намъ явленіе.

Марцелло. Оно поблѣднѣло и исчезло при крикѣ пѣтуха. Говорятъ, что передъ праздникомъ Рождества Христова, ранняя эта птица цѣлую ночь поетъ; тогда, говорятъ, ни одинъ духъ бродить не смѣетъ, ночи здоровы, не падаютъ зловѣщія свѣтила, русалки не поютъ и вѣдьма не колдуетъ. Такое благодатное и святое это время.

Горацио. Я тоже слышалъ и отчасти этому вѣрю. Но, смотрите: утро, одѣтое въ пурпуръ, занимается надъ розой высокаго холма. Оставимъ постъ, и я совѣтую разсказать откровенно все, что видѣли мы ночью, молодому Гамлету. Жизнью клянусь, что духъ, съ нами нѣмой, съ нимъ будетъ говорить. Согласны ли вы сообщить ему объ этомъ, какъ требуетъ того долгъ чести и любви?

Марцелло. Непремѣнно. Я знаю, гдѣ мы скорѣе всего найдемъ его. *(Всѣ уходятъ).*

СЦЕНА 2-я.

Парадный залъ въ замкѣ.

Входятъ Король, Королева, Гамлетъ, Полоній, Лаэртъ, Вольтимандъ, Корнелій, придворные и свита.

Король. Хотя память о смерти Гамлета, достойнаго брата, еще свѣжа; хотя сердцу нашему должно скор-

бѣть, а государству носить глубокой трауръ; но разсудокъ побѣдилъ на столько чувства, что мы, среди разумной о покойномъ скорби, не позабыли и сами о себѣ: мы съ бывшей намъ сестрой, съ теперешней королевой и царственной вдовой, съ наслѣдницей воинственной страны вступили въ бракъ. Съ притупленной, такъ сказать, радостью соединили мы свѣтлые глаза съ глазами влажными отъ слезъ, похоронное торжество со свадебнымъ пиромъ; мы положили на вѣсы по равной долѣ и счастья, и горя; мы не противорѣчили въ этомъ дѣлѣ и мудрымъ совѣтамъ вашимъ, которыми вы такъ щедро и свободно дарите насъ.—Благодаримъ за все!

Вы уже знаете, что юный Фортинбрасъ, пренебрегая достоинствомъ и силой нашей, расчитывая, что со смертью нашего блаженной памяти брата, государство распатано, увлекаемый пустой надеждой и корыстью, плетъ настойчиво къ намъ пословъ, и требуетъ возврата тѣхъ земель, которыя на законномъ основаніи перешли отъ отца его къ нашему храброму брату. О немъ довольно. Скажу теперь о нашихъ планахъ и о цѣли настоящаго собранія. Дѣло въ томъ, что мы шлемъ къ Норвегу—дряхлому, больному, едва ли знающему о козняхъ племянника—дядѣ юнаго Фортинбраса, чтобы онъ остановилъ дальѣйшій ходъ его, такъ какъ наборъ людей и содержаніе войска производятся въ его владѣніяхъ. Мы посылаемъ васъ, храбрый Вольтимандъ и васъ Корнелій, съ поклономъ къ старому Норвегу, уполномочивая вести переговоры съ королемъ на тѣхъ основаніяхъ, какія изложены здѣсь, въ этомъ документѣ. До свиданія, и пусть быстрота свидѣтельствуетъ о нашемъ рвеніи.

Корнелій и Вольтимандъ. Всегда и во всемъ мы готовы доказать его.

Король. Мы въ этомъ увѣрены.—До свиданія!

(Вольтимандъ и Корнелій уходятъ).

Ну, Лаэртъ, что у васъ? Вы хотѣли просить о чемъ-то: что такое, Лаэртъ? Дѣльно вы можете все сказать Датчанину и не будете даромъ словъ терять. Скажи, развѣ я когда-нибудь отказывалъ тебѣ, не ожидая даже просьбы? Не столько голова сродни сердцу, рука услужлива устамъ, сколько милостивъ датскій престолъ къ твоему отцу. Чего желаешь ты, Лаэртъ?

Лаэртъ. Соизволенія вашего величества возвратиться во Францію, откуда я, хотя охотно явился въ Данію исполнить долгъ при торжествѣ коронованія; но, исполнивши долгъ, признаюсь, что чувства и мечты мои снова стремятся къ Франціи и быють челомъ передъ высочайшимъ вашимъ соизволеніемъ.

Король. Согласенъ ли отецъ вашъ? Что говоритъ Полоній?

Полоній. Государь, настойчивыми просьбами онъ вынудилъ у меня позволеніе, и я, наконецъ, къ его желанію почти противу воли даннаго согласія приложилъ печать. Позвольте, прошу васъ, пусть ѣдетъ.

Король. Пользуясь же благопріятнымъ случаемъ—время твое; наслаждайся твоими благами въ волю!—А теперь, мой племянникъ Гамлетъ и мой сынъ.—

Гамлетъ *(въ сторону).* По крови—слишкомъ близкій, другъ—менѣе всего.

Король. Какъ, до сихъ поръ еще надъ вами тучи?

Гамлетъ. Нисколько; какъ сыну, мнѣ сдается, что солнце слишкомъ ярко.

Королева. Брось, добрый Гамлетъ, цвѣтъ мрачной ночи, и пусть твой глазъ какъ другъ, смотритъ на Данію. Не ищи, съ постоянно опущенными въ землю рѣсницами,

благороднаго отца твоего. Ты знаешь—удѣлъ общій: что живетъ, должно умирать и отъ временнаго отправляться къ вѣчному.

Гамлетъ. Да, королева, это удѣлъ общій.

Королева. Если такъ, почему же для тебя онъ кажется такимъ страннымъ?

Гамлетъ. Кажется, королева? Нѣтъ есть. Для меня не существуетъ «кажется».—Ни мрачная моя мантия, добрая матушка, ни общепринятая траурная одежда, ни глубокій вздохъ стѣсненнаго дыханія, ни потоки слезъ, ни лице поникшее долу, все убранство скорби,—ничто не можетъ дать понятія обо мнѣ; все это лишь кажется; все это можно и сыграть. Но то, что больше всего что кажется, пошу въ себѣ; остальное все—украшеніе только и нарядъ печали.

Король. Воздать долгъ скорби отцу — прекрасно и дѣлаетъ честь вашему сердцу, Гамлетъ. Но знайте, что и у вашего отца умеръ отецъ, у того тоже умеръ отецъ, и оставшіяся въ живыхъ должны изъ дѣтскаго почтенія надѣть на время трауръ. Но упорно предаваться печали—дѣло безбожнаго упрямства; скорбь, несвойственная чело-вѣку; указываетъ на волю, непокорную небу, необузданное сердце и мятежный духъ; указываетъ на слабый, не вполне еще развитый умъ. О чемъ мы знаемъ, что оно неизбежно, естественно, какъ одна изъ самыхъ обыденныхъ, осязаемыхъ чувствами вещей, зачѣмъ же такъ близко принимать его къ сердцу? Полно же! Это преступленіе противу неба, преступленіе противу мертваго, преступленіе противу природы; въ высшей степени противорѣчить разсудку, котораго коренное ученье—смерть отцовъ, и который отъ первой и до послѣдней смерти вѣчно вызываетъ: «такъ быть должно». Мы просимъ, бросьте бесполезное горе, и считайте насъ своимъ отцомъ. Пусть знаетъ свѣтъ, что вы всѣхъ

ближе къ нашему престолу и что большей любви къ сыну никакой отецъ имѣть не можетъ. Что же касается поѣздки вашей въ Витенбергъ, въ университетъ, это въ высшей степени противно нашимъ желаніямъ. И мы просимъ васъ: благоволите остаться здѣсь подѣ кроткимъ блескомъ очей нашихъ, какъ первый нашъ придворный, племянникъ, сынъ.

Королева. Не заставъ, Гамлетъ, мать твою просить напрасно—пожалуйста, оставься съ нами, не уѣзжай въ Витенбергъ.

Гамлетъ. Охотно повинуюсь вамъ, королева.

Король. Любезный и прекрасный отвѣтъ. Будьте какъ мы самивъ Даніи!—Пойдемъ, супруга! Это добровольное, дружеское согласіе Гамлета сладко къ моему улыбается сердцу, и, въ честь этого, пусть сегодня громъ орудій о каждомъ торжественномъ тостѣ Даніи возвѣщаетъ облакамъ; когда же король подниметъ кубокъ, пусть загремятъ вмѣстѣ и небо, и земля.—Идемъ!

(Король, королева, Лазръ и свита уходятъ).

Гамлетъ. О пусть бы, наконецъ, растаяло это слишкомъ крѣпкое мясо и, какъ роса, испарилось! Или, если бы Предвѣчный не установилъ законъ противъ самоубійства!—О, Боже, Боже! Какимъ гадкимъ, пустымъ и жалкимъ и непригоднымъ кажется мнѣ весь строй этого міра! Прочь, прочь отъ него! Это заглухшій садъ, въ которомъ выростають и кишать сѣмена однихъ только сорныхъ травъ.—До чего дошло! Два мѣсяца, какъ умеръ! Нѣтъ, много, и двухъ нѣтъ; такой великій монархъ, на ряду съ которымъ этотъ—все равно, что Аполлонъ подлѣ Сатира; любившій мою мать такъ нѣжно, что зефиръ небесный не смѣлъ бы прикоснуться къ ея лицу. Небо и земля! говорить ли? И она была такъ предана ему, что ея любви, казалось, и предѣ-

ловъ нѣтъ. И въ одинъ мѣсяцъ—тяжело вспомнить!—Слабость—имя тебѣ, женщина!—Одинъ короткій мѣсяцъ; башмакъ еще не сношенъ, въ которомъ шла за гробомъ моего отца, какъ Ніоба, вся слезы одиѣ—она, да она—о небо! звѣрь безъ разума грустилъ бы долѣе—стала женой моего дяди, брата моего отца, который на него такъ похожъ, какъ я на Геркулеса—въ одинъ мѣсяцъ! Соль подлѣйшихъ слезъ еще не сбѣжала съ красныхъ до крови очей, она была замужемъ!—О, позорная поспѣшность, броситься такъ беззавѣтно на ложе кровосмѣшенія! Тутъ нѣтъ добра и быть не можетъ. Разорвись же сердце! потому что уста мои должны молчать.

(Входятъ Горацио, Бернардо и Марцелло).

Горацио. Да здравствуетъ его высочество!

Гамлетъ *(къ Горацио).* Я радъ, что васъ здѣсь вижу. Горацио—если я самъ себя еще помню?

Горацио. Такъ точно, принцъ, и всегда вашъ бѣдный и покорнѣйшій слуга.

Гамлетъ. Мой добрый другъ—такъ называйте себя. Зачѣмъ вы сюда изъ Витенберга, Горацио? *(Къ Марцелло).* Марцелло?

Марцелло. Ваше высочество—

Гамлетъ. Очень радъ и васъ видѣть. *(Къ Бернардо).* Здравствуйте! *(Къ Горацио).* Въ самомъ дѣлѣ, что васъ гонитъ изъ Витенберга?

Горацио. Духъ празднопатательства, принцъ.

Гамлетъ. И отъ врага вашего не слышать бы мнѣ этого; да и ушамъ моимъ не вѣрится, хотя это и собственное ваше сознаніе. Я вѣдь знаю, вы не любите сидѣть безъ дѣла. Чѣмъ, однако же, занимаетесь вы въ Гельзингерѣ? Вы, пожалуй, научитесь еще пьянствовать здѣсь, пока уѣдете.

Гораціо. Я прибылъ на погребеніе вашего отца.

Гамлетъ. Пожалуйста, товарищъ, не издѣвайся надо мной; вѣрнѣе всего — на свадьбу матери моей.

Гораціо. Дѣйствительно, принцъ, она что-то вскорѣ послѣ того случилась.

Гамлетъ. Экономія, Гораціо, экономія! Печеніе погребальнаго пира пригодилось на закуску къ свадебному столу. Лучше бы мнѣ на небесахъ встрѣтить злѣйшаго врага, чѣмъ пережить тотъ день, Гораціо! — Мой отецъ — я, какъ будто, вижу моего отца.

Гораціо. Гдѣ, принцъ?

Гамлетъ. Въ глазахъ моего духа.

Гораціо. Я его когда-то видѣлъ, это былъ храбрый король.

Гамлетъ. Прежде всего, это былъ человекъ — подобнаго ему никогда не увижу.

Гораціо. Любезный принцъ, мнѣ кажется, я видѣлъ его прошлой ночью.

Гамлетъ. Видѣлъ, кого?

Гораціо. Короля, вашего отца.

Гамлетъ. Короля, моего отца?

Гораціо. Успокойтесь и выслушайте внимательно, что я вамъ расскажу объ этомъ чудѣ, чему свидѣтелями были и они.

Гамлетъ. Ради Бога, рассказывай.

Гораціо. Двѣ ночи сряду, оба, Марцелло и Бернардо, стоя на часахъ, среди гробовой тишины, въ полночь, вотъ что видѣли: тѣнь вашего отца, вся въ панцырѣ, вооруженная съ головы до ногъ, медленно и величественно идетъ мимо, трижды проходить передъ ихъ оцѣпенѣлыми отъ ужаса глазами и такъ близко, что задѣваетъ ихъ жезломъ; они же, отъ страха, превратившись чуть не въ студень,

стоятъ, не говоря ни слова, какъ нѣмые. Съ ужасомъ, въ глубокой тайнѣ они сообщили объ этомъ мнѣ. На третью ночь я былъ съ ними на часахъ; и тамъ, какъ они рассказывали, въ то же время, въ томъ же видѣ, явилось привидѣніе. Я зналъ вашего отца: вотъ двѣ руки, онѣ не такъ похожи другъ на друга.

Гамлетъ. Гдѣ же это было?

Марцелло. На террасѣ, гдѣ мы стояли на часахъ.

Гамлетъ. Не вступали вы съ нимъ въ разговоръ?

Гораціо. Какъ же, принцъ; но оно не отвѣчало. Одно время, казалось, оно подняло голову и сдѣлало движеніе, будто хотѣло говорить, какъ вдругъ зафыльпѣтухъ, и при этомъ крикъ оно быстро ускользнуло и исчезло передъ нашими глазами.

Гамлетъ. Невѣроятно.

Гораціо. Клянусь жизнью, благородный принцъ, это правда; мы считали долгомъ доложить вамъ объ этомъ.

Гамлетъ. Не шутя, господа, не шутя, это меня тревожитъ. Вы сегодня на часахъ?

Всѣ. Такъ точно, ваше высочество.

Гамлетъ. Весь въ панцырѣ, говорите вы?

Всѣ. Весь въ панцырѣ.

Гамлетъ. Отъ макушки до самыхъ пятъ?

Всѣ. Съ головы до ногъ.

Гамлетъ. Такъ лица его вы не видѣли?

Гораціо. Напротивъ, забрало было поднято.

Гамлетъ. Что же, глядѣлъ онъ мрачно?

Гораціо. Лицо выражало скорѣе скорбь, чѣмъ гнѣвъ.

Гамлетъ. Блѣдный или красный?

Гораціо. Чрезвычайно блѣдный.

Гамлетъ. Съ глазами, устремленными на васъ?

Гораціо. Пристально.

Гамлетъ. Какъ жаль, что я при этомъ не былъ.

Гораціо. Вы бы навѣрно пришли въ ужасъ.

Гамлетъ. Немудрено, немудрено. И долго оно оставалось.

Гораціо. Не спѣша, сотню можно насчитать.

Марцелло и Бернардо. Дольше, дольше.

Гораціо. Когда я видѣлъ, это продолжалось не долѣе.

Гамлетъ. Борода съ просѣдью, не такъ ли?

Гораціо. Какую я видѣлъ на немъ при жизни его—серебристо-черная.

Гамлетъ. Сегодня я буду на часахъ; можетъ быть, оно снова придетъ.

Гораціо. Навѣрно.

Гамлетъ. Явись оно въ образѣ моего благороднаго отца—пусть самъ адъ зияетъ и грозить, я стану говорить съ нимъ. Прошу васъ всѣхъ: если вы никому не рассказывали о видѣннѣ, сохраните это и теперь въ глубокой тайнѣ; и чтобы ни случилось ночью, знайте все про себя, но никому ни слова. За вашу любовь я не останусь у васъ въ долгу. Затѣмъ, прощайте! Между 11 и 12 увидимся на террасѣ.

Всѣ. Къ услугамъ вашего высочества!

Гамлетъ. Въмѣсто услугъ, любите меня такъ, какъ я васъ люблю. До свиданія!

(Гораціо, Марцелло и Бернардо уходятъ).

Гамлетъ (одина). Духъ моего отца въ оружіи! Это не даромъ: я предчувствую что-то недоброе. Скорѣе бы ночь! А пока, тише, душа! Темныя дѣла, прикрой ихъ хоть шаръ земной, сами собой всплывутъ навстрѣчу.

(Уходитъ).

СЦЕНА 3-я.

Комната въ домъ Полонія.

Входятъ Лазрть и Офелія.

Лазрть. Вещи на кораблѣ. Прощай! И, когда будетъ благоприятный случай, не спи, сестра, и дай знать о себѣ.

Офелія. Можешь ли въ томъ сомнѣваться?

Лазрть. Что касается Гамлета и его любовныхъ похиженій, считай это мимолетнымъ настроеніемъ духа, броженіемъ крови; это фіалка, въ цвѣтущей порѣ жизни, рано созрѣвшая; непостоянная; мила, но не прочна; ароматъ и упоеніе одной минуты—не болѣе.

Офелія. Не болѣе?

Лазрть. Конечно! Природа стремится къ развитію не только объема и органовъ нашего тѣла; но вмѣстѣ съ этимъ храмомъ быстро растетъ и внутренняя сила духа. Онъ, можетъ быть, тебя и любитъ: до сихъ поръ обманъ и коварство не оскверняютъ чистоты его воли; но опасность въ томъ, что, по его положенію, его воля не принадлежитъ ему—онъ рабски подчиненъ своему рожденію. Онъ не можетъ, какъ маленькіе люди, выбирать по душѣ своей, потому что отъ его выбора зависитъ безопасность и счастье цѣлаго государства; на этомъ основаніи и выборъ его долженъ быть ограниченъ голосомъ и мнѣніемъ того политическаго тѣла, въ главѣ котораго онъ. Если онъ, какъ говоритъ теперь, и любитъ тебя, разсуди сама хорошенько, на сколько этому можно вѣрить, т. е. въ правѣ ли онъ, въ виду основныхъ законовъ Даніи и сво-

его исключительнаго положенія, быть господиномъ своего слова. Подумай, какъ легко можетъ пострадать честь твоя, если ты чрезчуръ довѣрчиво будешь внимать его пѣснѣ, не устоишь духомъ и, передъ его неудержимой настойчивостью, откроешь цѣломудренную душу твою! Страшись этого, Офелія! Страшись, дорогая сестра! Стой дѣлако отъ выстрѣловъ и натиска страстей. Самая скромная дѣвушка — все еще расточительна, когда передъ луной обнажаетъ прелести свои. Добродѣтель сама невластна противу козней. Часто червь подтачиваетъ вѣнчикъ прежде, чѣмъ распустился цвѣтокъ; и для самой ранней и свѣжей, какъ роса, юности — ядовитое дыханіе самое опасное. Будь же осторожна! Страхъ — безопасность наша; юность, и безъ врага, полна внутренней борьбы.

Офелія. Смысль такого прекраснаго наставленія я сохраняю въ груди моей, какъ стража; но, любезный братъ, не поступай и ты подобно лицемѣру проповѣднику, который другимъ указываетъ тернистый путь спасенія, а самъ, какъ наглый и грубый сластолюбецъ, идя по цвѣтистой дорогѣ порока, издѣвается надъ своимъ совѣтомъ.

Лазрть. О, этого не бойся!! Однако, мнѣ давно пора; но вотъ отецъ идетъ.

(Входитъ Полоній).

Лазрть. Двойное благословеніе — двойное счастье. Благопріятный случай еще разъ проститься.

Полоній. Еще здѣсь, Лазрть? Ай! ай! На борть, на борть! Вѣтеръ гуляетъ по хребтамъ парусовъ, и тебя тамъ ждутъ. Вотъ тебѣ мое благословеніе — *(кладетъ руку на голову Лазрта)* и эти правила твердо помни. Не говори всего, что думаешь, и не дѣлай ничего предосудительнаго; будь общителенъ, но никогда не пошль; испытаннаго и

вѣрнаго друга прикуй къ сердцу желѣзными цѣпями; но не позволяй себѣ жать руку первому встрѣчному. Берегись заводить ссору; когда же это необходимо, поступай такъ, чтобы и врагъ тебя боялся. Всякаго выслушивай, но не всякому рассказывай; принимай отъ всѣхъ совѣтъ, но сохраняй свое мнѣніе. Носи одежду, какую позволяетъ тебѣ карманъ, но не вычурную; богатую, но не пеструю: одежда часто объясняетъ человѣка. Во Франціи высшаго круга люди знаютъ въ этомъ толкъ и отличаются тонкимъ вкусомъ. Не дѣлай долговъ, но не давай и займы — себя или друга погубить этимъ легко; долги ведутъ къ разоренію. Но прежде всего будь вѣренъ самому себѣ, изъ чего вытекаетъ, какъ день изъ ночи, что никто въ тебѣ не ошибется. Прощай! Мое благословеніе да укрѣпитъ тебя во всемъ!

Лазрть. Прощайте, дорогой батюшка!

Полоній. Пора, спѣши, тамъ слуги тебя ждутъ.

Лазрть. Прощай, Офелія, и помни, о чемъ я съ тобой говорилъ.

Офелія. Оно въ памяти моей подъ крѣпкимъ замкомъ, ключъ отъ котораго возьми съ собой.

Лазрть *(къ отцу и сестрѣ)*. Прощайте! *(Уходитъ)*.

Полоній. Что это, Офелія, о чемъ онъ съ тобой говорилъ?

Офелія. Если позволите, о принцѣ Гамлетѣ рѣчь была.

Полоній. Да, легкокъ на поминѣ! Я слышу, что съ нѣкоторыхъ поръ онъ часто проводитъ съ тобой время, и что ты сама въ обращеніи съ нимъ слишкомъ свободна и любезна. Если это такъ (какъ говорятъ, для того, чтобы меня предостеречь), я долженъ тебѣ сказать, что ты нисколько не понимаешь сама себя, какъ это прилично моей дочери и твоей чести. Что такое между вами, скажи правду!

Офелія. Не такъ давно и не разъ онъ давалъ мнѣ обѣты благосклонности своей...—

Полоній. Ба, ба, ба, благосклонность! Ты говоришь, какъ молодая, неопытная въ такихъ подвохахъ кровь. И ты вѣришь этимъ обѣтамъ, какъ ты ихъ называешь?

Офелія. Не знаю, батюшка, что мнѣ и думать?

Полоній. Такъ слушай же: думай, что ты дурочка, когда принимаешь его, неимѣющіе никакой цѣны, обѣты за личную монету. Пожалуйста, веди себя умнѣе; въ противномъ случаѣ твоя глупость (чтобы не болтать попусту) еще накличетъ на тебя бѣду.

Офелія. Онъ настойчиво увѣрялъ меня въ своей любви, какъ требуютъ того приличіе и честь.

Полоній. Да мало ли что ты называешь приличіемъ. Вотъ выдумала!

Офелія. И за слова свои клялся всѣми святыми, милый батюшка.

Полоній. Да, силки на куропатокъ! Я вѣдь знаю, когда кровь кипитъ, какъ щедро сердце ссужаетъ клятвами языкъ. Этотъ пламень, дочь моя, болѣе блестящій, чѣмъ согревающій, и гаснущій въ самомъ обѣщаніи, не принимай за огонь. Съ этой минуты будь покупше съ твоимъ дѣвичьимъ присутствіемъ; цѣни себя побольше, чтобы на всякое востребованіе быть готовой. Что же касается лично принца Гамлета, вѣрь ему такъ: онъ еще молодъ, и кругъ его побѣжки гораздо шире, какъ это можетъ быть дозволено тебѣ. Однимъ словомъ, Офелія, не вѣрь его клятвамъ: это сводни, не то, чѣмъ кажутся съ виду; это не больше, какъ замѣстители порочныхъ покушеній, которые, чтобы лучше оболстить, поддѣлываются подъ благочестивые и священные обѣты. Разъ навсегда: ты должна тотчасъ и сразу распорядиться такъ, чтобы не убивать, по

обыкновенію, ни одной минуты на бесѣды съ принцемъ Гамлетомъ. Смотри, повторяю, въ оба. Убирайся!

Офелія. Слушаю, батюшка (оба уходятъ).

СЦЕНА 4-я.

Терраса.

Входятъ Гамлетъ, Гораціо и Марцелло.

Гамлетъ. Рѣзкій вѣтеръ и страшный холодъ.

Гораціо. Да, пронзительный и острый вѣтеръ.

Гамлетъ. Который часъ?

Гораціо. Думаю, скоро 12.

Марцелло. Двѣнадцать пробило.

Гораціо. Въ самомъ дѣлѣ? Я не слыхалъ; наступаетъ, значитъ, время, когда обыкновенно ходитъ духъ. (За сценой слышны трубы и залпы изъ орудій). Что это, принцъ?

Гамлетъ. Король кутитъ всю ночь; напившись допьяна, пляшетъ, какъ бѣшеный; и когда онъ наливаетъ струю рейнвейна, трубы и литавры торжественно гремятъ.

Гораціо. Это такой обычай?

Гамлетъ. Ну да; но по моему убѣжденію (хотя я здѣсь родился и такъ воспитанъ) обычай этотъ нужно бы скорѣе бросить, чѣмъ слѣдовать ему. Неистовыя оргіи прославили насъ во всѣхъ странахъ свѣта; насъ бранятъ и обзываютъ пьяницами, прибавляя къ этому непечатное слово; и дѣйствительно, страсть эта бросаетъ мрачную тѣнь на всѣ славныя и блестящія дѣла наши. Такая участь часто постигается и отдѣльныхъ лицъ. Вслѣдствіе ли врожденныхъ недостатковъ, которые ихъ уродуютъ (хотя въ рожденіи своемъ никто не виновенъ), вслѣдствіе ли слишкомъ

горячей крови, которая часто переступает за предѣлы разсудка, или вслѣдствіе пороковъ, пріобрѣтенныхъ привычкой, покрывающей ржавчиной блескъ благородныхъ нравовъ, людей этихъ, говорю, заклеяменныхъ самой какъ бы природой—пусть добродѣтели ихъ будутъ такъ чисты, какъ милосердіе неба, и такъ много, сколько человѣкъ можетъ поднять ихъ—молва не пощадитъ и одинъ случайный изъяснъ покроетъ все заразой. Такъ золотникъ дурнаго увлекаетъ всѣхъ всѣхъ благородныхъ достоинствъ въ собственный свой позоръ.

(Духъ входитъ вооруженный).

Гораціо. Смотрите, принцъ, идеть!

Гамлетъ. Ангелы и слуги Божьи, помогите! *(Стоитъ минуту, охваченный отъ ужаса).* Духъ ли ты блаженный или страхъ ночной, приносишь ли эфиръ небесный или адскій паръ, враждебны или благи замыслы твои? Ты приходишь въ такомъ загадочно-величавомъ видѣ, но я буду говорить съ тобой. Зову тебя Гамлетомъ, государемъ, отцомъ, королемъ Дави́н—о, дай отвѣтъ! Пусть не погибну въ заблужденіи! Скажи: зачѣмъ твои честныя кости, принятыя смертию, сорвали саванъ гробовой? Зачѣмъ могила, въ которую ты опущенъ съ миромъ, раскрывши мраморную челюсть, выбрасываетъ тебя на свѣтъ? Чѣмъ объяснить, что ты, мертвецъ, закованный въ броню, будто нечистый духъ ночной, скитаешься при заревѣ луннаго сіянія и насъ, безумцевъ, тревожишь такими страшными идеями, которыхъ душа вмѣстить не можетъ? Зачѣмъ? Скажи! Что дѣлать намъ?

(Духъ зоветъ рукой Гамлета).

Гораціо. Оно дѣлаетъ знакъ идти за нимъ, будто хочетъ наединѣ сообщить вамъ что-то.

Марцелло. Смотрите, какъ ласково оно зоветъ васъ куда-то вдаль. Но не ходите съ нимъ!

Гораціо. Ни въ какомъ случаѣ.

Гамлетъ. Оно не говоритъ, такъ я иду.

Гораціо. Не рискуйте, принцъ!

Гамлетъ. Чего же тутъ бояться? Жизнь свою цѣню я менѣе булавки, а душа моя! что можетъ оно сдѣлать ей, такой же, какъ и оно, безсмертной? Опять зоветъ, иду за нимъ.

Гораціо. А если оно манитъ васъ въ морскую бездну, принцъ; быть можетъ, на грозную вершину той скалы, что виситъ надъ морской пучиной? И тамъ, принявъ другой, ужасный образъ, лишитъ разсудокъ силы и васъ съ ума сведетъ? Подумайте! Мѣсто само собой наводитъ призраки отчаянія, когда глядишь въ морскую пропасть и слышишь ревъ бушующей волны.

Гамлетъ. Оно все машетъ. *(Къ духу).* Иди! Я за тобой.

Марцелло *(удерживая Гамлета).* Нельзя, принцъ, не ходите!

Гамлетъ. Руки долой!

Гораціо. Послушайте насъ, не ходите.

Гамлетъ. Судьба зоветъ, и тончайшій нервъ этого тѣла сталъ такой силой, какъ жилы немейскаго льва. *(Духъ машетъ).* Оно все машетъ—пустите! Ради неба! *(вырывается).* Тотъ будетъ духомъ, кто вздумаетъ держать меня! Прочь, говорю! *(Къ духу).* Впередъ! я за тобой.

(Духъ и Гамлетъ уходятъ).

Гораціо. Онъ самъ не свой отъ воображенія.

Марцелло. За нимъ! Намъ не слѣдовало такъ подчиняться ему.

Гораціо. Пойдемъ! Какой будетъ этому конецъ?

Марцелло. Что-то неладно въ королевствѣ Даніи.

Гораціо. Да будетъ воля Господня!

Марцелло. Пойдемте за нимъ! *(Оба уходятъ).*

СЦЕНА 5-я.

Отдаленное мѣсто на террасѣ.

Входятъ Духъ и Гамлетъ.

Гамлетъ. Куда ведешь меня? Говори, я дальше не иду.

Духъ. Слушай!

Гамлетъ. Я готовъ.

Духъ. Близится время, когда я снова долженъ погрузиться въ сѣрный и дымный пламень.

Гамлетъ. Ахъ, бѣдный духъ!

Духъ. Обо мнѣ не жалѣй; но внимательно выслушай, о чемъ я хочу сообщить тебѣ.

Гамлетъ. Говори, долгъ мой слушать.

Духъ. И отомстить, какъ только ты услышишь.

Гамлетъ. Что такое?

Духъ. Я духъ твоего отца, на время осужденный скитаться по ночамъ, а днемъ, пока не будутъ очищены грѣхи мои земные, томиться въ безднахъ вѣчнаго огня. Если бы не запрещено было мнѣ открыть тайная моей темницы. отъ одного ничтожнаго слова моего сказанія въ дребезги разлетѣлась бы душа твоя, застыла бы молодая кровь твоя, какъ звѣзды выступили бы изъ орбитъ глаза твои, растрепались бы кудри твои, и каждый волосъ сталъ бы дыбомъ, какъ иглы у разъяреннаго ежа. Но такое предвѣчное откровеніе недоступно для ушей, созданныхъ изъ

тѣла и крови. Слушай! Слушай! Слушай! Если ты когда нибудь любилъ родного отца твоего.

Гамлетъ. О, Боже!

Духъ. Отомсти вопіющее и небывалое еще убійство его!

Гамлетъ. Убійство?

Духъ. Да, вопіющее, какъ всякое; но это -- неслыханное и противоестественное.

Гамлетъ. Скажи, въ чемъ дѣло: на крыльяхъ любви и благоговѣнія я лечу на мщеніе.

Духъ. Ты кажешься душою преданъ мнѣ. И если бы ты былъ болѣе вѣль, чѣмъ жирная трава, гниющая на берегахъ Леты, ты долженъ содрогнуться. Итакъ, Гамлетъ. слушай: сказали, будто бы, когда я спалъ въ саду, меня ужалила змѣя; такимъ придуманнымъ рассказомъ о моей кончинѣ обмануто все царство. Но знай, благородный юноша, змѣя, вонзившая жало въ жизнь твоего отца, носитъ теперь его корону.

Гамлетъ. О, ты, мое пророческое предчувствіе! Мой дядя?

Духъ. Да, онъ, кровомѣситель, любодѣй, волшебнымъ словомъ и коварствомъ (проклятое умѣнье и коварство такъ соблазнять!) склонилъ наружно добродѣтельную королеву на тяжкій грѣхъ. О, Гамлетъ, какая измѣна! Она измѣнила искренней любви моей, измѣнила клятвѣ, которую мы оба дали подъ вѣнцомъ, и безъ стыда бросилась въ объятія преступника, ничтожнаго передо мной! Но, какъ добродѣтель ничто прельстить не можетъ, предстань предъ ней порокъ хоть въ ризѣ духовъ небесныхъ, такъ страсть, соединенная съ ангеломъ свѣтозарнымъ, пресытившись небеснымъ ложемъ, бросается на отбросы. Но, стой! Мнѣ кажется, я слышу утренникъ подулъ и сокращу рассказъ. Когда я спалъ въ саду, обыкновенно послѣ обѣда, одкрался дядя твой съ бутылкой бѣлены и влилъ мнѣ въ

уху ядъ; сокъ этой убійственной травы, столь враждебной крови человѣка, бѣжитъ какъ ртуть въ сосудахъ тѣла, и съ неудержимой силой, подобно кислотѣ, пущенной въ молоко, свертываетъ алую и чистую кровь въ густую запекшуюся массу. Такъ было и со мной; и я, въ одно мгновеніе, какъ Лазарь, весь покрылся корой зловонныхъ струевъ. Такимъ образомъ, во снѣ, рукою брата, я вдругъ лишился жизни, короны и жены; безъ исповѣди, причащенія и соборованія, обремененный тяжкими грѣхами, предсталъ на страшный судъ.

Гамлетъ. О, ужасъ! ужасъ! Нѣтъ ничего ужаснѣе!

Духъ. Не потерпи, если въ тебѣ есть жизнь, чтобы королевское ложе Даніи было притономъ кровосмѣшенія и нечестиваго сластолюбія. Но, какъ бы ты ни вздумалъ приняться за это дѣло, не погуби души твоей—не замыслий противу матери. Пусть судитъ ее небо; въ груди ея колючій тернъ. Пора! Свѣтлякъ показываетъ, что близко утро—его мерцающій свѣтъ уже блѣднѣетъ. Прощай! Прощай! Прощай! И помни обо мнѣ! (*Уходитъ*).

Гамлетъ. О вы, всѣ силы небесныя! Земля!—И что еще? Не звать ли и адъ?—Ну его! Стой, стой, сердце! Вы, жилы мои, не старѣйте вдругъ, держите меня крѣпко и прямо!—Помнить о тебѣ? Да, бѣдный духъ, пока память сидитъ здѣсь, въ этомъ черепкѣ разбитомъ. Помнить о тебѣ? Да, изъ скрижалей памяти я вычеркну всѣ бредни исторіи, изъ книгъ всѣ догмы, всѣ идеалы юности, все мое прошедшее, и одно только твое велѣніе, безъ всякой недостойной примѣси, будетъ жить въ книгѣ моего мозга—да, клянусь небомъ!—О, въ высшей степени непутная женщина! О, злодѣй! Съ улыбкой на устахъ, проклятый воръ!—Записную книжку сюда! Я долженъ отмѣтить здѣсь: что можно улыбаться, постоянно улыбаться и въ то же время быть отъ-

явленнымъ мерзавцемъ; по крайней мѣрѣ, навѣрно знаю, что въ Даніи это такъ; (*пишетъ*) Тутъ вы дядя. Суда же и пароль мой: «прощай, прощай, и помни обо мнѣ!» Я поклялся.

Гораціо (*за сценой*). Принцъ, принцъ!

Марцелло (*за сценой*). Принцъ Гамлетъ!

Гораціо (*за сценой*). Да сохранить его Господь!

Гамлетъ (*рѣшительно про себя*). Аминь!

Марцелло (*за сценой*). Го, го! Принцъ Гамлетъ!

Гамлетъ. Сюда, ребята! Сюда, соколы, сюда!

(*Входятъ Гораціо и Марцелло*).

Марцелло. Каковы дѣла, ваше высочество?

Гораціо. Что случилось, принцъ?

Гамлетъ. Чудеса!

Гораціо. Сообщите намъ, дорогой принцъ.

Гамлетъ. Нельзя, вы измѣните.

Гораціо. Я, никогда; клянусь небомъ, принцъ!

Марцелло. Я тоже.

Гамлетъ. Какъ вы говорите?—Подумала бы душа людская?—Но вы намѣрены молчать?

Гораціо и Марцелло. Да, клянемся небомъ, принцъ!

Гамлетъ. Нѣтъ въ цѣлой Даніи мерзавца, который не былъ бы и отъявленный плутъ.

Гораціо. Не для чего духу вставать изъ гроба, чтобы намъ сказать объ этомъ.

Гамлетъ. Дѣйствительно вы правы. Итакъ, я полагаю, безъ лишнихъ формальностей, пожмемъ другъ другу руки и разойдемся; дѣлайте, что велятъ вамъ призваніе и охота—у каждаго есть къ чему-нибудь призваніе и охота—слѣдую моей жалкой долѣ, какъ видите, я пойду молиться.

Гораціо. Это одни отводные и изворотливыя слова принца.

Гамлетъ. Мнѣ сердечно больно, что вы обижаетесь. Повѣрьте мнѣ, сердечно больно.

Горацио. Тутъ нѣтъ никакой обиды, принцъ.

Гамлетъ. Клянусь святымъ Патрикомъ, есть одна, Горацио, и горькая обида. Что же касается явленія, скажу вамъ, что это вполне достойный духъ. Любопытство, что такое между нами, преодолѣйте, какъ сами знаете.—А теперь, мои дорогіе, на сколько вы друзья мои, товарищи, солдаты, не откажите въ одной маленькой услугѣ.

Горацио. Въ чемъ дѣло, принцъ? мы готовы.

Гамлетъ. Ни въ какомъ случаѣ не говорить о томъ, что видѣли вы ночью.

Горацио и Марцелло. Никогда, принцъ.

Гамлетъ. Такъ, но поклянитесь!

Горацио. Честное слово, принцъ, я не скажу.

Марцелло. Я тоже, клянусь честью!

Гамлетъ. На мечъ моемъ!

Марцелло. Мы уже клялись, принцъ.

Гамлетъ. Не шути на мечъ моемъ, не шути!

Духъ (*подъ землей*). Клянитесь!

Гамлетъ. Ага, пріятель! И ты говоришь? Ты тамъ, духъ праведный? Итакъ — послушайте товарища изъ подземелья — и приготовьтесь исполнить клятву!

Горацио. Скажите, какую!

Гамлетъ. Никогда того, что вы видѣли, не говорить — клянитесь на мечъ моемъ!

Духъ (*подъ землей*). Клянитесь!

Гамлетъ. Здѣсь и всюду? Перемѣнимъ-те мѣсто! — Сюда, господа! Кладите снова руки на мечъ: о томъ, что вы слышали, никогда не говорить, клянитесь на мечъ моемъ!

Духъ (*подъ землей*). Клянитесь!

Гамлетъ. Молодецъ, старый кротъ! Такъ шибко роешь? Чудный минеръ! Еще разъ перейдемте, друзья.

Горацио. Клянусь солнцемъ, это необыкновенно странно.

Гамлетъ. Поклонимся же и мы ему, какъ страннику! На небесахъ и на землѣ есть много такихъ вещей, о которыхъ вашей школьной мудрости и не снится, Горацио. Идите же сюда! Здѣсь, какъ и передъ тѣмъ, клянитесь: (въ чемъ да поможетъ вамъ Господь) какъ бы дико и странно и ни вель себя, какимъ бы чудачкомъ я ни притворялся, если вы будете въ то время меня видѣть, ни сложеніемъ рукъ, ни качаніемъ головы, ни двумысленнымъ словомъ, какъ напримѣръ: «да, да, мы знаемъ»; или: «мы могли бы, если бы хотѣли»; или: «да если бы намъ можно было»; или «между вами есть такіе, если бы они только смѣли» — ни другими темными намеками не обнаружите, что вы обо мнѣ что-нибудь знаете. Что вы ничего такого не сдѣлаете, въ чемъ да поможетъ вамъ милосердіе Господне въ часъ величайшей скорби — вотъ въ чемъ клянитесь!

Духъ (*подъ землей*). Клянитесь!

Гамлетъ. Миръ, миръ съ тобою, встревоженный духъ! — Итакъ, любезные друзья мои, до свиданія, и на сколько такой бѣдный человекъ, какъ Гамлетъ, можетъ оказать вамъ любви и дружбы, за этимъ, съ Божьею помощью, дѣло не станеть. Идемъ, и объ одномъ только прошу — крѣпко палецъ на уста! Неладъ на свѣтѣ: о, проклятая судьба, когда подумаю, зачѣмъ я на свѣтъ рожденъ! — Пойдемъ всѣ вмѣстѣ.

(Уходятъ).

ДѢЙСТВІЕ II.

СЦЕНА 1-я.

Комната въ домъ Полонія.

Входятъ Полоній и Рейнгольдъ.

Полоній. Отдай ему вотъ эти деньги и бумаги, Рейнгольдъ.

Рейнгольдъ. Слушаю.

Полоній. Но ты поступишь весьма тонко, добрый Рейнгольдъ, если, прежде чѣмъ навѣстить его, наведешь о его поведеніи справки.

Рейнгольдъ. Объ этомъ я и самъ думалъ.

Полоній. Вотъ что хорошо сказано! Отлично сказано! Видишь ли, прежде всего спроси: кто есть изъ датчанъ въ Парижѣ; какимъ порядкомъ и какъ кто живетъ, съ кѣмъ и сколько проживаетъ; и если такими окольными путями замѣтишь, что они знаютъ моего сына, то приступи поближе, съ болѣе частными разспросами, пока наконецъ не попадешь прямо въ цѣль. «Я тоже его знаю, хотя издалека»; или такъ наприкладъ: «я знаю его отца, его друзей, а отчасти и его». — Понимаешь ли, Рейнгольдъ?

Рейнгольдъ. Отлично.

Полоній. «Отчасти и его»; можешь сказать, «что знаешь его мало и, если это тотъ самый, то онъ буйнъ, занимается то тѣмъ, то онымъ». — Послѣ того, выдумай грѣшокъ, какой за нимъ водится; но ничего такого, чтобы задѣвало его честь; этого не смѣй; нѣтъ, такъ какія-нибудь буйныя, разгульныя, свойственныя юности и свободѣ, шалости.

Рейнгольдъ. Наприкладъ: играть.

Полоній. Да; или кутить, драться, буянить, вздорить, навѣщать гризетокъ — такъ еще можешь.

Рейнгольдъ. Но это сударь его опозорить.

Полоній. Нисколько, мой дорогой, если ты только сумѣешь дать дѣлу надлежащій оборотъ. Ты не долженъ честить его такъ, какъ будто онъ находится подъ вліяніемъ неодолимой страсти — не то я думаю; покажи его недостатки въ приличномъ свѣтѣ, чтобы они казались только послѣдствіями злоупотребленія свободой, порывами пылкой натуры, волненіемъ неукротимой крови, сбивающей всякаго съ ногъ.

Рейнгольдъ. Но, любезный баринъ...

Полоній. Для чего ты долженъ такъ поступать?

Рейнгольдъ. Именно я бы желалъ знать.

Полоній. Ахъ, какой же ты! Мой планъ состоитъ вотъ въ чемъ и, какъ я думаю, это будетъ дудка, на которую манять птицу; бросишь ты на личность сына небольшую тѣнь, будто у него такъ только рыльце въ пуху — понимаешь! Если твой собесѣдникъ, котораго ты выпытываешь, будетъ знать что-нибудь о молодомъ человѣкѣ, будь увѣренъ онъ самъ начнетъ съ тобою такъ: «любезный господинъ», или «другъ», или «мой почтеннѣйшій», какъ принято въ той странѣ обращаться къ другимъ.

Рейнгольдъ. Понимаю.

Полоній. Послѣ того, какъ онъ это сдѣлаетъ: — онъ сдѣлаетъ — да! Что же я хотѣлъ сказать? Ахъ, чортъ возьми, я что-то хотѣлъ сказать. На чемъ я остановился?

Рейнгольдъ. На «онъ начнетъ съ тобою такъ».

Полоній. Онъ начнетъ съ тобою такъ. Да, онъ начнетъ съ тобою такъ: «я этого господина знаю хорошо, я видѣлъ его вчера, или очень недавно, или когда бы тамъ

ни было, въ обществѣ съ тѣмъ и съ тѣмъ; и, какъ вы говорите, онъ велъ игру большую; тамъ видѣли его кутищимъ, тамъ подрался онъ за игрой; или же: «я видѣлъ какъ онъ отправился въ веселый домъ» (желая сказать о домѣ терпимости) и тому подобное. — Видишь ли, какъ твоя примана-ложь выуживаетъ правду-рыбу. Вотъ какъ мы, народъ проученный, зоркій, изъ-за угла, по кривой дорогѣ, умѣемъ достигнуть прямой цѣли! Такимъ-то образомъ, какъ я тебѣ совѣтую и учу, ты можешь развѣдать о сынѣ все. Понялъ ты, въ чемъ дѣло, да?

Рейнгольдъ. Понялъ.

Полоній. Ну, съ Богомъ!

Рейнгольдъ. Мой добрѣйшій баринъ...

Полоній. Самъ слѣди за его направленіемъ.

Рейнгольдъ. Будьте покойны.

Полоній. Да чтобы онъ мнѣ прилежно занимался музыкой!

Рейнгольдъ. Слушаю.

Полоній. Съ Богомъ! (*Рейнгольдъ уходитъ*).

(*Входитъ Офелія*).

Полоній. Ну что, Офелія, что слышно?

Офелія. Ахъ, милый батюшка, я такъ испугалась!

Полоній. Чего, ради Бога?

Офелія. Когда я шла въ моей комнатѣ, вдругъ принцъ Гамлетъ—въ разорванномъ кафтанѣ, безъ шапки, въ грязныхъ и опустившихся по косточки чулкахъ; блѣдный, какъ рубаха, съ дрожащими колѣнями; взоръ, исполненный такой невыразимой скорби, какъ будто онъ вырвался изъ ада, чтобы рассказать объ ужасахъ его,—въ такомъ видѣ онъ вошелъ ко мнѣ.

Полоній. Съ ума сошелъ отъ любви?

Офелія. Не знаю, но я дѣйствительно этого боюсь.

Полоній. Что же онъ говорилъ?

Офелія. Онъ схватилъ меня за руку и крѣпко сжалъ ее; послѣ того отклонился назадъ, на сколько хватило руки; другую же, приложивши вотъ такъ, подъ глазомъ, столь пристально смотрѣлъ мнѣ въ лицо, какъ будто хотѣлъ писать съ меня портретъ. Долго стоялъ онъ такъ; наконецъ, пожавши слегка мнѣ руку и трижды покачавъ головой то въ одну, то въ другую сторону, такъ страшно и глубоко вздохнулъ, какъ будто хотѣлъ самъ себя раздавить и порѣшнить съ своимъ существованіемъ. Послѣ того онъ меня отпустилъ и, обернувши голову назадъ, не смотря куда, ушелъ, и такъ до послѣдней минуты не сводилъ съ меня глазъ.

Полоній. Ступай со мной, ступай; я постараюсь увидѣть короля. Это настоящій бредъ любви, которая, въ такой сильной степени, сама себя губитъ и часто, какъ всякая другая страсть, что здѣсь подъ луной насъ мучить, приводитъ къ отчаянному рѣшенію. Жаль мнѣ! Признаться, не обошлась ли ты съ нимъ слишкомъ уже сурово?

Офелія. Нѣтъ, добрѣйшій отецъ. Я только, какъ вы приказали, отослала письма и запретила ему приближаться ко мнѣ.

Полоній. Это и свело его съ ума. Жаль, что я его такъ плохо понималъ. Я боялся, что онъ только шутить и хочеть тебя увлечь. Проклятая подозрительность! Видно, намъ старымъ, съ нашими понятіями, такъ свойственно переходить за предѣлы, какъ часто молодежи случается быть опрометчивой. Пойдемъ къ королю, пойдемъ! Потому что скрыть передъ нимъ любовь—промахъ гораздо болѣе опасный, чѣмъ доложить о ней. Идемъ!

(*Оба уходятъ*).

СЦЕНА 2-я.

Комната въ замкѣ.

Входятъ король, королева, Розенкранцъ, Гильденштернъ и свита.

Король. Здравствуйте, Розенкранцъ и Гильденштернъ! Мы не только желали страстно видѣть васъ; но, нуждаясь, кромѣ того, въ вашей службѣ, мы поторопились послать за вами. Вы слыхали уже о перерожденіи Гамлета; я выражаюсь такъ потому, что ни тѣломъ, ни духомъ человѣкъ не то, чѣмъ былъ. Что бы это могло быть, если не смерть отца, отчего онъ сталъ такъ далеко самъ не свой, я не могу придумать. Я прошу васъ обоихъ—какъ вы съ дѣтскихъ лѣтъ съ нимъ воспитывались и близко знаете его молодость и характеръ—останьтесь на нѣкоторое время при дворѣ и постарайтесь втянуть его въ разнаго рода развлеченія и, при этомъ, на сколько возможно, прослѣдить: что бы это было такое, намъ неизвѣстное, что его такъ удручаетъ и чему мы, безъ сомнѣнія, желали бы помочь.

Королева. Васъ, господа, онъ часто называлъ. Я навѣрно знаю, что нѣтъ двоихъ другихъ, къ кому бы онъ былъ такъ равнодушенъ. Если вамъ угодно оказать намъ важную услугу и на нѣкоторое время остаться съ нами—на васъ вся наша надежда и спасеніе—то награда за визитъ вашъ будетъ вполне достойна короля.

Розенкранцъ. Вашимъ величествамъ, какъ верховной власти и волѣ, принадлежитъ право скорѣе повелѣвать намъ, чѣмъ просить.

Гильденштернъ. Повинуемся; и, по мѣрѣ силъ, повер-

гаемъ всю службу нашу къ стопамъ вашимъ—располагайте ею какъ угодно.

Король. Благодаримъ, Гильденштернъ и любезный Розенкранцъ! Навѣстите же немедленно моего сына, который ужасно измѣнился. Отправьтесь кто-нибудь и укажите господамъ, гдѣ теперь Гамлетъ!

Гильденштернъ. Дай Богъ, чтобы наше общество и старанія были ему пріятны и полезны!

Королева. Далъ бы Богъ! (*Розенкранцъ, Гильденштернъ и некоторые изъ свиты уходятъ.*)

(*Входитъ Полоній.*)

Полоній. Ваше величество, послы возвратились изъ Норвегій въ отличномъ настроеніи.

Король. Ты всегда былъ отцомъ пріятныхъ новостей.

Полоній. Не правда ли? Да, будьте увѣрены, государь, что я посвящаю, какъ всѣ силы мои, такъ и душу мою сперва Богу, а потомъ всемілостивѣйшему моему королю.—А теперь-то я увѣренъ (неужто же этотъ мозгъ не гонитъ уже такъ вѣрно, какъ бывало, по слѣдамъ ума), что докопался наконецъ, гдѣ собственно вина помѣшательства Гамлета.

Король. О, расскажите, я съ особеннымъ вниманіемъ буду слушать.

Полоній. Примите сперва пословъ. Новость моя будетъ какъ десертъ на большомъ пиру.

Король. Вы сами сдѣлайте имъ честь и представьте ихъ! (*Полоній уходитъ*). Онъ говоритъ, любезная Гертруда, будто открылъ источникъ болѣзни вашего сына.

Королева. Я боюсь, что единственная тому причина—смерть его отца и наше скорое вступленіе въ бракъ.

Король. Хорошо, мы постараемся раскусить его. (*Полоній возвращается съ Вольтимандомъ и Корнелиемъ*).

Король. Здравствуйте, любезные друзья!—Вольтимандъ, расскажите, что приносите вы отъ нашего брата Норвега.

Вольтимандъ. Взаимный и самый дружелюбный поклонъ. Чуть только мы наемкнули, онъ тотчасъ послалъ остановить наборъ солдатъ, на который смотрѣлъ, какъ на приготовленіе къ войнѣ съ поляками; но, разузнавши, въ чемъ дѣло, онъ убѣдился, что дѣйствительно затѣвлась экспедиція противъ вашего величества. Огорченный, что, по болѣзни и старости, такъ обмануть, онъ арестуетъ Фортинбраса, дѣлаетъ ему строжайшій выговоръ и въ концѣ-концовъ, заставляетъ его дать клятву—ни въ какомъ случаѣ не поднимать оружія противъ вашего величества. Обрадованный такому результату, старый Норвегъ назначилъ ему три тысячи червонцевъ содержанія въ годъ, уполномочивая употребить набранныя войска противъ поляковъ. (*Подаетъ грамоту*). Обстоятельная его просьба къ вашему величеству, чтобы высочайше разрѣшенъ былъ переходъ черезъ ваши предѣлы на такихъ условіяхъ и гарантіяхъ, какія вотъ здѣсь изложены.

Король. Мы признаемъ это за благо; въ свободное время прочтемъ, обсудимъ и дадимъ отвѣтъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ благодаримъ васъ за успѣшныя труды; отдохните; сегодня мы пируемъ вмѣстѣ. Мой домъ открытъ для васъ всегда! (*Вольтимандъ и Корнелій уходятъ*).

Полоній. Итакъ это дѣло въ шляпѣ. Государь и все-милостивѣйшая государыня, разбирать здѣсь, что такое монаршее величіе, что такое преданность, почему день днемъ, ночь ночью, время временемъ: это бы значило и ночь, и день, и время попусту терять. Поелику сжатость—душа остроумія, многорѣчивость—тѣло и наружная прикраса, я выскажусь въ краткихъ словахъ. Вашъ благородный сынъ сумасшедшій. Сумасшедшимъ я называю его:

ибо въ чемъ и состоитъ сумасшествіе, какъ не въ томъ, что человѣкъ становится точь-въ-точь какъ сумасшедшій? Но дѣло не въ томъ.

Королева. Побольше толку, поменьше искусства!

Полоній. Какъ честный человѣкъ, я нисколько не люблю искусства. Что онъ сумасшедшій—это истина; что это истина—жаль; и жаль, что это истина. Однако, это безтолковая фраза—ну ее! Приступлю къ дѣлу безъ малѣйшаго искусства. Итакъ, мы считаемъ его сумасшедшимъ; остается узнать причину эффекта, или, правильнѣе, причину дефекта, такъ какъ этому дефектъ-эффекту есть же причина. Какъ бы то ни было, но дѣло вотъ въ чемъ: судите сами! (*Вынимаетъ изъ кармана бумагу*). У меня есть дочь; я имѣю ее, потому что она моя, которая мнѣ, видите ли, по долгу послушанія, вотъ что передала; рѣшайте и совѣтуйте. (*Читаетъ*) «Божественной, идолу души моей, прелестной Офеліи». Некрасивое выраженіе, пошлое выраженіе; прелестной—пошлое выраженіе. Но послушайте дальше: «На прекрасную и нѣжную грудь ея эти строки», и т. д.

Королева. Это Гамлетъ ей прислалъ?

Полоній. Терпѣніе, королева, я вамъ все доложу. (*Читаетъ*) «Сомнѣвайся въ чистотѣ солнца, сомнѣвайся въ блескѣ звѣздъ, сомнѣвайся можетъ ли правда лгать, но «въ любви моей—никогда. О, милая Офелія, я не мастеръ «писать стихами, я не владѣю искусствомъ размѣрять сто- «пами мои вздыханія; но что я тебя достойнѣе всего люблю, «о достойнѣйшая, этому ты вѣрь. Прощай! На вѣки твой, «дражайшая дѣвушка, пока эта машина во власти моей.

Гамлетъ».

По долгу послушанія, мнѣ показала это дочь, и, кромѣ того, на ухо рассказала о его настойчивомъ ухаживаніи,—

въ какое время, какимъ манеромъ и въ какомъ мѣстѣ это случилось.

Король. Какъ, однако, она приняла его любовь?

Полоній. Какого же вы обо мнѣ мнѣнія?

Король. Что вы человѣкъ преданный и честный.

Полоній. Я всегда готовъ доказать это. Однако, что бы вы подумали, если бы я, видя начало этой горячей любви (я ее замѣтилъ, нужно вамъ сказать, до того еще, какъ мнѣ дочь сказала), что бы вы подумали, или моя дорогая королева, вашего величества супруга, если бы я въ этомъ случаѣ игралъ роль мѣшкѣ для писемъ или письменнаго стола; если бы я, скрѣпя сердце, преспокойно и хладнокровно смотрѣлъ на эту любовь? Что бы вы подумали? Нѣтъ, я поступилъ рѣшительно и сказалъ моей молодой красоткѣ такъ: «принцъ Гамлетъ — владѣтельнаго дома князь, слишкомъ для тебя высокая чета; чтобы этого не было»; и тогда же я приказалъ, чтобы она затворяла передъ нимъ двери, не пускала къ себѣ посланцовъ его, не принимала отъ него подарковъ. Она воспользовалась моимъ совѣтомъ; и онъ, отвергнутый (какъ бы это сказать покороче), бросился сперва въ отчаяніе, потомъ въ постъ, затѣмъ въ бессонницу, потомъ въ ослабленіе, затѣмъ въ разгулъ и, такимъ образомъ, постепенно пришелъ къ сумасшествію, въ которомъ теперь путается и на всѣхъ насъ наводитъ тоску.

Король (къ королеве). Какъ вы думаете, такъ ли это?

Королева. Очень можетъ быть; все возможно.

Полоній (къ королю). Хотѣлъ бы я знать: замѣтили вы когда-нибудь, чтобы то, о чемъ я сказалъ навѣрно: «это такъ», вышло бы не такъ.

Король. Никогда, сколько знаю.

Полоній (указывая на свою голову и плечи). Отнимите

вотъ это отъ этого, если не такъ. Когда я разъ напалъ на слѣдъ, непременно добьюсь, гдѣ застряла правда, застряна она хоть въ самомъ центрѣ.

Король. Нельзя ли въ этомъ точнѣе убѣдиться?

Полоній. Вамъ извѣстно, что онъ цѣлые часы ходитъ взадъ и впередъ по этой галереѣ.

Королева. Дѣйствительно такъ.

Полоній. Я хочу подослать къ нему дочь мою; станьте въ это время со мною за ковромъ, и по ходу замѣчайте: если онъ ее не любитъ и не за это поплатился умомъ, то пусть не буду болѣе вашъ статсъ-секретарь, велите мнѣ поле пахать и ходить за лошадьми.

Король. Увидимъ.

(Входитъ Гамлетъ, читая).

Королева. Смотрите, бѣдняжка идетъ, какой скучный и читаетъ.

Полоній. Уходите, ради Бога, уходите! Я тотчасъ къ нему подѣжду. Позвольте, пожалуйста. (Король, королева и свита уходятъ) (Къ Гамлету). Какъ поживаетъ моей дорогой принцъ Гамлетъ?

Гамлетъ. Славу Богу, ничего.

Полоній. Знаете ли вы меня, принцъ?

Гамлетъ. Отлично. Вы рыбакъ.

Полоній. Ну нѣтъ, принцъ, далеко не то.

Гамлетъ. Я бы желалъ, чтобы вы были такимъ честнымъ человѣкомъ.

Полоній. Честнымъ, принцъ?

Гамлетъ. Да, милостивый государь; честнымъ быть въ этомъ мѣрѣ, значить быть избраннымъ изъ десяти тысячъ.

Полоній. Сущая правда, принцъ.

Гамлетъ. Потому что если солнце выводитъ червей въ дохлой собакѣ, божество цѣлуетъ падалъ — есть у васъ дочь?

Полоній. Есть, принцъ.

Гамлетъ. Не пускайте ее на солнце. Зачатье—дѣло благословленное; но, какъ бы не зачала иногда дочь ваша—берегитесь, другъ.

Полоній. Что вы хотите этимъ сказать? (*Въ сторону*). Такъ и намекаетъ все на дочь мою. А меня сначала не узналъ; сказалъ, что я рыбакъ. Далеко зашелъ, далеко! Признаться, въ молодости и меня любовь бросала въ болшія передраги, чуть-чуть не такъ же круто, какъ и его. Поговорю-ка съ нимъ еще. (*Громко*). Что вы читаете, принцъ?

Гамлетъ. Слова, слова, слова.

Полоній. О чемъ же это толкуютъ тамъ?

Гамлетъ. Кто толкуетъ?

Полоній. Я хочу сказать: что такое тамъ въ книгѣ, принцъ.

Гамлетъ. Клеветы, сударь мой. Какой-то тамъ плутъ-сатирикъ утверждаетъ, что у стариковъ сѣдая борода; что лице у нихъ покрывается морщинами; что изъ глазъ у нихъ течетъ клейкая амбра и смола; что у нихъ большой недостатокъ остроумія, а притомъ очень слабыя ребра. И хотя я и самъ искренно и твердо во всемъ этомъ убѣжденъ, но не нахожу удобнымъ выражаться такъ на бумагѣ. Вы сами, милостивый государь, стали бы такимъ же старикомъ, какъ я, если бы могли пятиться задомъ, какъ ракъ.

Полоній (*въ сторону*). Это уже сумасшествіе, но—систематическое. (*Громко*). Не хотите ли уйти отъ вѣтра, принцъ?

Гамлетъ. Въ мой гробъ?

Полоній. Да, это было бы дѣйствительно уйти отъ вѣтра. (*Въ сторону*). Какъ мѣтки иногда его отвѣты! Странно, что

сумасшествіе часто имѣетъ въ себѣ то, что не подь силу здравому смыслу и уму. Я его брошу и тотчасъ постараюсь устроить ему свиданье съ дочерью моей. (*Громко*). Ваше высочество, почтительнѣйше прошу разрѣшить мнѣ взять отпускъ у васъ.

Гамлетъ. Ничего такъ охотно я не позволилъ бы вамъ взять у меня—кромѣ жизни, кромѣ жизни.

Полоній. Прощайте, принцъ!

Гамлетъ. Скучные старые дураки!

(*Входятъ Розенкранцъ и Гильденштернъ*).

Полоній (*проходя мимо*). Вы ищете принца Гамлета? Онъ тамъ.

Розенкранцъ (*къ Полонію*). Будьте здоровы!

(*Полоній уходитъ*).

Гильденштернъ. Многоуважаемый принцъ!

Розенкранцъ. Дорогой принцъ!

Гамлетъ. Безцѣнные друзья мои! Что подѣлываешь ты, Гильденштернъ? — А, Розенкранцъ! — Каково поживаете, джентельмены?

Розенкранцъ. Какъ питомцы этой земли, средняго разбора.

Гильденштернъ. Счастливы, потому что не черезъ мѣру счастливы; не макушка мы на шляпѣ у фортуны.

Гамлетъ. Но и не подошвы сапогъ ея?

Розенкранцъ. Нельзя этого сказать, принцъ.

Гамлетъ. Пребываете, значитъ, тамъ, гдѣ ея поясъ, или въ средоточіи щедротъ ея.

Гильденштернъ. Сказать правду, мы съ нею на короткой ногѣ.

Гамлетъ. На лонѣ башни счастья? О, совершенно вѣрно! — Она, вѣдь, легкаго поведенія женщина. Что новаго?

Розенкранцъ. Ничего, принцъ, развѣ то, что свѣтъ сталъ честнымъ.

Гамлетъ. Наступаетъ, значить, день страшнаго суда; но ваша новость несправедлива. Позвольте, однако же, спросить васъ: въ чемъ провинились вы, любезные друзья мои, противъ фортуны, что она шлетъ васъ сюда, въ тюрьму?

Гильденштернъ. Въ тюрьму, принцъ?

Гамлетъ. Данія—тюрьма.

Розенкранцъ. Послѣ того и свѣтъ цѣлый—тоже тюрьма.

Гамлетъ. Великолѣпная, въ которой множество перегодокъ, норъ и карцеровъ. Данія—одна изъ самыхъ гадкихъ.

Розенкранцъ. Мы о ней такъ не думаемъ, принцъ.

Гамлетъ. Тогда для васъ и тюрьмы не существуетъ; такъ какъ ничто само по себѣ не бываетъ ни доброе, ни злое; все зависитъ отъ того, какъ смотримъ мы на что. Для меня—она тюрьма.

Розенкранцъ. Ваше честолюбіе превращаетъ ее въ тюрьму; она слишкомъ мала для вашего духа.

Гамлетъ. О, Боже, меня бы можно заключить въ скорлупѣ орѣха, и я бы счелъ себя владыкой обширнѣйшей территоріи,—если бы не мрачныя мечты мои.

Гильденштернъ. Мечты-то эти, на самомъ дѣлѣ, и есть честолюбіе; такъ какъ сущность честолюбія—только тѣнь мечты.

Гамлетъ. Мечта сама ничто иное, какъ тѣнь.

Розенкранцъ. Конечно; и для меня честолюбіе кажется такого воздушнаго и призрачнаго свойства, что оно само—только тѣнь тѣни.

Гамлетъ. Такимъ образомъ наши нищія—тѣла, а наши монархи и напыщенные герои—тѣни нищихъ. Не пора

ли намъ во дворецъ? Право, я что-то не въ духѣ переливать изъ пустаго въ порожнее.

Розенкранцъ и Гильденштернъ. Мы къ вашимъ услугамъ.

Гамлетъ. Никакихъ услугъ; я не причисляю васъ къ послѣднимъ изъ слугъ моихъ; ибо скажу вамъ, какъ честный человѣкъ: моя свита отвратительна. Но, чтобы остаться на гладкой, столбовой дорогѣ дружбы, что подѣлываете вы въ Гельзингерѣ?

Розенкранцъ. Мы хотѣли навѣстить васъ, и только.

Гамлетъ. Ницѣй, какъ я, я даже бѣденъ благодарностью. Но я благодарю васъ, хотя навѣрно, милые друзья мои, моя благодарность не стоитъ и мѣднаго гроша. Развѣ за вами не послали? Собственное ли ваше желаніе? Добровольный визитъ? Пожалуста, поступайте со мною прямо!—Такъ и быть! Ну, скажите!

Гильденштернъ. Что сказать, принцъ?

Гамлетъ. Что хотите—лишь бы не правду. За вами послали; что-то въ родѣ признанія замѣтно въ вашихъ глазахъ недостаточно лукавыхъ, чтобы притворяться. Я знаю—добрыѣйшій король и королева за вами послали.

Розенкранцъ. Съ какою цѣлью, принцъ?

Гамлетъ. Вотъ, именно это я и долженъ узнать отъ васъ. Заклинаю же васъ именемъ нашей школьной дружбы, союзомъ нашей юности, обязательствомъ нашей испытанной любви и всѣмъ дорогимъ, что могъ бы болѣе искусный ораторъ положить вамъ на душу—скажите откровенно: посылали за вами или нѣтъ.

Розенкранцъ (къ Гильденштерну). Что скажете?

Гамлетъ (въ сторону). Понимаю. (Громко) Если вы меня любите, признайтесь.

Гильденштернъ. Принцъ, за нами послали.

Гамлетъ. Я вамъ скажу зачѣмъ; моя догадка преду-

предить вашу измѣну, такъ что вы ни на одинъ дюймъ не погрѣшите ни противъ короля, ни противъ королевы. Недавно—не знаю почему—я лишился всей энергіи моего духа, бросилъ всѣ обыкновенныя мои занятія и, дѣйствительно, такъ разстроенъ, что земля,—это великолѣпное строеніе, кажется мнѣ однимъ пустыннымъ мысомъ. Видите ли этотъ прелестный балдахинъ—воздухъ, этотъ смѣло опрокинутый сводъ неба, эту величественную, вытканную золотымъ огнемъ крышу, — все это для меня не болѣе, какъ скопленіе испорченныхъ и заразительныхъ паровъ. Что за дивное твореніе человѣкъ! Какъ благороденъ по уму! Какъ непредѣльны его способности! Какое достоинство и сила въ его осанкѣ и движеніяхъ! Въ дѣлахъ какъ схожъ съ ангеломъ, въ помыслахъ какъ схожъ съ Богомъ! Краса міра! Первообразъ всего живущаго! И что же для меня эта квинтъ-эссенція изъ пыли? Не по душѣ мнѣ мужчина, (*Розенкранцъ и Гильденштернъ смѣются*) женщина—тоже, въ чемъ какъ будто вы сомнѣваетесь, судя по вашей улыбкѣ.

Розенкранцъ. Ничего подобнаго не приходило мнѣ на умъ, принцъ.

Гамлетъ. Отчего же вы смѣялись, когда я сказалъ, что не по душѣ мнѣ мужчина?

Розенкранцъ. Если такъ, я думалъ, то какое же постное угощеніе найдутъ у васъ актеры, которыхъ мы повстрѣчали на дорогѣ, и которые ѣдутъ сюда, чтобы предложить вамъ свои услуги.

Гамлетъ. Тому, кто играетъ королей, я сердечно радъ—его величеству уплачу должную дань; странствующій рыцарь пуститъ въ дѣло свое копьё и свой шлемъ; любовникъ не будетъ безвозмездно вздыхать; чудакъ доведетъ роль свою до конца мирно; шутъ можетъ смѣшить

готовыхъ всегда смѣяться; барышня можетъ открыто объясняться въ любви, развѣ стихи для этого будутъ черезчуръ ужъ плохи.—Что это за труппа?

Розенкранцъ. Та самая, которая вамъ доставляла столько удовольствія—столичные актеры.

Гамлетъ. Почему же они развѣзжаютъ? Постоянное мѣсто жительства выгоднѣе было бы, какъ для славы ихъ, такъ и для кармана.

Розенкранцъ. Я думаю, что это происходитъ вслѣдствіе недавно случившихся нововведеній.

Гамлетъ. Пользуются ли они тѣмъ же вниманіемъ, какъ и въ то время, когда я былъ въ городѣ? Такъ ли охотно ихъ посѣщаютъ?

Розенкранцъ. Нѣтъ, далеко не такъ.

Гамлетъ. Отчего же? развѣ они уже стали плохи?

Розенкранцъ. Нисколько; ихъ старанія идутъ своимъ порядкомъ; но тамъ появилось гнѣздо дѣтей, едва вылупившихся цыплятъ, которые немилосердно пищатъ и за что имъ безпощадно аплодируютъ. Они теперь въ большомъ ходу и издѣваются надъ штатными театрами (какъ называютъ они прочіе театры) до того, что многіе изъ носящихъ шпагу, боясь гусинаго пера, едва осмѣливаются ходить туда.

Гамлетъ. Неужто дѣти? Кто же ихъ содержитъ? платить имъ жалованье? Развѣ они до тѣхъ поръ только остаются актерами, пока поютъ дискантомъ? Не скажутъ ли они вполнѣдствіи, когда сдѣлаются штатными актерами (что очень вѣроятно, когда они ни къ чему другому не будутъ приспособлены), что писатели ихъ комедій глупыя, заставляя ихъ самихъ декламировать противъ того, что ожидаетъ ихъ?

Розенкранцъ. Право, съ обѣихъ сторонъ было много

шума, и толпа нисколько не стѣсняется возбуждать обѣ стороны къ дракѣ. Доходило иногда до того, что нельзя было ничего подблать съ пьесой, если въ ней писатель и актеры чуть не вцѣплялись въ волосы другъ другу.

Гамлетъ. Неужели?

Гильденштернъ. О, много было потрачено мозговъ на это.

Гамлетъ. И что же, дѣти побѣждаютъ?

Розениранцъ. Какъ же, они побѣдили, принцъ, актеровъ Геккулеса съ зеленымъ шаромъ на плечахъ.

Гамлетъ. Немудрено; мой дядя сталъ же королемъ Дании; и вотъ, именно тѣ самые, что строили ему рожу, пока жилъ мой отецъ, платятъ теперь 20, 40, 50, даже 100 червонцевъ за его миніатюру. Чортъ возьми, тутъ что-то сверхъестественное, если бы философія какъ нибудь объяснила намъ это! (*Звуки трубъ за сценой*).

Гильденштернъ. Вотъ и актеры.

Гамлетъ. Любезные господа, вамъ очень рады въ Гельзингерѣ. Дайте ваши руки! Вотъ такъ! Привѣтливый манеры и комплименты необходимы, когда мы рады кому. Позвольте мнѣ привѣтствовать и васъ такимъ же порядкомъ, чтобы мое обращеніе съ актерами (которое, говорю, по наружности, должно быть особенно ласково) не показалось болѣе вѣжливымъ, чѣмъ обращеніе мое съ вами. Вамъ очень, очень рады; но мой дядя-отецъ и моя тетка-мать ошибаются.

Гильденштернъ. Въ чемъ, дорогой принцъ?

Гамлетъ. Я теряю умъ только при сѣверо-восточномъ вѣтрѣ; но при южномъ я могу отличить колокольню отъ фонарнаго столба.

(*Входитъ Полоній*).

Полоній. Здравствуйте, господа!

Гамлетъ. Слушайте, Гильденштернъ!—и вы тоже—на

каждое ухо по одному слушателю: большой грудной ребенокъ, котораго вы видите, еще въ пеленкахъ.

Розениранцъ. А можетъ быть, онъ вторично туда забрался; говорятъ же, что старики снова дѣлаются дѣтьми.

Гамлетъ. Я предсказываю, что онъ пришелъ сказать объ актеряхъ. Вотъ увидите!—Совершенно справедливо, милостивый государь: это было какъ разъ въ понедѣльникъ утромъ.

Полоній. Ваше высочество, я хочу сообщить вамъ новость.

Гамлетъ. Ваше высочество, я хочу сообщить вамъ новость.—«Когда актеръ Росцій былъ въ Римѣ».

Полоній. Актеры пріѣхали, принцъ.

Гамлетъ. Дудки, дудки!

Полоній. Какъ честный человекъ.

Гамлетъ. «Каждый ѣхалъ на своемъ ослѣ».

Полоній. Самые лучшіе актеры въ мірѣ: для трагедій, комедій, исторій, пасторалей, пастораль-комедій, историко-пасторалей, трагико-исторій, трагико-комико-историко-пасторалей, для нераздѣльнаго дѣйствія и для какихъ угодно длинныхъ поэмъ. Для нихъ Сенека не слишкомъ трагиченъ и Плавтъ не слишкомъ комиченъ. Сочинить или сказать экспромтомъ—съ ними никто не сравнится.

Гамлетъ. «О, Іеффай, судья Израиля!» Какое сокровище ты имѣлъ?

Полоній. Какое сокровище онъ имѣлъ, принцъ?

Гамлетъ. Слушайте:

«И прекрасную дочь онъ имѣлъ,
Онъ любилъ ее отъ души».

Полоній (*въ сторону*). Непремѣнно моя дочь.

Гамлетъ. Не правъ ли я, старый Іеффай?

Полоній. Если вы меня зовете Іеффеамъ, принцъ, то я имѣю дочь, которую черезъ мѣру люблю.

Гамлетъ. Нѣтъ, не то слѣдуетъ.

Полоній. Что же слѣдуетъ, принцъ?

Гамлетъ. Да вотъ что:

«Счастью жизни конецъ
Положилъ нашъ творецъ».

Затѣмъ вы знаете:

«И случилось съ ней то,
Что всѣмъ намъ суждено».

Дальше вы можете сами узнать изъ перваго отдѣла святочныхъ пѣсень, а теперь, какъ видите, приходится прекратить наши рѣчи.

(Входятъ четыре или пять актеровъ).

Гамлетъ. Здравствуйте, господа, добро пожаловать!— Я радъ, что вижу тебя.—Добро пожаловать, любезные друзья мои!—Ахъ, старый другъ, какъ ты важно обросъ съ тѣхъ поръ, какъ я тебя не видѣлъ! Неужто ты пришелъ сюда, въ Данію, похваляться бородой своей?—А, моя прекрасная дамочка! Вы подскочили къ небу на каблукъ выше съ тѣхъ поръ, какъ я васъ не видѣлъ. Дай Богъ, чтобы вашъ голосъ, какъ старая монета, не потерялъ своей звучности.—Всѣмъ очень радъ, господа! Какъ французскіе сокольничьи, налетимъ сразу на все, что попадется подъ руку. Сыграемте что-нибудь! Покажите намъ образчикъ вашего искусства. Такъ, какую-нибудь патетическую рѣчь!

1-й актеръ. Какую рѣчь прикажете, ваше высочество?

Гамлетъ. Однажды я слыхалъ, какъ ты читалъ отрывокъ; пьеса ни разу не была поставлена на сцену, а если и была, то не болѣе одного раза, и, сколько могу припом-

нить, она не понравилась толпѣ—это была икра для просто-народья. Но, по моему мнѣнію и по мнѣнію знатоковъ, далеко болѣе компетентныхъ въ такомъ дѣлѣ чѣмъ я,—пьеса превосходная: сцены въ ней распределены правильно, задумана она весьма искусно и умно. Я помню, что кто-то сказалъ о ней, что въ стихахъ нѣтъ вовсе соли и перца, чтобы придать мыслямъ болѣе остроты; что въ выраженіяхъ со стороны автора не было намѣренія щеголять прикрасами; но онъ считалъ ее написанной просто и столько же со здравымъ смысломъ, какъ и пріятной, и далеко болѣе красивой, чѣмъ прикрашенной. Въ пьесѣ этой больше всего мнѣ нравился одинъ монологъ: это рассказъ Энея Дидонѣ; въ особенности то мѣсто, гдѣ онъ описываетъ убійство Приама. *(Къ одному изъ актеровъ).* Если вы не забыли начните съ этой строки: позвольте, позвольте—

«Свирѣпый Пирръ, какъ левъ гирканскій».

Нѣтъ, не такъ, ошибаюсь; но начинается оно Пирромъ.

«Свирѣпый Пирръ, онъ, котораго мрачные доспѣхи,
«черные какъ замыслы его, похожіе на ту ночь, когда
«онъ засѣлъ въ утробѣ зловѣщаго коня,—убралъ теперь
«свой страшный станъ болѣе грозными гербами: съ головы
«до ногъ цвѣта алой краски; какъ чудовище, облѣпленъ
«былъ кровью отцовъ, матерей, дочерей и сыновей; осу-
«шаемый и липкій отъ жара пылающихъ улицъ, которые
«грознымъ и адскимъ заревомъ освѣщали убійство своего
«владыки. Распаленный огнемъ и злобой, обрызганный гу-
«стою кровью, съ глазами какъ бы изъ краснаго камня,
«ищетъ дьявольскій Пирръ праотца Приама».—Продолжайте.

Полоній. Ей Богу, принцъ, великолѣпно прочитано— благороднымъ тономъ и съ отличной выдержкой.

1-й актеръ. «Скоро онъ находитъ его, безсильнаго дать

«отпоръ врагу: его старый мечъ не слушается руки и, невнимательный къ повелѣнію, лежитъ тамъ, гдѣ упалъ. «Далеко неравномѣрный, бросается Пирръ на Пріама и «высоко взмахнулъ мечомъ; но отъ одного свиста убій- «ственного меча падаетъ обезсиленный отецъ. И Троя «бездыханная, казалось, задрожала отъ этого взмаха; ея «объятая пламенемъ башня рушилась на землю и своимъ «ужаснымъ трескомъ оглушила Пирра. Смотрите, мечъ его, «сверкнувшій надъ бѣлою, какъ молоко, головой маститаго «Пріама, будто повисъ на воздухѣ. Такъ стоялъ онъ, об- «мазанное чудовище, въ недоумѣніи между силой и волей «безъ всякаго движенія. Но, какъ часто мы видимъ передъ «бурей: тишина на небѣ, присмирѣли тучи, вѣтеръ не «шелохнетъ, а внизу земля мрачная, какъ смерть—вдругъ «ужасный громъ разсѣкаетъ воздухъ; такъ и мщеніе, за «минуту замедленія, снова поднимаетъ Пирра; и никогда «еще молоты циклоповъ не разили такъ безпощадно пан- «цырь Марса, скованный какъ вѣчность, какъ сразилъ «теперь Пріама кровавый мечъ Пирра.—О, публичная ты «женщина, Фортуна! Вы, всѣ боги великаго собора, лишите «ее царства; сокрушите спицы и ободъ колеса ея; пусть «скатится съ высотъ небесныхъ круглая ступица въ без- «донную пропасть ада».

Полоній. Это слишкомъ длинно.

Гамлетъ. Къ цырульнику бы его, вмѣстѣ съ вашей бо-
родой. (*Къ актеру*). Пожалуйста, продолжай! Ему бы фарсы,
или кабачный анекдотъ, не то, онъ засыпаетъ. Говори
дальше, начинай о Гекубѣ.

1-й актеръ. «Но кто, о горе, видѣлъ растрепанную ко-
ролеву».

Гамлетъ. Растрепанную королеву?

Полоній. Это хорошо, растрепанная королева—это хо-
рошо.

1-й актеръ. «Какъ бѣгала она, босая и пламень залить
«грозила ручьями слезъ; съ головой, прикрытой лохмотьемъ,
«гдѣ еще такъ недавно сіяла діадема; и, вмѣсто порфиры,
«на исхудаломъ и истощенномъ отъ горя тѣлѣ—простыня,
«второпяхъ гдѣ-то схваченная. Кто это видѣлъ, ядови-
«той бранью заклеимилъ бы онъ измѣнницу Фортуну. И
«если бы сами боги взглянули на нее въ то время, когда
«она увидѣла, какъ Пирръ, жестоко позоря, рубилъ мечомъ
«супруга тѣло: отъ одного взрыва воплей ея (если жизнь
«смертныхъ для нихъ нечужда) выступила бы роса изъ
«пылающихъ очей неба и чувство состраданія изъ сер-
«дце боготъ».

Полоній. Посмотрите, на немъ лица нѣтъ, даже слезы
на глазахъ.—Пожалуйста, перестань!

Гамлетъ. Хорошо. Остальное прочтешь мнѣ при первомъ
случаѣ. (*Къ Полонію*). Милостивый государь, не угодно ли
вамъ позаботиться объ угощеніи актеровъ? Послушайте,
распорядитесь, чтобы съ ними обращались какъ слѣдуетъ,
такъ какъ они зеркало и краткая хроника вѣка. Для васъ
была бы лучше дурная надпись послѣ смерти на могилѣ,
чѣмъ худая молва при жизни.

Полоній. Ваше высочество, я буду обращаться съ ними
по ихъ заслугамъ.

Гамлетъ. Чудакъ какой—гораздо лучше! Обращайтесь-ка
съ людьми по ихъ заслугамъ, и кто застрахованъ отъ по-
боевъ? Обращайтесь съ ними, какъ требуетъ того собствен-
ная ваша именитость и честь: чѣмъ менѣе они заслужи-
ваютъ, тѣмъ болѣе заслугъ будетъ имѣть ваша любезность.
Возьмите ихъ съ собой!

Полоній (*къ актерамъ*). Пожалуйте, господа!

Гамлетъ (*къ актерамъ*). Идите за нимъ, друзья мои! Завтра должна быть поставлена пьеса. (*Къ 1-му актеру*). Послушайте, старый другъ, можете ли вы сыграть убійство Гонзаго?

1-й актеръ. Можемъ, принцъ.

Гамлетъ. Дайте его намъ завтра, вечеромъ. А нельзя ли, если понадобится, выучить наизусть отрывокъ, такъ около 12—16 строкъ, который мнѣ бы хотѣлось набросать и вставить въ пьесу?

1-й актеръ. Можно, ваше высочество.

Гамлетъ. Отлично. (*Ко всѣмъ актерамъ*). Идите же за этимъ господиномъ, да, смотрите, не труните надъ нимъ! (*Положій и актеры уходятъ. Къ Розенкранцу и Гильденштерну*). Любезные друзья мои, я прощаюсь съ вами до вечера: вамъ рады въ Гельзингерѣ!

Розенкранцъ и Гильденштернъ. И очень, ваше высочество.

Гамлетъ. Итакъ, съ Богомъ! — (*Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ*). Теперь я одинъ. О, какой я ничтожный и презрѣнный рабъ! Не чудно ли, что здѣсь актеръ, подъ вліяніемъ вымысла и страсти, созданныхъ фантазій, по собственному только представленію, могъ такъ настроить свою душу, что лицо его отъ волненія блѣднѣло, глаза наливались слезами, голосъ замиралъ, и все его существо было вылитымъ олицетвореніемъ его духа! — И все это изъ-за пустяковъ! Изъ-за Гекубы! Что ему Гекуба? Что онъ ей? Изъ-за чего тутъ слезы лить? Что если бы въ немъ поднялась буря, какая во мнѣ теперь кишить? Что бы онъ дѣлалъ? Слезами затопилъ бы сцену и раздирающими душу словами, какъ громомъ поразилъ бы зрителей; съ ума бы свелъ преступника; въ такое смущеніе и трепетъ привелъ бы неповинныхъ и не причастныхъ къ дѣлу, что могъ бы лишить ихъ и зрѣнія и слуха. А я, жалкій и малодушный

увалень, скитаюсь какъ шутъ-мечтатель, чуждаясь собственного дѣла, и слова сказать не смѣю, одного слова, въ защиту короля, котораго открытымъ разбоемъ лишили собственности и драгоцѣнной жизни. — Трусъ ли я? Кто посмѣетъ ругнуть меня канальей? Ударить по головѣ? Потрепать за бороду? Схватить за носъ? Нахально уличать во лжи? Кто? Но я, какъ будто проглотилъ все это — я кротокъ, какъ голубь, гнетъ переносу безъ желчи; иначе, я давно бы угостилъ уже окрестныхъ коршуновъ падалью этого раба. Кровожадный, бестыжій нахаль! Жестокій, коварный, распутный, презрѣнный нахаль! — Ахъ, какой я оселъ! Отличная храбрость, когда, будучи сыномъ дорогаго замученнаго отца, когда небо и адъ зовутъ меня на месть, я только на словахъ, какъ публичная женщина, отвожу душу и пробавляюсь одними лишь проклятіями, какъ какая-нибудь поденщица или кухарка! Позоръ, позоръ! Пора тебѣ на работу, голова! — Да, да! Слыхалъ я, что закоренѣлыя твари, подъ вліяніемъ высокой игры въ театрѣ, до того падали духомъ, что сами тутъ же признавались въ грѣхахъ своихъ. Убійство, и безъ языка, какими-то магическими говорить голосами. Они должны сыграть передъ дядей что нибудь въ родѣ того, какъ убить былъ мой отецъ. Я хочу взглянуть въ его глаза, хочу проникнуть въ самую суть его — дрогнетъ онъ, я буду знать, что дѣлать. — Духъ, котораго я видѣлъ, можетъ быть, дьяволъ; дьяволъ обладаетъ силой облекаться въ обольстительные образы; да, и, можетъ быть, пользуясь моею слабостью и меланхоліей (на такія души онъ великій мастеръ) замышляетъ погубить. Мнѣ нужна основа болѣе прочная. Театральное представленіе пусть будетъ силками, разставленными на совѣсть короля!

(*Уходитъ*).

ДѢЙСТВІЕ III-е.

СЦЕНА 1-я.

Комната въ замкѣ.

Входятъ: Король, Королева, Полоній, Офелія, Розенкранцъ и Гильденштернъ.

Король. И никакими изворотами нельзя отъ него добиться: что за стихъ на него нашелъ такой, столь буйнымъ и опаснымъ безуміемъ отравляющій спокойствіе дней его?

Розенкранцъ. Онъ не отрицаетъ, что чувствуетъ себя разстроеннымъ; но ни за что не хочетъ открыть причины разстройства.

Гильденштернъ. Онъ тоже неохотно позволялъ себя зондировать; отдѣливается весьма ловко безуміемъ, когда мы пытались вызвать его на откровенность.

Королева. Какъ же онъ принялъ васъ?

Розенкранцъ. Какъ настоящій джентльменъ.

Гильденштернъ. Но былъ необыкновенно сдержанъ.

Розенкранцъ. На вопросы скупъ, на наши же отвѣчалъ охотно.

Королева. Предлагали вы ему какъ нибудь убить время?

Розенкранцъ. Какъ разъ, ваше величество, въ это время мы встрѣтили на дорогѣ актеровъ, о чемъ мы ему и сказали; и онъ, кажется, какъ-то особенно обрадовался имъ. Они остановились здѣсь, недалеко отъ дворца, и, полагая, получили уже приказаніе играть для него сегодня вечеромъ.

Полоній. Совершенно вѣрно; онъ и меня упрасивалъ пригласить ваши величества послушать и посмотреть пьесу.

Король. Съ большимъ удовольствіемъ; я очень радъ, что это пришлось ему по вкусу. Вы, любезные господа, поощряйте и всячески старайтесь втянуть его въ разнаго рода развлеченія.

Розенкранцъ. На томъ мы и стоимъ, ваше величество.

(Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ).

Король. И ты тоже уйди, милая Гертруда. Мы тайно направляемъ сюда Гамлета, чтобы онъ, какъ бы случайно, встрѣтился здѣсь съ Офеліей. Я, съ отцомъ ея, станемъ такъ, что, сами не показываясь, будемъ видѣть все. Изъ этого свиданія мы постараемся узнать и разгадать: тоска ли отъ любви или что-нибудь другое его мучитъ?

Королева. Ухожу, повинуюсь вамъ.—Что касается васъ, Офелія, я одного только желаю,—чтобы ваша красота была благодатной виновницей разстройства Гамлета. Въ такомъ случаѣ, надѣюсь, что, къ чести васъ обоихъ, ваши добродѣтели обратятъ его снова на обычный путь.

Офелія. И я этого желаю, ваше величество.

(Королева уходитъ).

Полоній. Расскаживай здѣсь, Офелія! — Государь, займемъ наши мѣста! *(Къ Офеліи).* Читай, пусть это занятіе, какъ плащомъ, прикрываетъ собой уединеніе. Въ этомъ отношеніи и нашъ братъ не безъ грѣха—набожнымъ лицомъ и благочестивыми приемами мы подслащаемъ часто самого чорта.

Король *(въ сторону).* Горькая правда! Какимъ острымъ бичомъ слова эти попадаютъ въ мою совѣсть! Щека распутницы, поддѣланная искусствомъ, не столько возбуждаетъ къ себѣ отвращенія, какъ мои дѣла, нарумяненные красными словами. О, жестокое бремя!

Полоній. Я слышу, онъ идетъ: отойдемте въ сторону! *(Король и Полоній становятся за ковромъ. Входитъ Гамлетъ).*

Гамлетъ. Быть или не быть—вопросъ тутъ въ томъ: благородіе ли переносить въ душѣ все ужасы разъяренной судьбы, или, поднявъ оружіе противу моря злѣ, покончить съ ними въ бою. Умереть—уснуть—и только! и если въ этомъ свѣтъ конецъ печали сердца и тысячамъ наслѣдственныхъ недуговъ тѣла—какая блаженная кончина. Умереть—уснуть—уснуть! Быть можетъ, погрузиться въ мечты!—Да, но въ томъ-то и дѣло: какія будутъ въ этомъ свѣтъ мечты, когда мы стяхнемъ съ себя все земное? Вотъ что оставяется намъ! Вотъ основаніе тому, что наши бѣдствія достигаютъ столь преклонныхъ лѣтъ!—И кто бы снесъ жестокость и ехидство свѣта, гнетъ сильнаго, надменность гордаго, муки отвергнутой съ презрѣніемъ любви, попраніе законовъ, высокомеріе государственныхъ чиновъ и позоръ, которому подвергаются смиренныя заслуги передъ ничтожествомъ, если бы каждый могъ достигнуть покоя съ помощью какой-нибудь булавки? Кто бы стоналъ и трудился въ потѣ лица? Кто гнулъ бы шею подъ бременемъ земныхъ невзгодъ? Но страхъ чего-то послѣ смерти—той неизвѣданной страны, откуда путникъ не приходитъ—ставить въ тупикъ волю, и мы охотнѣе переносимъ злобы наши, чѣмъ рѣшаемся лѣзть къ другимъ, еще неизвѣданнымъ страданіямъ. Такъ внутренній голосъ дѣлаетъ всѣхъ насъ трусами; передъ роковой идеей этой блѣднѣетъ яркій цвѣтъ отваги; и полные огня и силы начинанія, сбитыя съ пути оглядкой этой, теряютъ самое названіе подвиговъ.—Тише! Прелестная Офелія.—(Къ Офеліи). Нимфа, помнани въ своихъ молитвахъ и мои грѣхи.

Офелія. Какъ поживаете, принцъ, съ тѣхъ поръ, какъ я васъ такъ давно не видѣла?

Гамлетъ. Всеподданнѣйше благодарю, я здоровъ.

Офелія. Любезный принцъ, у меня есть вещи, данныя

мнѣ вами на память, которыя я давно собираюсь возвратить вамъ; возьмите ихъ, прошу васъ, теперь.

Гамлетъ. Я, ни за что; я никогда ничего не дарилъ вамъ.

Офелія. Дорогой принцъ, вы хорошо знаете, что это было такъ, и притомъ сладкія и душистыя слова далеко увеличивали цѣнность вещей. Но ароматъ ихъ исчезъ—возьмите все обратно. Для благородной души даръ теряетъ всякую цѣнность, когда потеряно сердце даращаго. Вотъ онъ, принцъ!

Гамлетъ. Ха, ха! Честны ли вы?

Офелія. Милостивый государь!

Гамлетъ. Красивы ли?

Офелія. Что вы хотите сказать, ваше высочество?

Гамлетъ. Что если вы честны и красивы, добродѣтель ваша не должна имѣть ничего общаго съ вашей красотой.

Офелія. Любезный принцъ, можетъ ли быть для красоты лучшее общество, какъ общество добродѣтели?

Гамлетъ. Безъ сомнѣнія: потому что сила красоты скорѣе передѣлаетъ добродѣтель въ сводню, чѣмъ сила добродѣтели сдѣлаетъ красоту себѣ подобной. Прежде въ этомъ сомнѣвались, а теперь время доказало, что это такъ. Я любилъ тебя когда-то.

Офелія. По крайней мѣрѣ, принцъ, вы желали меня увѣрить въ этомъ.

Гамлетъ. Ты не должна была мнѣ вѣрить: потому что добродѣтель никогда не привѣтается къ нашему застарѣлому роду такъ, чтобы у насъ не оставалось слѣдовъ его. Я не любилъ тебя.

Офелія. Тѣмъ хуже я обманута.

Гамлетъ. Иди въ монастырь. Зачѣмъ бы тебѣ производить грѣшниковъ на свѣтъ? Самъ я человѣкъ и не дурной; но я могу обвинять себя въ такихъ вещахъ, что лучше бы

не родила меня мать моя. Я слишкомъ гордъ, мстителенъ, честолюбивъ; къ моимъ услугамъ больше преступленій, чѣмъ ума, чтобы ихъ придумать;—воображенія, чтобы об-
лечь ихъ въ формы;—или времени, чтобы привести ихъ въ исполненіе. И для чего бы такимъ молодцамъ, какъ я, пресмыкаться между небомъ и землей? Мы отъявленные негодяи, всѣ: никому изъ насъ не вѣрь! Иди прямо въ мо-
настырь!—Гдѣ твой отецъ?

Офелія. Дома, принцъ.

Гамлетъ. Прикажи затворять за нимъ двери на замокъ, чтобы онъ нигдѣ, кромѣ дома, не разыгрывалъ шута. Прощай!

Офелія. Спаси его, милосердное небо!

Гамлетъ. Если идешь замужъ, я даю тебѣ въ приданое такой зарокъ: будь такъ цѣломудренна, какъ ледъ, такъ чиста, какъ снѣгъ, ты не уйдешь отъ клеветы. Иди въ монастырь! Прощай! Но если непременно хочешь замужъ, бери дурака, потому что люди умные слишкомъ хорошо знаютъ, въ какіе вы передѣлываете ихъ чудовища. Въ монастырь иди! и то скоро. Прощай!

Офелія. Силы небесныя, исцѣлите его.

Гамлетъ. Я отлично знаю о вашихъ продѣлкахъ по части малярной. Богъ далъ вамъ одно лице, а вы дѣлаете себѣ другое; вы ломаетесь, сѣмните ногами, шепелявите, коверкаете созданіе рукъ Божіихъ и, по глупости, притворяетесь дурочками, ничего непонимающими. Убирайтесь! Ни слова болѣе. Это съ ума меня свело. Я говорю, мы знать не хотимъ о бракѣ: кто женатъ, всѣ, кромѣ одного, должны жить; прочіе пусть остаются какъ есть. Въ монастырь иди! (*Уходитъ*).

Офелія. О, какой благородный духъ разрушенъ! Глазъ царедворца, языкъ ученаго, рука героя, надежда и краса

государства, зеркало нравственности и образецъ воспитанія, идеаль мыслителя: все, все, погибло! И я, самая несчастная и жалкая изъ женщинъ, вкусившая сладость клятвъ его, я вижу, какъ благородный, высоковластитель-
ный умъ, точно разбитые колокола, дико звучить теперь; такой чудный образъ, черты цвѣтущей юности разрушены безуміемъ. Горе мнѣ, горе! что я видѣла то, что видѣла, и вижу то, что вижу!

(*Король и Полоній входятъ снова*).

Король. Отъ любви? Нѣтъ, не туда онъ смотритъ; и хотя въ томъ, что онъ говорилъ толку мало, но это еще не безуміе. У него что-то на умѣ, на чемъ меланхолія его усѣлась, какъ на яйцахъ, и я боюсь, что выводокъ будетъ опасный. Чтобы предупредить это, я, на первыхъ порахъ, придумалъ вотъ что: онъ долженъ неотложно въ Англію, чтобы вытребовать неуплаченную дань. Быть можетъ, море, новыя страны, разнообразіе предметовъ разсѣютъ это что-то, что запахло ему въ душу и надъ чѣмъ голова его, безъ усталости работая, дѣлаетъ его столь непохожимъ на самого себя. Какъ вы думаете?

Полоній. Это принесетъ ему пользу. А все-таки я увѣренъ, что начало и причина душевнаго его разстройства—отвергнутая любовь.—Ну, Офелія? Тебѣ, впрочемъ, нечего повторять, что говорилъ принцъ: мы все слышали.—Дѣлайте, ваше величество, какъ вамъ угодно; но если сочтете полезнымъ, такъ позвольте, пусть королева-мать, послѣ спектакля, сама попытается: не откроетъ ли онъ ей своего горя. Она не будетъ съ нимъ стѣсняться, а я, если позволите, подслушаю разговоръ ихъ. Когда же и она ничего не добьется, пошлите его въ Англію, или, по вашему благоусмотрѣнію, упрячьте его куда нибудь подальше.

Король. Такъ и слѣдуетъ: безуміе знатныхъ не должно бродить безъ стражи.

(Всѣ уходятъ).

СЦЕНА 2-я.

Залъ въ замкѣ.

Входитъ Гамлетъ и нѣсколько не вполне еще костюмированныхъ актеровъ.

Гамлетъ. Пожалуйста, декламируйте, какъ я васъ училъ—легко и плавно; но когда вы будете драть горло, какъ многіе изъ нашихъ актеровъ, то я скорѣе соглашусь, чтобы стихи мои прокричалъ уличный разносчикъ. Не рубите руками воздухъ слишкомъ часто—такъ, но все дѣлайте въ мѣру. И для того, въ потокѣ, въ бурѣ и, какъ бы сказать, въ пучинѣ вашей страсти, вы должны усвоить себѣ ту умѣренность, которая придаетъ ей мягкость. О, какъ я киплю въ душѣ, когда-какой нибудь дюжій, съ растрепанными волосами паренъ разрываетъ патетическія мѣста въ клочки, въ настоящія лохмотья, чтобы громомъ поразить уши партерныхъ пискарей, непонимающихъ по большей части ничего, кромѣ безтолковой, нѣмой пантомимы или крика. За удалство, такого молодца я приказалъ бы палками отдуть; это хуже всякаго тиранства. Пожалуйста, избѣгайте этого!

1-й актеръ. Ваше высочество, можете быть въ томъ увѣрены.

Гамлетъ. Не будьте и слишкомъ робки, имѣйте собственное мнѣніе; старайтесь, чтобы тѣлодвиженіе отвѣчало слову, а слово тѣлодвиженію; въ особенности вы должны обра-

щать вниманіе на то, чтобы никогда не переступать естественныхъ предѣловъ соразмѣрности. Потому что все, принятое на ходули, противно цѣли драматическаго искусства, назначеніе котораго искони было, есть и будетъ—быть какъ бы зеркаломъ природы: добродѣтели показать своими чертами, позору собственный его образъ, и отразить въ себѣ картину вѣка со всеми формами бытовыхъ предметовъ. Когда же все будетъ натянуто или обрисовано слабо, то хотя невѣжда и будетъ смѣяться, но для понимающаго дѣло—это невыносимо; а что находить дурнымъ послѣдній, то должно имѣть для васъ больше значенія, чѣмъ крикъ всей театральной толпы. О, какъ много есть актеровъ, которыхъ игру я видѣлъ и которыхъ многіе высоко цѣнили именно тогда—чтобы не сказать лишняго—когда они не имѣли ни тона, ни вида ни христанъ, ни язычниковъ, ни вообще людей; надувались и мычали такъ, что мнѣ казалось, что какой-нибудь батракъ неуклюже срубилъ людей, да и тѣ еще ему не удались. Такъ безобразно они представляли человѣчество.

1-й актеръ. Смѣю думать, что у насъ этого почти-что нѣтъ.

Гамлетъ. Совсѣмъ бросьте это! И тѣ, что играютъ у васъ шутовъ, пусть не говорятъ болѣе того, что стоитъ въ ихъ роли: такъ какъ между ними есть такіе, которые, чтобы разсмѣшить толпу зрителей-невѣждъ, сами смѣются, не смотря на то, что въ этотъ моментъ нужно взвѣсить какой-нибудь особенно важный пунктъ пьесы. Это изъ рукъ вонъ гадко и доказываетъ жалкое честолюбіе играющаго роль шута. Ступайте и приготовьтесь! *(Актеры уходятъ).*

(Входятъ Полоній, Розенкранцъ и Гильденштернъ).

Гамлетъ *(къ Полонію)*. Ну что, хочетъ король прослушать небольшую пьесу?

Полоній. Какъ же, и королева тоже, хотя бы и тотчасъ.

Гамлетъ. Прикажите актерамъ поторопиться! (*Полоній уходитъ*). Не угодно-ли и вамъ помочь имъ устроиться.

Розенкранцъ и Гильденштернъ. Слушаемъ, ваше высочество. (*Оба уходятъ*).

Гамлетъ. Эй, Гораціо!

(*Входитъ Гораціо*).

Гораціо. Я здѣсь, любезный принцъ, къ вашимъ услугамъ!

Гамлетъ. Ты именно тотъ хорошій человѣкъ, Гораціо, съ которымъ я когда-нибудь могъ сродниться.

Гораціо. Дорогой принцъ—

Гамлетъ. Но не подумай, что я лъщу. Изъ-за какого блага? когда у тебя, кромѣ энергіи духа, который тебя и кормитъ и одѣваетъ, нѣтъ другого капитала. Бѣдняку-то изъ-за чего бы лстить? Нѣтъ, пусть, сладкій какъ медъ. языкъ лижетъ дутое величіе, пусть гнущя гибкія колѣни тамъ, гдѣ пресмыканіе сулитъ имъ барыши. Послушай, съ тѣхъ поръ, какъ душа моя стала свободно избирать и различать людей, она тебя избрала. За то, что ты какъ бы не зналъ страданія, межъ тѣмъ какъ все терпѣлъ; за то, что ты и добро и зло, посылаемые судьбой, принималъ равнодушно. И благо тому, у кого жаръ крови и разсудокъ такъ уравновѣшены, что онъ не служитъ для фортуны дудкой, издающей такіе тоны, какіе она укажетъ ему пальцемъ. Дай мнѣ человѣка, котораго бы страсть не дѣлала рабомъ своимъ, и я укрою его, какъ укрылъ тебя, въ глубинахъ души моей, въ сердцѣ сердца моего.—Но объ этомъ довольно. Сегодня, вечеромъ, сыграютъ передъ королемъ пьесу; одна сцена будетъ подходить близко къ тѣмъ обстоятельствамъ, какія я рассказалъ тебѣ о смерти моего отца. Прошу тебя, во время этой сцены, устрями всѣ силы

души твоей на дядю. И если тайное преступленіе при одной тирадѣ не обнаружитъ себя, значить то былъ духъ адскій, котораго мы видѣли, и мои видѣнія такъ мрачны какъ кованные латы Вулкана. Зорко слѣди за нимъ; мои глаза я прикую къ его лицу, и, по его выраженію, сравнимъ и точно взвѣсимъ наши впечатлѣнія.

Гораціо. Будьте покойны, принцъ; если онъ стянеть что и какъ-нибудь во время игры продернеть, я плачу за воровство.

Гамлетъ. Идутъ; я долженъ казаться равнодушнымъ. Отыщи себѣ мѣсто! (*Датскій маршъ, трубные звуки*).

(*Входятъ: король, королева, Полоній, Офелія, Розенкранцъ Гильденштернъ и другіе; садятся на свои мѣста*).

Король. Какъ поживаетъ нашъ племянникъ Гамлетъ?

Гамлетъ. Превосходно, право: питаюсь блюдомъ хамелеона — ѣмъ воздухъ, начинаютъ меня обѣщаніями: каплюновъ лучше и кормить нельзя.

Король. Не понимаю, что за отвѣтъ, Гамлетъ; не на мои слова.

Гамлетъ. И не на мои уже. (*Къ Полонію*). Милостивый государь, вы когда-то, будучи въ университетѣ, поигрывали на театрѣ. Не сами ли вы рассказывали про это?

Полоній. Да, принцъ, и слылъ за хорошаго актера.

Гамлетъ. И какую роль вы изображали?

Полоній. Роль Юлія Цезаря: я былъ убитъ въ Капитолии; убилъ меня Брутъ.

Гамлетъ. Съ его стороны это было брутально убить такого капитальнаго теленка. — (*Къ Розенкранцу*). Готовы актеры?

Розенкранцъ. Готовы, принцъ, ждуть вашего приказанія.

Королева. Иди сюда, милый Гамлетъ, сядь возлѣ меня.

Гамлетъ. Ну, нѣтъ, матушка, здѣсь есть магнитъ по-
сильнѣе.

Полоній (къ королю). А что, замѣчаете ли?

Гамлетъ. Можно ли прилечь на вашихъ ножкахъ, суда-
рыня? (*Садится у ногъ Офеліи*).

Офелія. Нельзя, принцъ.

Гамлетъ. Я разумѣю—приклонить только голову къ ва-
шимъ колѣнямъ.

Офелія. Можно, принцъ.

Гамлетъ. Не думаете ли вы, что у меня теперь на умѣ
сказать назидательное слово?

Офелія. Ничего я не думаю.

Гамлетъ. Прекрасная мысль, покоиться на дѣвичьихъ
ножкахъ.

Офелія. Что это, принцъ?

Гамлетъ. Ничего.

Офелія. Какой вы забавный.

Гамлетъ. Кто, я?

Офелія. Да, принцъ.

Гамлетъ. О, я дурачусь, какъ никто. Чего же лучше
человѣку, какъ не веселиться? Посмотрите только, какъ
радостно выглядитъ мать моя, а вѣдь отецъ мой нѣтъ и
двухъ мѣсяцевъ, какъ умеръ.

Офелія. Нѣтъ, дважды два мѣсяца, принцъ.

Гамлетъ. Такъ давно? Ну, такъ пускай же дьяволъ хо-
дитъ въ черномъ: я наряжусь въ соболью шубу. О небо,
два мѣсяца, какъ умеръ и не забыть еще! Стало быть,
есть надежда, что память о великомъ человѣкѣ пережи-
ветъ его цѣлымъ полугодьемъ. Но, клянусь милыми жен-
щинами! Онъ долженъ настроить массу церквей, иначе о
немъ никто и не вспомнить; и съ нимъ будетъ то же, что
съ конькомъ, надгробная надпись которому гласить:

«Но, ахъ! но, ахъ!

Забыть, конекъ, забыть».

(*Играютъ на трубахъ, вслѣдъ затѣмъ пантомима*).

Входятъ король и королева, нѣжно обнимаютъ другъ
друга. Она становится на колѣни и дѣлаетъ тѣлодвиже-
нія, будто клянется въ любви. Онъ приподнимаетъ ее и
прижимается головой къ ея груди; потомъ ложится на по-
стель, усыпанную цвѣтами и, когда она увидѣла, что онъ
уснулъ, оставляетъ его. Вслѣдъ затѣмъ входитъ какая-то
личность, снимаетъ съ него корону, цѣлуетъ ее, вливаетъ
королю въ ухо ядъ и уходитъ. Королева возвращается,
находитъ короля мертвымъ и тѣлодвиженіями выражаетъ
ужасъ. Отравитель входитъ съ двумя или тремя лицами
и кажется видѣ, что онъ вмѣстѣ съ нею убивается. Трупъ
уносятъ. Отравитель заискиваетъ королеву подарками; сна-
чала она показываетъ видъ неудовольствія и отвращенія,
кончается тѣмъ, что соглашается на его любовь. (*Уходятъ*).

Офелія. Что это значить принцъ?

Гамлетъ. Такъ себѣ—воровская игра въ прятки; бѣда
значить.

Офелія. Вѣроятно, эта пантомима указываетъ на содер-
жаніе пьесы.

(*Входитъ прологъ*).

Гамлетъ. Мы это узнаемъ отъ того молодца: актеры
ничего не могутъ скрыть, все разболтаютъ.

Офелія. Объяснить ли онъ намъ, что значить это пред-
ставленіе?

Гамлетъ. Какъ же, онъ объяснить все, что вамъ угодно
будетъ ему представить. Не стыдитесь только ему предста-
вить, а онъ уже не постыдится сказать вамъ, что это зна-
чить.

Офелія. Какъ вы злы, какъ вы злы; я хочу послушать пьесу.

Прологъ. Для насъ и нашего представленія всеподданнѣйше просимъ снисхожденія.

Гамлетъ. Что это: прологъ или надпись на кольцѣ?

Офелія. Оно коротко, принцъ.

Гамлетъ. Какъ женская любовь.

(Входятъ король и королева).

Король (на театрѣ). Тридцать разъ уже, какъ кругомъ земли и океана катитъ Аполлонъ на колесницѣ, и тридцать лѣтъ уже, какъ озаренная чужимъ лучомъ луна во кругъ земнаго шара пляшетъ, съ тѣхъ поръ, какъ любовь святая проникла въ сердца наши, и Гименъ связалъ рука съ рукою насъ.

Королева (на театрѣ). Пусть солнце и луна дадутъ намъ счесть еще столько же круговъ, пока угаснетъ любовь наша! Но, къ несчастію, вы такъ устали сердцемъ, такъ далеки отъ прежняго веселія и забавъ, что тревожите меня ужасно; но, да не смущаетъ васъ мое сѣтованіе, супругъ мой. Страхъ жены идетъ рука объ руку съ ея любовью, — того и другого или слишкомъ много, или вовсе нѣтъ. Какова любовь моя, я доказала вамъ; она, какъ видите, равномерна страху. Чуть что-нибудь пускаетъ сильную любовь и въ самой ничтожной заботѣ открываетъ ея силу.

Король (на театрѣ). Да, моя дорогая, я долженъ тебя оставить, и то скоро: меня удручаетъ сила преклонныхъ лѣтъ. Ты будешь жить въ этомъ прекрасномъ мірѣ, любимая, въ почетѣ, и, можетъ быть, найдется такой же милый второй супругъ—

Королева (на театрѣ). Остановись, остановись! Такая любовь — ничто иное, какъ измѣна. За вторымъ мужемъ

я прокляла-бъ сама себя; убившая первого можетъ только искать второго.

Гамлетъ. Полнынь.

Королева (на театрѣ). То, что сплетаетъ вѣнецъ второго брака — не любовь, а низкая страсть разсчета. Броситься въ объятія второго, значить, подвергнуть еще разъ смерти умершаго мужа.

Король (на театрѣ). Я вѣрю, что теперь вы думаете такъ, какъ говорите; но часто мы сами нарушаемъ свои обѣты. Предположеніе точъ-въ-точъ какъ память: вначалѣ сильное, но отъ времени скоро слабѣетъ; какъ незрѣлые плоды висятъ на деревѣ крѣпко, но падаютъ легко, когда созрѣютъ. Неизбѣжно, что всякій легко забываетъ уплатить то, что самому себѣ онъ долженъ. Гдѣ страсть руководитъ нашими желаніями, исчезнуть и онѣ, когда она исчезнетъ. Сильные порывы радости и горя сами себя лишаютъ силы. Горе вопіетъ громко тамъ, гдѣ громко пируетъ радость; гдѣ горе быстро исчезаетъ, тамъ радость легко впадаетъ въ уныніе. Постояннаго нѣтъ ничего на свѣтѣ: неудивительно, что вмѣстѣ со счастіемъ проходитъ и любовь. Одинъ вопросъ еще не разрѣшенъ: слѣдуетъ ли любовь за счастіемъ, или счастье за любовью. Падаетъ вольможа — смотрите, любимцы бѣгутъ отъ него; возвышается бѣднякъ — и враги становятся друзьями. Любовь слѣдуетъ всегда за счастьемъ: кто не нуждается, у того вездѣ друзья, а кто въ нуждѣ обратится къ невѣрному другу, тотчасъ наживетъ себѣ врага. Но нужно кончить тѣмъ, чѣмъ я началъ: воля и судьба въ постоянной враждѣ между собою. Наши предположенія — дѣло случая; намъ принадлежитъ только мысль, а цѣли рѣдко достигаемы. Думай, что супругъ другой не возьметъ тебя, но не умерла бы мысль эта вмѣстѣ съ первымъ.

Королева (*на театр*). Не дай, земля, мнѣ пищи! Небо—свѣта! День и ночь, не дайте мнѣ ни радости, ни міра! Станьте отчаяніемъ мои утѣхи и надежды; пусть одна келья затворника будетъ для меня открыта! Пусть всякая омрачится радость, исчезнетъ то, что больше всего люблю; пусть всюду преслѣдуютъ меня невзгоды если, оставшись развѣ вдовой, я буду когда-нибудь женой!

Гамлетъ. Не пришлось бы ей измѣнить своему обѣту.

Король (*на театр*). Сильная клятва дана. Милая, оставь меня, я усталъ и сномя хотѣлъ бы скоротать время.

Королева (*на театр*). Пусть сонъ услаждаетъ тебя, и скорбь никогда не будетъ съ нами! (*уходитъ*).

Гамлетъ (*къ матери*). Нравится ли вамъ пьеса, королева?

Королева. Дама, кажется, слишкомъ много общается.

Гамлетъ. Но она сдержитъ свое слово.

Король (*къ Гамлету*). Знаете ли вы содержаніе пьесы? Нѣтъ ли тутъ чего неприличнаго?

Гамлетъ. Нѣтъ, нѣтъ; они шутятъ только и шутя отравляютъ; все въ высшей степени прилично.

Король. Какъ называете вы пьесу?

Гамлетъ. Мышеловка. Почему такъ? Иносказательно. Пьеса представляетъ убійство въ Фіеннѣ. Герцога зовутъ Гонзаго, супругу его Баптистой; вы тотчасъ увидите, что за каверзное дѣло это. Да что тутъ? Вашего величества и насъ, имѣющихъ чистую совѣсть, оно не касается. Одержимый чесоткой пусть чешется, у насъ съ вами кожа здоровая.

(*Входитъ Луціанъ*).

Гамлетъ. Это извѣстный Луціанъ, племянникъ короля.

Офелія (*къ Гамлету*). Вы принимаете на себя обязанности хора, принцъ.

Гамлетъ. О, какъ бы я желалъ быть посредникомъ

между вами и вашимъ милѣйшимъ, если бы видѣлъ танцующихъ только куколъ!

Офелія. Вы колки, принцъ, вы колки.

Гамлетъ. Долго пришлось бы вамъ стонать, чтобы притупить мой колъ.

Офелія. Еще лучше и хуже.

Гамлетъ. Какъ жены со своими мужьями. (*Къ Луціану*). Начинай, убійца! Брось проклятыя твои кривлянья и начинай! Чу—

Карканье ворона реветъ о мщеніи.

Луціанъ. Адскій замыселъ, сильный ядъ, руки готовы, время удобно, кругомъ ни души. Ты, волшебная изъ полупночныхъ травъ, трижды орошенная проклятіемъ Гекаты, влага! Пусть чары твои, страшное жало твое, бросаются на эту цвѣтущую жизнь!

(*Вливаетъ ядъ въ ухо спящаго*).

Гамлетъ. Изъ-за царства онъ отравляетъ его въ саду. Имя его Гонзаго; происшествіе налицо и написано чисто по-итальянски. Вы тотчасъ увидите, какъ легко убійца добьется любви супруги Гонзаго.

Офелія (*къ Гамлету*). Король встаетъ.

Гамлетъ. А что? Испугался фальшивой тревоги на пожаръ?

Королева (*къ королю*). Что съ моимъ супругомъ?

Полоній (*къ Гамлету*). Прикажите кончить пьесу!

Король. Огня! Прочь отсюда!

Полоній. Свѣчей, свѣчей, свѣчей!

(*Все уходитъ, кромѣ Гамлета и Горацио*).

Гамлетъ. Пусть здоровый скачетъ и смѣется,

А раненный истекаетъ кровью;

Одинъ уснувъ, другой не спитъ —

Вотъ какъ на свѣтѣ все ведется.

Это и лѣсъ султановъ на шляпѣ (если права мои пойдутъ въ ломъ) да пара пушистыхъ розъ на высокихъ сапогахъ не доставятъ ли мнѣ мѣста въ труппѣ актеровъ?

Горацио. Конечно, въ половинной долѣ.

Гамлетъ. Напротивъ въ полной.

Тебѣ-жъ извѣстно, мой Дамонъ,
Отнявъ Юпитера престолъ,
Вступилъ теперь на царскій тронъ
Всесовершеннѣйшій — сатиръ.

Горацио. Не мѣшало бы риему подобрать.

Гамлетъ. О, дорогой Горацио, на тысячи держу пари за слова духа. Ты замѣтилъ?

Горацио. Отлично, принцъ.

Гамлетъ. Во время отравленія....

Горацио. Я за нимъ пристально слѣдилъ.

Гамлетъ. Ха, ха! — Музыку сюда! Съ флейтами! — Если пѣса королю не нравится, ничего не подѣлаешь! быть можетъ, она ему не нравится.

(Входятъ Розенкранцъ и Гильденштернъ).

Гамлетъ. Музыку сюда!

Гильденштернъ. Принцъ, дозвольте одно слово.

Гамлетъ. Хотя цѣлую исторію, сударь.

Гильденштернъ. Король...

Гамлетъ. Ну, что съ нимъ?

Гильденштернъ. Онъ удалился въ свои покои, сильно разстроенный.

Гамлетъ. Отъ пьянства?

Гильденштернъ. Нѣтъ, отъ разлива желчи, принцъ.

Гамлетъ. Вы бы доказали болѣе здраваго смысла, сказавши объ этомъ врачу; потому что, если я пропишу ему слабительное, у него желчь еще болѣе разольется.

Гильденштернъ. Любезный принцъ, поудержите какъ нибудь слова ваши и не бросайтесь такъ дико въ сторону отъ моего порученія.

Гамлетъ. Я ручной, сударь, говорите!

Гильденштернъ. Королева, матушка ваша, огорченная до глубины души, прислала меня къ вамъ.

Гамлетъ. Милости просимъ.

Гильденштернъ. Не въ томъ дѣло, любезный принцъ, я вѣдь знаю, какого сорта учтивость эта. Угодно будетъ вамъ дать мнѣ разумный отвѣтъ, я исполню повелѣніе вашей матушки; въ противномъ случаѣ, извините, я уйду — и дѣлу конецъ.

Гамлетъ. Не могу, сударь.

Гильденштернъ. Чего, принцъ?

Гамлетъ. Дать вамъ разумный отвѣтъ. Мой умъ больной. Но такой отвѣтъ, какой я могу дать — къ вашимъ услугамъ; или, лучше сказать — какъ вы говорите — къ услугамъ моей матушки; но приступимте къ дѣлу. Моя мать, говорите вы...

Розенкранцъ. Она говоритъ вотъ что: вашъ образъ дѣйствія привелъ ее въ ужасъ и въ изумленіе.

Гамлетъ. Чудный сынъ, отъ котораго родная мать приходитъ въ такое изумленіе! Не слѣдуетъ ли чего, за этимъ изумленіемъ матери? Позвольте узнать!

Розенкранцъ. Она желаетъ говорить съ вами у себя, прежде чѣмъ уйдете спать.

Гамлетъ. Повинуемся, будь она намъ 10 разъ матерью, Что же еще вамъ отъ меня угодно?

Розенкранцъ. Принцъ, вы когда-то меня любили...

Гамлетъ. И теперь я то же дѣлаю, ссылаюсь на эти, вотъ, двое воровскихъ клещей!

Розенкранцъ. Дорогой принцъ, что за причина вашего

недуга? Нѣтъ сомнѣнія, что вы идете наперекоръ своей свободѣ, если передъ другомъ скрываете вашу скорбь.

Гамлетъ. У меня, сударь, нѣтъ въ виду повышений.

Розенкранцъ. Какимъ образомъ, когда за вами голосъ самого короля быть наслѣдникомъ датскаго престола?

Гамлетъ. Такъ-то такъ; «но покуда травка растетъ» — говоритъ старая пословица. *(Входятъ актеры съ флейтами)*. А, флейты! Дайте мнѣ одну. — Позвольте васъ спросить наединѣ: *(отводитъ Гильденштерна въ сторону)* зачѣмъ возлѣ меня вы кружите, выслѣживаете какъ звѣря, будто хотите загнать меня въ сѣти?

Гильденштернъ. О, принцъ, если преданность моя слишкомъ смѣла, зато любовь моя нелицемѣрна.

Гамлетъ. Я этого хорошо не понимаю. Не хотите ли сыграть, вотъ, на этой флейтѣ?

Гильденштернъ. Не могу, принцъ.

Гамлетъ. Прошу васъ!

Гильденштернъ. Повѣрьте, не могу.

Гамлетъ. Пожалуйста!

Гильденштернъ. Я не умѣю взять ни одного аккорда принцъ.

Гамлетъ. Это такъ легко, какъ говорить ложь. Перебирайте пальцами и клапаномъ по этимъ дырочкамъ, ртомъ подуйте въ флейту, и она заговоритъ самой краснорѣчивой музыкой — вотъ вамъ и аккорды.

Гильденштернъ. Но я не въ силахъ вызвать какую бы то ни было гармонію; я не владѣю этимъ искусствомъ.

Гамлетъ. Видите ли теперь, какое вы дѣлаете изъ меня ничтожество? Вы хотите играть на мнѣ; вамъ кажется, что вы владѣете ключомъ отъ моихъ аккордовъ; вы хотите проникнуть въ сердце моей тайны; вы хотите испро-

бовать меня отъ самой низкой до самой высокой ноты моего голоса. И въ этомъ, вотъ здѣсь, маленькомъ инструментѣ много мелодій, превосходный голосъ; однако же вы не умѣете заставить его говорить. Чортъ возьми! не думаете ли вы, что на мнѣ легче играть, чѣмъ на флейтѣ? Зовите меня какимъ хотите инструментомъ, вы можете меня растронть, но играть на мнѣ — никогда.

(Входитъ Полоній).

Гамлетъ *(къ Полонію)*. Здравствуйте, сударь!

Полоній. Ваше высочество, королева желаетъ говорить съ вами, и притомъ немедленно.

Гамлетъ. Видите вы тамъ облако, на видѣ, чуть не верблюдъ?

Полоній. Ей-ей, оно выглядитъ, какъ верблюдъ.

Гамлетъ. Мнѣ кажется, оно похоже на хорька.

Полоній. У него спина, какъ у хорька.

Гамлетъ. Или какъ у кита?

Полоній. Совершенный китъ.

Гамлетъ. Итакъ, я отправляюсь къ матери моей. — *(Въ сторону)*. Они дурачатъ меня до того, что терпѣніе мое чуть не лопнетъ. — *(Громко)* Иду сію минуту.

Полоній. Я доложу ей объ этомъ *(уходитъ)*.

Гамлетъ. Легко сказать, сію минуту. — Оставьте меня, друзья!

(Розенкранцъ, Гильденштернъ, Горацио и прочіе уходятъ).

Насталъ заклятый часъ ночи, когда домовые бродятъ, зіяютъ могилы, и самый адъ пышетъ въ міръ заразой. Теперь упился-бъ я горячей кровью и совершилъ бы дѣла, на которыя съ ужасомъ взглянулъ бы грозный день. Тише! Пора къ матери. О, сердце, не забудь твоей природы! Въ эту мрачную грудь пусть никогда не вступитъ душа Не-

рона! Пусть буду я жестокъ, но не чудовище; кинжалы—на словахъ. Будьте лицомърами, языкъ и ты, мой духъ: какъ бы тяжело я ни корилъ ее; но дѣломъ заклею твои слова мои, не смѣй, душа!

(Уходитъ).

СЦЕНА 3-я.

Комната въ замкѣ.

Входятъ: король, Розенкранцъ и Гильденштернъ.

Король. Долге выносить я не могу; и мы сами не безопасны, если его безуміе бредитъ на свободѣ. А потому, будьте готовы! Я немедленно снабжу васъ грамотами, и онъ долженъ, вмѣстѣ съ вами, отправиться въ Англію. Долгъ нашего сана не потерпитъ такъ близко опасности, какая ежеминутно для насъ выростаетъ изъ его причудъ.

Гильденштернъ. Мы приготовимся. Это весьма благонамеренный, священный страхъ, который, для спасенія многихъ и многихъ, воодушевляетъ и питаетъ ваше величество.

Розенкранцъ. Единичная, частная жизнь и та всѣми силами и орудіями ума должна защищаться противу зла, тѣмъ болѣе духъ, отъ благосостоянія котораго зависитъ и на немъ покоится жизнь многихъ. Величество монарха не умираетъ одно; оно, какъ водоворотъ, увлекаетъ съ собой все, что вблизи. Это могучее колесо, укрѣпленное на самой высокой вершинѣ горы, на колоссальныхъ спицахъ котораго прибиты и припаяны тысячи предметовъ; если оно падаетъ, малѣйшая частица, все, что кругомъ, раздѣляетъ участь громаднаго паденія. Никто изъ королей

не горевалъ когда-нибудь одинъ, чтобы не стоналъ весь народъ.

Король. Прошу васъ, снаряжайтесь немедленно въ дорогу! Мы должны надѣть оковы на этотъ страхъ, гуляющій теперь на чужбину свободной ногѣ.

Розенкранцъ и Гильденштернъ. Мы поспѣшимъ. (Уходятъ).
(Входитъ Полоній).

Полоній. Государь, онъ идетъ въ покои матери своей. Я хочу стать за ковромъ и подслушать, какъ пойдетъ дѣло: будьте увѣрены, она его хорошо проберетъ, и, какъ вы сказали—что было сказано весьма умно—непрѣменно нужно, чтобы посторонній свидѣтель, кромѣ матери, пристрастной по природѣ, тайно подслушалъ бы ихъ рѣчи. Прощайте, государь! Прежде, чѣмъ уйдете спать, явлюсь и доложу, что узнаю.

Король. Спасибо, любезный Полоній. (Полоній уходитъ). Увы, дѣло мое гнилое, смрадъ его достигаетъ неба, оно носитъ на себѣ первое и старѣйшее проклятiе—убійство брата!—Молиться не могу, какъ ни настроены къ тому и духъ мой и воля: вина сильнѣйшая побуждаетъ сильные порывы, и, какъ человѣкъ, которому предстоитъ два дѣла, стою въ недоумѣніи, съ чего начать и бросаю оба. Какъ? Если эта рука и всецѣло облита кровью брата: неужели въ благотворномъ небѣ нѣтъ столько дождя, чтобы обмыть ее бѣлѣ снѣга? Къ чему же милосердіе, если грѣхъ вѣчно передъ глазами?—И не имѣетъ ли молитва двойной силы—предупреждать паденіе и испросить для падашаго прощенье? Такъ и быть, подниму глаза на небо—преступленіе мое налицо. Но, какъ же тутъ молиться? Прости мнѣ подлое убійство. Это невозможно; за мной осталось все, что увлекло меня къ убійству: за мной корона, за мной самодержавіе, за мной и королева. Можетъ ли ждать пощады тотъ, кто

владѣть наградой, купленной цѣною преступленія? Въ превратномъ теченіи дѣлъ этого міра позолоченная рука злодѣйства еще можетъ попираť законы, и часто преступная нажива подкупаетъ судъ. Но тамъ, на высотѣ, не такъ! Тамъ нѣтъ обмана, туда является дѣло въ настоящемъ своемъ видѣ, и въ зубы нашимъ прегрѣшеніямъ мы должны будемъ сложить улики сами противъ себя. Итакъ, что же остается? Посмотрѣть, что можетъ покаяніе. Что невозможно для него? Но что для него возможно, если нѣтъ силъ раскаяться?—О, какое мученіе! О, перси, черныя, какъ смерти! Пойманная душа, выбиваясь на свободу, путается болѣе и болѣе!—Ангелы, помогите! Гнитесь, оцѣпенѣлыя колѣни! Сердце закаленное, смягчись, какъ ткани новорожденного младенца! Быть можетъ, все пойдетъ къ добру.

(Отходитъ и въ глубинѣ сцены становится на колѣни. Входитъ Гамлетъ).

Гамлетъ. Теперь удобная минута; онъ молится; теперь, рѣшусь—и онъ идетъ на небо. Но отомщенъ ли я? Выходить, что каналья убиваетъ моего отца и за то я, единственный сынъ его, отправляю его же, каналья, на небо. Да это была бы награда, но никакъ не мѣсто. Онъ угодилъ моего отца въ чаду его роскошной жизни, въ майскомъ цвѣтѣ его прегрѣшеній. Какой расчетъ съ нимъ, небеса одни знаютъ; но, по нашимъ понятіямъ и предчувствію, ему нелегко. И отомщу ли, если схвачу воть этого, осѣненнаго благодатью, вооруженнаго и готоваго къ переправѣ? Нѣтъ! На мѣсто мечъ! Будь обнаженъ грознѣе! Когда онъ пьянъ, во снѣ, въ бѣшенствѣ, среди утѣхъ кровосмѣсительнаго ложа, за игрой, среди проклятій, иль за дѣломъ, въ которомъ нѣтъ слѣдовъ спасенія: тогда руби его! Пусть онъ слетитъ пятами къ небу; и да будетъ душа

его такъ черна и такъ проклята, какъ самый адъ, куда она стремится. Мать ждетъ меня—это небольшая отсрочка жалкихъ дней твоихъ.

(Уходитъ. Король встаетъ и выступаетъ на авансцену).

Король. Слова парятъ горѣ, а чувство опускаетъ крылья: словамъ безъ чувства не подняться къ небу.

(Уходитъ).

СЦЕНА 4-я.

Комната королевы.

Входятъ: королева и Полоній.

Полоній. Онъ тотчасъ прійдетъ: приступите къ нему настойчиво; скажите ему, что выходки его слишкомъ уже дикы, чтобы ихъ терпѣть долѣе, и что только величество ваше служило ему прикрытіемъ отъ большого пожара. Я спрячусь здѣсь. Умоляю васъ, будьте построже съ нимъ.

Гамлетъ *(за сценой)*. Матушка, матушка, матушка!

Королева *(къ Полонію)*. Въ этомъ будьте увѣрены и обо мнѣ не беспокойтесь. Уходите!—Я слышу, онъ идетъ.

(Полоній прячется. Входитъ Гамлетъ).

Гамлетъ. Ну, матушка, скажите, что случилось?

Королева. Гамлетъ, ты оскорбилъ твоего отца.

Гамлетъ. Матушка, вы оскорбили моего отца.

Королева. Что съ тобой? Ты отвѣчаешь дерзко!

Гамлетъ. Полноте! Вы спрашиваете колко.

Королева. Что это, Гамлетъ?

Гамлетъ. Ну, что же тутъ такого?

Королева. Ты совсѣмъ забылъ меня?

Гамлетъ. Нѣтъ, клянусь распятіемъ! Вы—королева, жена брата вашего мужа и—о, если бы это было не такъ!—вы мать моя.

Королева. Хорошо же, пусть тебя другіе образумятъ.
(Хочетъ уйти).

Гамлетъ. Идите сюда, не угодно ли вамъ сѣсть; ни съ мѣста, ни шагу, пока я не покажу вамъ зеркала, въ которомъ вы увидите сокровенная своя.

Королева. Что ты хочешь? Не убить ли ты меня задумалъ? (Вскрикивая). Эй, сюда, помогите!

Полоній (за ковромъ). Помогите! Эй! сюда!

Гамлетъ. Какъ? Что? не крыса ли? (Обнажаетъ шпагу). Мертвецъ! Пари червенецъ, что мертвецъ! (Наноситъ ударъ сквозь коверъ).

Полоній (за ковромъ). О, я убитъ! (Падаетъ и умираетъ).

Королева. Ахъ, я несчастная, что ты сдѣлалъ?

Гамлетъ. Право, не знаю: не король ли? (Вытаскиваетъ Полонія изъ-за ковра).

Королева. О, какое неожиданное, кровавое дѣло!

Гамлетъ. Да, милая матушка, кровавое дѣло, чуть не такое же злое, какъ убить короля и вступить въ бракъ съ братомъ его.

Королева. Какъ убить короля?

Гамлетъ. Да, я такъ сказалъ. (Къ Полонію). Ты, жалкій, нахальный шутъ, скатертью дорога! Я принялъ тебя за кого-то поважнѣе; мирись съ своей судьбой—ты видишь, какъ опасно суетиться черезъ мѣру.—(Къ матери). Не ломайте рукъ такъ! Потише! Присядьте! Позвольте мнѣ сломать сердце ваше—единственная цѣль моя, если туда проникнуть можно, если проклятой привычкой не закалено оно такъ, что доступъ къ нему загражденъ разсудку.

Королева. Что сдѣлала я, что твой языкъ противъ меня такъ бушуетъ?

Гамлетъ. Такое дѣло, которое оскверняетъ всякое достоинство нравственности; добродѣтель позорить лицемѣріемъ; съ прелестнаго чела цѣломудренной любви срыываетъ розу и прикалываетъ тамъ вередъ; обѣтъ супружества дѣлаетъ вѣроломнымъ, какъ клятва игрока; о, такое дѣло, которое лишаетъ бракъ всей внутренней души его, и чистую религію обращаетъ въ рѣчь высокопарныхъ словъ. Небесный ликъ пылаетъ; да, твердь небесная съ скорбящимъ взоромъ, будто передъ днемъ страшнаго суда пріуныла и задумалась объ этомъ дѣлѣ.

Королева. О, горе мнѣ! Что это за дѣло, что реветъ и гремитъ такъ?

Гамлетъ. Посмотрите сюда, на этотъ ликъ и на тотъ—поддѣланное сходство двухъ братьевъ. Взгляните, какое величіе въ этихъ бровяхъ! Кудри Аполлона, высокое чело Юпитера, глазъ Марса, грозный и повелительный; осанка посланника боговъ, только-что слетѣвшаго на высоты облачныхъ хребтовъ; точно каждый изъ боговъ, чтобы явить міру первообразъ мужа, на всѣ черты наложилъ печать своихъ даровъ. Это былъ супругъ вашъ.—Посмотрите теперь сюда, что будетъ: здѣсь вашъ супругъ, какъ наполненный спорыньемъ колосъ, загубившій роднаго брата. Есть ли у васъ глаза? Вы оставляете прекрасную горную поляну и упиваетесь болотной лужей? Да, есть ли у васъ глаза? Не называйте это любовью! Въ лѣтахъ вашихъ волненіе крови остыло, она медленно ползетъ и повинуется разсудку: какой же разсудокъ перешелъ отъ этого къ тому? Смыслъ навѣрно есть у васъ, иначе вы не могли бы никуда стремиться; но смыслъ вашъ, безъ сомнѣнія, оглушенъ ударомъ, потому что и сумасшедшій не могъ бы оши-

биться такъ; никогда еще безуміе не поработало такъ ума, чтобы его не хватило сдѣлать выборъ между двумя такими разницами. Какой же демонъ попуталъ васъ въ этой забавѣ въ жмурки? Зрѣніе безъ осязанія, осязаніе безъ зрѣнія, ухо безъ руки и глаза, обоняніе безъ всего, малѣйшая частица здраваго смысла не могли бы промахнуться такъ жестоко. Стыдъ, гдѣ же твой румянецъ? Лукавый адъ, если ты бунтуешь въ матроны тѣлѣ, то цѣломудріе пылкой юности—только воскъ, который таетъ въ собственномъ огнѣ. Что взывать къ стыду, когда горячая кровь кипитъ?—здѣсь, съ такой же силой, чуть не морозъ горитъ и разумъ сталъ сводней воли.

Королева. О. Гамлетъ, не говори! Ты направляешь глазъ мой прямо въ душу, гдѣ я вижу пятна плотной, черной краски, которыхъ ничто не смоетъ.

Гамлетъ. А жить въ поту и въ испареніяхъ нечистаго ложа, согрѣтаго гнилью; ласкаясь и цѣлуясь въ гнѣздѣ разврата...

Королева. О, перестань! Слова эти для ушей моихъ—кинжалы. Довольно, милый Гамлетъ!

Гамлетъ. Убийца и злодѣй; холопъ, нестоящій и сотой доли того, кто былъ вашимъ мужемъ; паяцъ-король, державный воръ-карманщикъ, укравшій съ пьедестала богатую корону, которую въ карманъ заткнулъ—

Королева. Перестань!

(Входитъ духъ безъ бранныхъ достатковъ).

Гамлетъ. Заплатанный король-бродяга! *(Увидя духа).* Защитите и освѣтите меня крыльями, сонмы духовъ небесныхъ!—Чего хочеть достойный образъ твой?

Королева. Увы, онъ съ ума сошелъ.

Гамлетъ. Не приходишь ли ты бранить твоего лѣннивца

сына, тратищаго къ исполненію твоего великаго и страшнаго завѣта время и силы? Скажи!

Духъ. Не забывай! Пусть это свиданіе отточить притупленный замыслъ. Но посмотри! Ужасъ охватилъ мать твою; стань между нею и борьбой души ея; въ слабомъ воображеніи играетъ сильнѣе всего. Говори съ ней, Гамлетъ!

Гамлетъ. Что съ вами, матушка?

Королева. Ахъ, но что съ тобой, что ты впился глазами въ пустоту и разговариваешь съ безплотнымъ воздухомъ? Въ глазахъ твоихъ духи сверкаютъ какъ молніи, и длинный волосъ твой, какъ спящій лагерь во время тревоги, всталъ дыбомъ, какъ живой. О, милый сынъ, ороси прохладой терпѣнія жаръ и плямя твоего страданія! Куда ты смотришь?

Гамлетъ *(къ матери)*. На него! На него! Не видите ли, какъ онъ, блѣдный, пристально глядитъ? Его взоръ, его дѣло расшевелило бы камни.—*(Къ духу)*. Не смотри на меня, чтобы твой скорбящій видъ не сломилъ бы моего грознаго призванія и, вмѣсто крови, не полились бы слезы.

Королева. Съ кѣмъ ты разговариваешь?

Гамлетъ. Ничего вы тамъ не видите?

Королева. Ровно ничего; хотя я вижу все, что тамъ.

Гамлетъ. И ничего не слышали?

Королева. Ни слова, кромѣ насъ.

Гамлетъ. Взгляните же туда! Смотрите, какъ украдкой оно пробирается! Мой отецъ, въ одеждѣ какъ живой! Смотрите, вонъ онъ уходитъ въ дверь!

(Духъ исчезаетъ).

Королева. Все это—явное порожденіе твоего мозга; помраченіе ума часто создаетъ безплотныя явленія.

Гамлетъ. Помраченіе ума? Мой пульсъ такъ же мѣрно бьется, такую же разыгрызаетъ здоровую мелодію, какъ

и вашъ. Никакого безумія тутъ нѣтъ. Хотите, я повторю вамъ дѣло слово въ слово, отъ котораго и безуміе очнется. Матушка, ради вашего спасенія! Не обольщайте души своей бальзамомъ лести—будто мое безуміе, а не ваше преступленіе говорить; на время онъ притушитъ больное мѣсто, межъ тѣмъ проказа, незамѣтно подрываясь, разѣдаетъ внутри. Исповѣдайтесь Богу, покайтесь въ прошломъ, избѣгайте зла въ будущемъ, и не унаваживайте сорной травы, чтобы она росла сильнѣе!—Простите за откровенность; въ нашъ ожирѣвшій, одышливый вѣкъ сама добродѣтель должна умолять порока о прощеніи, пресмыкаться передъ нимъ, чтобы онъ позволилъ ей творить ему добро.

Королева. О, Гамлетъ! Ты разрываешь сердце мнѣ навое.

Гамлетъ. Отбросьте его испорченную половину, а съ другой живите въ чистотѣ. Покойной ночи! Избѣгайте ложа дяди, привыкайте къ добродѣтели, которой нѣтъ у васъ. Привычка—дьяволъ, притупляющая чувство къ грѣху, будетъ вашимъ ангеломъ хранителемъ; подвизаніе въ добрыхъ и хорошихъ дѣлахъ она одѣваетъ въ чудные покровы, которые носить легко. Будьте воздержны въ эту ночь, что облегчитъ путь къ дальнѣйшему воздержанію; послѣ будетъ совсѣмъ легко. Упорная борьба чуть не смываетъ клеймо природы: она укрощаетъ сатану, или чудодѣйственной вышибаетъ его силой. Еще разъ покойной ночи. Вашего благословенія прошу, если сперва вы сами будете о томъ молиться.—(Указывая на трупъ Полонія). Досадно за этого господина: небу угодно, чтобы онъ покаралъ меня, а я его, что пришлось мнѣ поневолѣ быть его бичемъ и слугой. Наконецъ-то я уберу его и за смерть его отвѣчу. Идите съ миромъ спать!

Жестокимъ быть заставляетъ меня одна любовь; начинается зло, другое, сильнѣе—недалеко. Еще одно слово, милая матушка!

Королева. Что мнѣ дѣлать?

Гамлетъ. Рѣшительно не то, о чемъ я просилъ. Пусть дутый король снова сманить васъ на ложе, смѣло треплетъ по щечкамъ и называетъ мышкой своей; и, за пару жаркихъ поцѣлуетъ, за то, что проклятыми поиграетъ съ вашей шейкой пальцами, объясните ему, въ чемъ дѣло: что я не сумасшедшій, а сумасшедшимъ притворяюсь. Не дурно бы намекнуть ему объ этомъ. Какая же королева, красивая, цѣломудренная и умная отъ паука и саламандры скроетъ такое сокровище? Да и кто бы это сдѣлалъ? Напротивъ, вопреки разсудку и тайнѣ, отворите въ клѣткахъ на вышкѣ дома двери, выпустите птицъ, и, какъ нѣкогда обезьяна, попробуйте туда забраться и сверните себѣ шею.

Королева. Будь увѣренъ, что если слова дыханіе, а дыханіе—жизнь, нѣтъ во мнѣ жизни, чтобы вздохнуть о томъ, что ты сказалъ.

Гамлетъ. Я долженъ въ Англію; знаете ли объ этомъ?

Королева. Ахъ да, я забыла; это рѣшено.

Гамлетъ. Печатаютъ письма; школьные мои товарищи, которымъ я столько же вѣрю, какъ двумъ ехиднамъ, уполномочены доставить ихъ туда; они взялись расчистить мнѣ дорогу, и, какъ герольды, сопровождать меня въ капканъ. Пусть и такъ! Но потѣшно будетъ, когда отъ собственного пороха фейерверкъ вылетитъ въ трубу; развѣ ошибусь, если не вырою на сажень глубже, чѣмъ ихъ подкопъ и не взорву ихъ на луну. О, какое прекрасное зрѣлище, когда двѣ подпольныя силы идутъ одна противъ другой!—(Поднимаетъ трупъ Полонія). Не знаю, куда бы дѣться съ человѣкомъ: оттащу пузо куда-нибудь поближе.—Итакъ ма-

тушка, покойной ночи!—А этотъ, тайный совѣтникъ тамъ, не на шутку теперь тихонекъ, тайный и важный, бывшій лукавый старый болтунъ.—Пойдемъ, баринъ, пора покончить съ вами.—Покойной ночи, матушка!

(Идутъ въ разные стороны. Гамлетъ тащитъ на себѣ трупъ Полонія).

ДѢЙСТВІЕ IV.

СЦЕНА 1-я.

Комната въ замкѣ.

Входятъ: король, королева, Розенкранцъ и Гильденштернъ.

Король *(къ королеве)*. Въ этихъ глубокихъ вздохахъ таится что-то. Объясните ихъ намъ, мы должны знать, въ чемъ дѣло. Гдѣ вашъ сынъ?

Королева *(къ Розенкранцу и Гильденштерну)*. Уйдите отсюда на минуту. *(Оба уходятъ)*.

Ахъ, супругъ мой, что я видѣла сегодня ночью!

Король. Что такое, Гертруда? что дѣлаетъ Гамлетъ?

Королева. Онъ бушуетъ, какъ море и вѣтры, когда вступаютъ въ споръ—кто изъ нихъ сильнѣе. Въ дикой ярости, услыша шумъ за ковромъ, онъ обнажаетъ шпагу, кричитъ: крыса! и въ пылу безумія убиваетъ бѣднаго старика, котораго не видѣлъ.

Король. Ужасное дѣло! Это могло постигнуть насъ, если бы мы стояли тамъ. Его свобода угрожаетъ всему міру,

вамъ даже, мнѣ и всякому другому. Ахъ, кто отвѣтитъ теперь за это кровавое дѣло? Оно обрушится на меня; изъ предосторожности я долженъ былъ сумасшедшаго молодого челоѣка подвергнуть строгому заключенію и удалить отъ всякаго сношенія съ людьми. Но моя любовь была такъ сильна, что я не хватился всего, что отъ меня зависѣло; и, какъ одержимый злымъ недугомъ, желая скрыть его, я прямо допустилъ терзать себя до мозга костей. Куда онъ ушелъ?

Королева. Онъ отнесъ куда-то трупъ убитаго, причемъ его безуміе стало такъ ясно, какъ зернушко золота въ простой рудѣ: онъ плачетъ о томъ.

Король. О, Гертруда, пойдемъ скорѣе! Солнце чуть взойдетъ на горы, онъ долженъ быть на кораблѣ; гнусное же это дѣло все наше искусство и величіе должны защищать и оправдать.—Эй, Гильденштернъ!

(Входятъ Розенкранцъ и Гильденштернъ).

Король. Ступайте, друзья, возьмите кого въ помощь! Гамлетъ, въ припадкѣ безумія, убилъ Полонія и вытащилъ его куда-то изъ покоевъ матери. Ступайте, отыщите его, допросите, и отнесите тѣло въ часовню. Пожалуйста, поскорѣе!

(Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ).

Пойдемъ, Гертруда, созовемъ умнѣйшихъ друзей нашихъ и объявимъ имъ о томъ, что думаемъ мы дѣлать, и о томъ что, къ несчастію, случилось. Такимъ образомъ змѣѣ сродная клевета, шипѣніе которой съ мѣткостью пушечнаго жерла разноситъ по міру ядовитый выстрѣлъ, какъ-нибудь пролетитъ мимо насъ, безвредно ударивъ въ пустое пространство. О, уйдемъ отсюда! На душѣ ужасъ и внутренній разладъ. *(Оба уходятъ)*.

СЦЕНА 2-я.

Другая комната во дворцѣ.

Входитъ Гамлетъ.

Гамлетъ. Хорошо упрятанъ—

Розенкранцъ и Гильденштернъ (за сценой). Гамлетъ!

Принцъ Гамлетъ!

Гамлетъ. Чу, — что за шумъ? Кто зоветъ Гамлета? А, это они.

(Входятъ Розенкранцъ и Гильденштернъ).

Розенкранцъ. Что вы сдѣлали съ трупомъ, принцъ?

Гамлетъ. Случилъ его съ прахомъ, которому онъ сродни.

Розенкранцъ. Скажите, гдѣ онъ, чтобы мы могли отнести его въ часовню.

Гамлетъ. Не воображайте себѣ.

Розенкранцъ. Чего не воображать?

Гамлетъ. Что я могу сохранять вашу тайну, а свою нѣтъ. Кромѣ того, позволю спрашивать себя губкѣ! Какой-же тутъ отвѣтъ дать сыну короля?

Розенкранцъ. Вы считаете меня губкой, принцъ?

Гамлетъ. Да, милостивый государь, всасывающей гримасы короля, его улыбки и повелѣнія. Въ концѣ концовъ такіе чины больше всего пригодны королю. Онъ держитъ ихъ, какъ держитъ обезьяна въ углу своихъ челюстей съѣстное; законопаченное сперва во рту, чтобы впослѣдствіи быть проглоченнымъ. Когда же понадобится то, что вы скопили, ему стоитъ только сжать васъ, и вы, губка, снова сухи.

Розенкранцъ. Я васъ не понимаю, принцъ.

Гамлетъ. Еще бы—острое слово не для тупыхъ ушей.

Розенкранцъ. Ваше высочество, вы должны сказать намъ, гдѣ трупъ, и отправиться съ нами къ королю.

Гамлетъ. Трупъ у короля, но король не у трупа. Король есть что-то—

Гильденштернъ. Что-то, принцъ?

Гамлетъ. И ничто. Ведите меня къ нему. Уходи, лиса, а за тобой и всѣ!

(Всѣ уходятъ).

СЦЕНА 3-я.

Другая комната въ замкѣ.

Входитъ король со свитой.

Король. Я послалъ за нимъ и приказалъ отыскать трупъ. О, какъ опасно, чтобы этотъ человѣкъ вертѣлся на свободѣ! Но намъ нельзя поступить съ нимъ по всей строгости законовъ. Онъ любимъ безсмысленной толпой, разбирающей не умомъ, а глазами, на которую сильнѣе дѣйствуетъ кара виновнаго, чѣмъ вина его. Чтобы свести счеты, нужно, чтобы эта внезапная высылка казалась исполнѣн обдуманнѣмъ шагомъ: противъ отчаянной болѣзни одно спасеніе — отчаянныя средства или ровно ничего.

(Входитъ Розенкранцъ).

Король. Что случилось?

Розенкранцъ. Куда онъ дѣлъ трупъ, государь, мы не могли отъ него добиться.

Король. Гдѣ же онъ самъ?

Розенкранцъ. Здѣсь, ваше величество, подъ стражей въ ожиданіи вашего повелѣнія.

Король. Приведите его къ намъ.

Розенкранцъ. Эй, Гильденштернъ! Проводите сюда принца!

(Входитъ Гильденштернъ вмѣстѣ съ Гамлетомъ).

Король. Ну что, Гамлетъ, гдѣ Полоній?

Гамлетъ. За ужиномъ.

Король. За ужиномъ?

Гамлетъ. Не тамъ, гдѣ онъ ѣсть, а тамъ, гдѣ его ѣдятъ. Извѣстный государственный совѣтъ изъ рыцарей, въ видѣ лаковыхъ червей, только что за него принялся. Что касается стола, червь, если хотите, самый выдающійся король. Мы кормимъ животныхъ, чтобы откормить себя, а себя кормимъ для червей. Откормленный король и тощій нищій—различныя только смѣны; два блюда, но для одного стола,—таковъ пѣсни конецъ.

Король. О Боже, Боже!

Гамлетъ. Кто-нибудь можетъ удить рыбу червякомъ, поѣвшимъ короля, и ѣсть рыбу проглотившую червяка.

Король. Что ты хочешь сказать этимъ?

Гамлетъ. Показать лишь вамъ, какъ иногда король объѣзжаетъ свои владѣнія по кишкамъ нищаго.

Король. Гдѣ Полоній?

Гамлетъ. На небесахъ. Пошлите туда справиться. Не найдеть его тамъ вашъ посланный, ищите его сами въ другомъ мѣстѣ. Но, правду сказать, если въ этомъ мѣстѣ не найдете его, вы попадете на слѣдъ его носомъ, поднимаясь по лѣстницѣ на галерею.

Король *(къ некоторымъ изъ свиты)*. Ступайте, поищите его тамъ.

Гамлетъ *(къ нимъ-же)*. Онъ подождетъ, пока прійдете.

(Нѣсколько человекъ изъ свиты уходятъ).

Король. Гамлетъ, для собственнаго твоего спасенія, которое для насъ такъ же дорого, какъ и больно то, что ты надѣлалъ, этотъ случай съ быстротою молніи долженъ тебя отсюда выслать. Снаряжайся; корабль готовъ, вѣтеръ попутный, спутники твои ждутъ, все собирается и теченіемъ относитъ въ Англію.

Гамлетъ. Въ Англію?

Король. Да, Гамлетъ.

Гамлетъ. Хорошо.

Король. Дѣйствительно такъ, если-бы ты зналъ наши намѣренія.

Гамлетъ. Я вижу херувима, который ихъ видитъ. — И такъ, въ Англію!—Прощайте, милая матушка!

Король. Твой любвеобильный отецъ, Гамлетъ.

Гамлетъ. Моя мать. Отецъ и мать—мужъ и жена; мужъ и жена—одно тѣло: слѣдовательно—моя мать. Маршъ, въ Англію! *(Уходитъ)*.

Король *(къ Розенкранцу и Гильденштерну)*. Слѣдуйте за нимъ по пятамъ; немедленно заманите его на бортъ; не теряйте времени: къ ночи, чтобы и духъ его простылъ. Поѣзжайте! Все запечатано и сдѣлано, что нужно. Пожалуйста, поскорѣе! *(Розенкранцъ и Гильденштернъ уходятъ)*. Ну, Англія! Если дорога тебѣ любовь моя, (какъ сила моя научила тебя цѣнить ее: рубцы, нанесенные тебѣ мечемъ Даніи, еще дымятся кровью, и ты покорно несешь намъ дань вассала) ты не посмѣешь отказать отъ исполненія верховной воли, формально требующей отъ тебя смерти Гамлета. О, исполни это, Англія! Онъ, какъ жаръ, свирѣпствуетъ въ крови, ты должна исцѣлить меня. Пусть

счастіе во всемъ меня ласкаетъ, до тѣхъ же поръ ничто меня не утѣшитъ.

(Уходитъ).

СЦЕНА 4-я.

Равнина въ Даніи.

Входятъ Фортинбрасъ и войско въ походной формѣ.

Фортинбрасъ. Ступайте, капитанъ, передайте отъ меня поклонъ королю Даніи; скажите ему, что Фортинбрасъ проситъ, для разрѣшеннаго уже прохода войскъ чрезъ его владѣнія, дать колонно-вожатыхъ. Вы знаете, гдѣ насъ найти. Когда его величеству угодно будетъ переговорить съ нами, мы къ его услугамъ; доложите ему такъ.

Капитанъ. Слушаю.

Фортинбрасъ *(къ войскамъ)*. Тихимъ шагомъ маршъ! *(Уходитъ съ войсками)*.

(Входятъ Гамлетъ, Розенкранцъ, Гильденштернъ и другіе).

Гамлетъ. Что это за войска, милостивый государь?

Капитанъ. Норвежскія, сударь.

Гамлетъ. Куда идутъ, позвольте узнать?

Капитанъ. На поляковъ.

Гамлетъ. Кто ведетъ ихъ?

Капитанъ. Племянникъ стараго короля Фортинбрасъ.

Гамлетъ. Идетъ ли дѣло о цѣлой Польшѣ, или о какомъ нибудь пограничномъ пунктѣ?

Капитанъ. Сказать правду, безъ лишняго, мы идемъ отбить небольшой клочекъ земли, которому, кромѣ имени, никакой цѣны нѣтъ. Я бы его не взялъ въ аренду за ка-

кихъ нибудь пять, да, пять червонцевъ. Если считать доходъ, ни полякамъ, ни шведамъ онъ больше не приноситъ.

Гамлетъ. Такъ полякъ не станетъ и защищать его?

Капитанъ. Напротивъ; онъ уже занятъ войсками.

Гамлетъ *(въ сторону)*. Двѣ тысячи жизней и двадцать тысячъ червонцевъ еще не рѣшаютъ этого нищенскаго спора. Вотъ гдѣ язва общественнаго благосостоянія и покая! Она горитъ внутри, межъ тѣмъ, какъ на яву причины смерти не замѣтно. *(Громко)*. Благодарю васъ, милостивый государь.

Капитанъ. Прощайте, сударь! *(Уходитъ)*.

Розенкранцъ. Угодно ли вамъ будетъ идти?

Гамлетъ. Я скоро нагоню васъ. Ступайте впередъ. *(Розенкранцъ и прочіе уходятъ)*. Все укоряетъ и поджигаетъ во мнѣ остывшее чувство мщенія! Что человѣкъ, если цѣль его жизни, величайшее благо—только ѣсть и пить? Скотъ—не болѣе. Нѣтъ сомнѣнія, что Тотъ, Кто создалъ насъ способными взирать въ прошедшее и будущее, не съ тѣмъ одарилъ насъ талантами и божественнымъ умомъ, чтобы они безплодно превращались въ плѣсень. И вотъ, отупѣніе ли животнаго это, или пугливое сомнѣніе, обдумывающее до тонкости послѣдствія—мысль, которую если разобрать на части, въ ней четверть только ума и какъ разъ три четверти страха—я не могу постигнуть зачѣмъ еще живу и, повторяю: «пора, пора»; тогда какъ я имѣю основаніе и волю, силу и средства сдѣлать это. Все кругомъ вопіетъ противъ меня. Вотъ эта большая и грозная армія, во главѣ которой нѣжный принцъ; духъ его исполненъ высокой отваги и честолюбія; онъ смѣло идетъ навстрѣчу неизвѣстному исходу; и за какую-нибудь орѣховую скорлупу ставитъ все на произволъ слѣпаго счастья, смерти и опасностей. Истинно великимъ быть, значить и

борьбу вести за истинно великое; но и соломенку защищать геройски, гдѣ дѣло идетъ о чести. Что же я, когда меня ни убійство отца, ни позоръ матери, ни сила ума и крови, ничто не пробуждаетъ? Со стыдомъ гляжу я на близкую смерть двадцати тысячъ людей, которые за химеру, за призракъ только славы идутъ во гробъ, какъ въ ложе. Они дерутся за комъ земли, на которомъ такая сила и въ бой вступить не можетъ, и нѣтъ довольно мѣста и могилъ, чтобы зарыть однихъ убитыхъ. О, съ этой минуты, мысли, пылайте кровью, иль будьте вы презрѣнны!
(Уходитъ).

СЦЕНА 5-я.

Гельзингеръ. Комната въ замкѣ.

Входятъ Королева и Гораціо.

Королева. Не хочу я съ ней говорить.

Гораціо. Она слишкомъ настойчиво требуетъ этого, точно потерянная; вполнѣ достойна сожалѣнія.

Королева. Что же ей нужно?

Гораціо. Она спрашиваетъ о своемъ отцѣ; говорить, что слыхала, будто свѣтъ гадокъ, стонетъ и бьетъ себя въ грудь; малѣйшій вздоръ ее волнуетъ; произноситъ невнятные, почти безъ смысла, слова. Рѣчь ея пустая; но ея неопредѣленная форма наводитъ слушающихъ на разнаго рода заключенія; всякій догадывается по-своему, разбираетъ значеніе словъ, произносимыхъ ею съ помощью киванія головой, движеній рукъ и лица, такъ что дѣйствительно можно подумать о чемъ-то ужасномъ. Не дурно бы

поговорить съ ней; она могла бы разсѣять подозрѣніе враждебно настроенныхъ умовъ.

Королева. Такъ приведите ее! (*Гораціо уходитъ*). Больной душѣ—таковы послѣдствія иныхъ преступленій—кажется, что всякая бездѣлица грозитъ несчастіемъ; грѣхъ исполняется такого безотчетнаго страха, что, желая скрыться, онъ обнажаетъ самъ себя.

(*Гораціо возвращается съ Офеліей*).

Офелія. Гдѣ прекрасная царица Даніи?

Королева. Какъ поживаете, Офелія?

Офелія (*поетъ*). Какъ теперь узнаю друга?

Не приходитъ молодецъ

Въ бѣлой шляпѣ и со шляпой

Онъ былъ Даніи боецъ.

Королева. Ахъ, милая моя, къ чему эта пѣсня?

Офелія. Что прикажете? Нѣтъ, послушайте, пожалуйста:

(*Поетъ*). Не придетъ онъ, жизнь онъ кончилъ

И въ землѣ теперь лежитъ;

Прахъ въ гробу, а на могилѣ

Черный крестъ надъ нимъ стоитъ.

О!

Королева. Но скажите, Офелія—

Офелія. Пожалуйста, слушайте.

(*Поетъ*). Какъ прекрасенъ былъ въ гробу онъ:—

(*Входитъ король*).

Королева. Ахъ, супругъ мой, посмотрите сюда!

Офелія (*поетъ*). Бѣлый саванъ и цвѣты,

Примиренье выражали

Дивныя его черты.

Король. Что съ вами, милая дѣвушка?

Офелія. Слава Богу, отлично! Говорятъ, что сова была дочь будочника. Ахъ, Богъ мой! Мы знаемъ хорошо, кто мы, но не знаемъ, чѣмъ будемъ. Хлѣбъ да соль!

Король. Намекъ на отца.

Офелія. Пожалуйста не будемъ объ этомъ говорить; но, если они васъ спросятъ, что это, скажите только:

(Поетъ). Помнишь въ Валентиновъ день, съ разсвѣтомъ
Постучалась я въ окно
И вскричала я при этомъ:
«Милый, жду тебя давно»!
Тихо двери открылись,
Онъ къ себѣ меня пустилъ,
Счастьемъ оба насладились—
Но несчастной отпустилъ!

Король. Милая Офелія!

Офелія. Право, не стану божиться, я кончу:

(Поетъ). И святой Екатериной
Поклялся мнѣ вѣрнымъ быть,
Клялся всѣмъ онъ—до могилы
Вѣкъ меня одну любить.
Поступилъ ты такъ безбожно,
Упрекала его я.

Онъ отвѣчаетъ: Что же дѣлать? невозможно....
Мнѣ жениться вѣдь нельзя.

Король. Какъ давно она такъ?

Офелія. Я надѣюсь, что все пойдетъ хорошо. Мы должны быть терпѣливы; но я не могу не плакать, когда подумаю, что его опустили въ холодную землю. Мой братъ долженъ объ этомъ знать. Спасибо за добрый совѣтъ. — Подайте карету! Прощайте, дамы! Прощайте милыя! Прощайте, прощайте! (Уходитъ).

Король (къ Горацио). Идите вслѣдъ за нею, берегите ее. (Горацио уходитъ). О, это ядъ глубокой скорби; источникъ его—смерть отца. И смотрите, о, Гертруда, Гертруда, если бѣдствія наступаютъ, они наступаютъ не въ одиночку, какъ шпіоны, но цѣлыми рядами. Отецъ ея убить; сынъ

вашъ, самъ безпутный виновникъ заслуженнаго изгнанія, далеко; затянута иломъ чернь, опасная и мутная въ своихъ бредняхъ и пересудахъ о смерти правдиваго Полонія; и мы тоже сдѣлали опрометчиво, похоронивши его тайкомъ; затѣмъ, это бѣдное дитя, лишенное ума, безъ котораго мы только куклы, только звѣри. А, что хуже всего, братъ ея тайно возвратился изъ Франціи, весь погруженный въ свое удивленіе, кроется за тучей; чтобы отравить его ядовитыми разсказами о смерти отца, дѣло не стоитъ и за наушниками; а тутъ и сплетня, не имѣя никакихъ данныхъ, тѣмъ не менѣе не постыдится прожужжать всѣмъ уши, лишь бы насъ обвинить. О, милая Гертруда, все это, какъ дробью, наносить мнѣ со всѣхъ сторонъ тысячу смертей!

(Шумъ за сценой).

Королева. Ахъ, что это за шумъ?

(Входитъ придворный).

Король. Сюда! Гдѣ швейцары? Поставьте стражу у дверей! Что случилось?

Придворный. Спасайтесь, государь! Океанъ, выступая изъ береговъ своихъ, не свирѣпствуетъ такъ ужасно по равнинамъ, какъ во главѣ мятежной толпы, Лазэръ разбиваетъ вашихъ людей. Чернь зоветъ его своимъ владыкой, и, какъ бы теперь только начался миръ, забыты древность и обычное право,—эта санкція и опора всякаго вѣща—кричитъ: мы избираемъ! Да будетъ королемъ Лазэръ! Шапки, руки и языки восторженно ревутъ чуть не подъ облака: королемъ пусть будетъ Лазэръ! Лазэръ король!

Королева. Громко лаютъ по ложному слѣду. Не туда попали, вы, коварные датчане—собаки. (Крикъ за сценой).

Король. Дверь сломали.

(Входит Лаэртъ, вооруженный, за нимъ датчане).

Лаэртъ. Гдѣ же этотъ король?—Господа, ожидайте тамъ!

Датчане. Нѣтъ, нѣтъ и мы съ вами!

Лаэртъ. Пожалуйста, не мѣшайте.

Датчане. Какъ вамъ угодно. *(Возвращаются назадъ).*

Лаэртъ. Спасибо! Стойте за дверьми!—Ты, король презрѣнный, отдай мнѣ отца!

Королева. Добрый Лаэртъ, успокойтесь!

Лаэртъ. Капля спокойной крови назоветъ меня ублюдкомъ, будетъ поносить отца моего рогоносцемъ, цѣломудренную мать мою заклеить въ лице позорной женщиной!

Король. Что за причина, Лаэртъ, такого гигантскаго гнѣва?—Оставь его, Гертруда, не страшись за насъ. Ибо такая осѣняетъ короля святость, что крамола, едва взглянетъ на то, чего хотѣла, сама отступаетъ отъ своихъ желаній.—Скажи, Лаэртъ, отчего ты такъ взбѣшенъ?—Гертруда, оставьте его! Говори молодой человѣкъ!

Лаэртъ. Гдѣ отецъ мой?

Король. Убить.

Королева. Но не королемъ.

Король. Пусть спрашиваетъ, сколько самъ захочетъ.

Лаэртъ. Какъ онъ погибъ? Я не дамъ себя дурачить. Къ чорту-дьяволу присяга! Совѣсть, благочестіе, въ преисподнюю васъ! Плевать мнѣ на анафему; до того дошло, что я готовъ на бой и съ небомъ, и съ землею, будь что будетъ! Мщенія по горло хочу за отца.

Король. Кто же васъ остановитъ?

Лаэртъ. Воля моя, но не повелѣнія цѣлаго міра; и я распоряжусь моими средствами такъ, чтобы и малое далеко хватило.

Король. Послушайте, Лаэртъ, если вы хотите знать правду о смерти вашего дорогого отца—неужто цѣль вашего

мщенія, какъ побѣдителя въ игрѣ, истребить какъ друга, такъ и недруга, какъ выигравшаго, такъ и проигравшаго?

Лаэртъ. Только враговъ его.

Король. Хотите знать, кто они?

Лаэртъ. Друзей я приму въ свои объятія и, какъ пеликанъ, приносящій въ жертву жизнь свою, напою ихъ собственною кровью.

Король. Такъ! Теперь вы говорите, какъ добрый сынъ и настоящій джентельменъ. Что я не повиненъ въ смерти вашего отца и самымъ чувствительнымъ образомъ задѣтъ, это будетъ вашему уму такъ ясно, какъ день для глаза.

Датчане *(за дверью)*. Пропустите ее!

Лаэртъ. Что стучилось? Что за шумъ?

(Входитъ Офелія, причудливо убранная травами и цвѣтами).

Лаэртъ. О, жары, иссушите мозгъ мой! Слезы горькія, сожгите силу и блескъ очей моихъ!—Какъ Богъ святъ! за твое безуміе будетъ намъ заплачено на вѣсъ, пока чашка вѣсовъ нашихъ внизъ не уйдетъ. О роза майская! прелестное дитя! Офелія! Дорогая сестра!—О небо, возможно ли, чтобы умъ молодой дѣвушки былъ такъ близокъ къ смерти, какъ жизнь старца? Природа нѣжна въ любви, гдѣ она нѣжна, самый драгоценный залогъ она шлетъ отъ себя тому, кого любить.

Офелія *(поетъ жалобно)*. На простыя носилки его положили—

(Со смѣхомъ). Эй, смѣло! Не робѣй!

(Жалобно). Оросила слеза гробъ печальный его
Ты прощай, голубокъ!

Лаэртъ. Будь ты при умѣ и зывай о мщеніи—было бы не такъ больно.

Офелія. Вы должны пѣть: туда сюда! и звать его сюда.

О, какъ это похоже на шумъ колеса!—Коварный слуга укралъ дочь своего господина.

Лазръ. Взоръ, но что-то есть.

Офелія (къ Лазру). Вотъ незабудки,—это на память: прошу васъ, дорогое сердце, помнить обо мнѣ! А вотъ и розмаринъ—знакъ вѣрности.

Лазръ. И въ безуміи смыслъ: сочетаніе вѣрности и памяти.

Офелія (къ королю). Вотъ вамъ укропъ и васильки. (Къ королю). Вотъ вамъ рута, а нѣсколько вѣтокъ для меня—вашу руту носите какъ знакъ отличія. (Къ Лазру). Вотъ бѣльцы; я хотѣла вамъ дать пару фялокъ, но онѣ всѣ вянуть, съ тѣхъ поръ, какъ отецъ мой умеръ. Говорятъ, конецъ его былъ блаженный.

(Поетъ). Францъ, мой милый утѣшитель—

Лазръ. Безуміе и печаль, страданіе и самый адъ—она облакаетъ въ красоту и прелесть.

Офелія (поетъ). Не вернется къ намъ, о Боже,
Успокой его, Спаситель,
На его смертельномъ ложѣ!
И прекрасенъ онъ былъ со своей бородой,
И лежалъ онъ въ гробу, какъ угасшій герой
Ко всему, ко всему охладѣлый.
Ты, святой мой утѣшитель,
Пѣсню выслушай мою:
Успокой его, Спаситель,
И устрой его въ раю!

И души всѣхъ христіанъ! О чемъ молю Господа? Прощайте! (Уходитъ).

Лазръ. Видишь ли ты? О Боже!

Король. Лазръ, я считаю долгомъ моимъ обсудить вмѣстѣ съ вами ваше горе; не лишайте меня правъ моихъ. Идите только скорѣе, изберите умнѣйшихъ изъ друзей ва-

шихъ и пусть они разсудятъ насъ. Если прямо или косвенно они найдутъ насъ причастными, мы готовы царствомъ, короной, жизнью, всѣмъ, что только наше, вознаградить васъ; въ противномъ случаѣ, подарите насъ терпѣніемъ, въ союзѣ съ вашей душой мы постараемся ублаготворить его.

Лазръ. Нечего дѣлать!—Родъ смерти, тайное погребеніе; ни меча, ни гербовъ надъ могилой, никакой торжественной обстановки и обрядовъ—все это отъ неба и до земли вопіетъ, чтобы я требовалъ суда.

Король. Требуйте; и, гдѣ будетъ вина, пусть рубить тамъ сѣкира палача. Прошу васъ, слѣдуйте за мной.

(Всѣ уходятъ).

СЦЕНА 6-я.

Другая комната въ замкѣ.

Входятъ Гораціо и слуга.

Гораціо. Кто спрашиваетъ меня?

Слуга. Матросы, господинъ; у нихъ, какъ говорятъ они, есть письма къ вамъ.

Гораціо. Позовите ихъ. (Слуга уходитъ). Не понимаю, изъ какой бы части свѣта поклонъ мнѣ, если не отъ принца Гамлета.

1-й матросъ. Да благословитъ васъ Богъ, господинъ!

Гораціо. Спасибо.

1-й матросъ. Здѣсь, батюшка, къ вамъ письмо; оно отъ посла, который долженъ былъ плыть въ Англію, если ваше имя точно Гораціо, какъ мнѣ сказали.

Гораціо (*читаетъ*). «Гораціо, когда прочтешь это, по-
«старайся доставить матросамъ доступъ къ королю; у
«нихъ письма къ нему. Мы еще и двухъ дней не были
«въ морѣ, какъ налетѣлъ на насъ сильно вооруженный
«корсаръ. Такъ какъ мы не могли плыть быстро на па-
«русахъ, то должны были поневолѣ драться, и, во время
«схватки, я бросился на abordажъ; въ одну минуту они
«отчалили отъ нашего корабля и я одинъ попалъ къ нимъ
«въ плѣнъ. Они обращались со мною, какъ сострадатель-
«ные воры, но они знали, что дѣлаютъ; я долженъ имъ
«отсчитать изрядный кушъ. Постарайся, чтобы король по-
«лучилъ письма, которые посылаю, и снѣши ко мнѣ такъ
«скоро, какъ будто-бы ты бѣжалъ отъ смерти. На ухо я
«скажу тебѣ слова, отъ которыхъ онѣмѣешь, хотя они—
«слишкомъ слабы противъ самаго факта. Добряки эти до-
«ставляютъ тебя ко мнѣ. Розенкранцъ и Гильденштернъ от-
«правились въ Англію. У меня есть много кое-чего по-
«разсказать тебѣ. Прощай! Вѣчно, какъ ты знаешь, твой
Гамлетъ.»

(Къ матросамъ). Пойдемъ, я помогу вамъ справиться
скорѣе съ письмами, тѣмъ болѣе, что вы тотчасъ должны
меня отвезти къ тому, кто вамъ ихъ вручилъ. (*Всѣ ухо-
дятъ*).

СЦЕНА 7-я.

Другая комната въ замкѣ.

Входятъ король и Лазрть.

Король. Итакъ ваша совѣсть должна закрѣпить пе-
чатю мою неповинность, и къ сердцу вашему вы должны

прижать меня, какъ друга,—такъ какъ вы слышали, изъ
вѣрнаго даже источника, что именно тотъ, кто убилъ ва-
шего достойнаго отца, посягалъ и на мою жизнь.

Лазрть. Это ясно. Однако, скажите мнѣ: зачѣмъ не
предали вы дѣла такого преступнаго свойства суду, какъ
требовало того все—и ваше величіе, и мудрость, и безо-
пасность?

Король. По двумъ исключительнымъ основаніямъ, ко-
торыя могутъ показаться вамъ ничтожными, но для меня
онѣ слишкомъ большого вѣса. Его мать, королева, чуть
не однимъ его взглядомъ дышетъ; что же касается лично
меня—будь, что будетъ, благо ли мое или мученіе—я такъ
привязанъ къ ней душой и жизнью, что, подобно звѣздѣ,
вращающейся въ извѣстномъ только кругѣ, безъ нея и
жить не могъ бы. Другая причина, почему я не смѣлъ
передать это гласности та, что народъ необыкновенно
къ нему привязанъ. Его любовь смысляетъ съ Гамлета всѣ
пороки, и, какъ родникъ, превращающій дерево въ ка-
мень, она изъ хулы дѣлаетъ хвалу, и мои стрѣлы, слиш-
комъ тонкія противъ такого сильнаго вѣтра, полетѣли бы
обратно, не попавши въ цѣль.

Лазрть. Итакъ, я потерялъ благороднаго отца; сестра
моя (если еще можно хвалить то, чего уже нѣтъ), достоин-
ства которой стояли выше вѣка, потеряна безвозвратно.
Но мщенія часъ настанетъ!

Король. На этотъ счетъ будьте покойны. Не думайте,
что мы созданы изъ такой дряблой ткани, что позволимъ
безнаказанно издѣваться надъ собою и считаемъ это пу-
стой забавой. Кромѣ того, вы знаете, что я любилъ ва-
шего отца, мы любимъ тоже и себя, это, надѣюсь, ясно
вамъ покажетъ—(*входитъ курьеръ*).—Ну? что новаго?

Посланный. Государь, письма отъ Гамлета—одно къ вашему величеству, другое къ королевѣ.

Король. Отъ Гамлета? Кто-же ихъ доставилъ?

Посланный. Говорятъ, матросы, ваше величество; я ихъ не видѣлъ. Мнѣ передалъ Клавдіо, который получилъ ихъ отъ подателя.

Король. Лазрть слушайте. (*Къ курьеру*). Оставьте насъ. (*Курьеръ уходитъ*). (*Читаетъ*). «Высокогогущественнѣйшій! вѣдайте, что я высаженъ на берега вашихъ владѣній нагой. Прошу разрѣшить мнѣ предстать завтра предъ «вашимъ королевскимъ глазомъ; тогда — если на это будетъ прежде всего ваше соизволеніе—я объясню причину «моего внезапнаго и чудеснаго возвращенія.

Гамлетъ».

Что это? Неужь-то всѣ вернулись? Какимъ образомъ? Или это чистѣйшая ложь и только?

Лазрть. Знакома вамъ рука?

Король. Почеркъ Гамлета. «Нагой», и на сторонѣ вотъ здѣсь говорить: «одинъ». — Что вы скажете?

Лазрть. Я тутъ ничего не понимаю, государь. Пусть придетъ! Я горю отъ нетерпѣнія скорѣе послать ему въ зубы: «ты сдѣлалъ это».

Король. Если такъ, Лазрть, — да можетъ ли быть такъ или иначе? Хотите ли я васъ настрою?

Лазрть. Лишь бы не къ миру.

Король. Къ твоему миру. Когда онъ возвратился, потому ли, что боится плыть по морю и не захочетъ снова вѣхаться, я уговорю его на дѣло, созрѣвшее у меня въ умѣ, въ которомъ онъ безповоротнo гибнетъ. О смерти его вѣтерокъ не зашелеститъ; не подозрѣвая коварства, и мать сама будетъ считать это дѣломъ случая.

Лазрть. Повинуюсь вамъ, государь, тѣмъ болѣе, если вы поведете дѣло такъ, чтобы я былъ орудіемъ его.

Король. Оно какъ разъ приходится къ тому. Съ тѣхъ поръ, какъ вы уѣхали, васъ очень хвалили (и то въ глаза Гамлету), за искусство, въ которомъ вы, говорятъ, не подражаемы; всѣ ваши доблести не возбуждали въ немъ такой зависти, какъ эта одна, на мой взглядъ далеко не главная.

Лазрть. Чтобы это была за доблесть, ваше величество?

Король. Простая, но необходимая кокарда на шляпѣ юности; подобно тому, какъ легкая, игривая одежда пригодна для юности, такъ степенному возрасту шуба и мантия придаютъ здоровье и солидный видъ. — Тому два мѣсяца былъ здѣсь рыцарь изъ Нормандіи. Я лично знаю на войнѣ франковъ — отличные наѣзники; но этотъ храбрецъ дѣлалъ чудеса: онъ вросалъ въ сѣдло и съ такимъ удивительнымъ искусствомъ правилъ лошадей, какъ будто съ этимъ благороднымъ животнымъ становился однимъ тѣломъ и движеніемъ; онъ превзошелъ все, что можно представить себѣ въ этомъ родѣ; всѣ аллюры и прыжки, какіе могъ бы я придумать — все было ниже того, что онъ продѣлывалъ.

Лазрть. Это былъ нормандецъ?

Король. Нормандецъ.

Лазрть. Ручаюсь головой: Ламордъ.

Король. Онъ, точно.

Лазрть. Я его отлично знаю; дѣйствительно, это сокровище и драгоцѣнный камень своего народа.

Король. Онъ рассказывалъ намъ о васъ и до того хвалилъ искусство и умѣнье ваше владѣть оружіемъ, въ особеннoсти рапирой, что однажды сказалъ всеуслышаніе: чудное было бы зрѣлище, если бы кто помѣрялся съ вами. —

Онъ клялся, что бойцы его страны теряютъ голову, глаза, всю ловкость свою, когда вы на нихъ выпадаете. Рассказъ этотъ такую отравлялъ завистью Гамлета, что онъ только и ждалъ вашего возвращенія, чтобы помѣриться съ вами. Итакъ, изъ этого—

Лазръ. Что изъ этого, ваше величество?

Король. Лазръ, былъ ли вамъ дорогъ отецъ вашъ? Или вы, подобно скорби на картинѣ, только ликъ безъ сердца?

Лазръ. Къ чему допросъ?

Король. Не къ тому, чтобы я думалъ, что вы не любили вашего отца; но я по опыту знаю, что время рождаетъ, оно же и охлаждаетъ жаръ и искры любви. Въ глубинахъ самой пламенной любви живетъ родъ фитиля и нагара, который ее притупляетъ. Да и ничто не бываетъ постоянно годнымъ: годность, ставши полнокровной, замираетъ въ собственномъ своемъ избыткѣ. Кто хочетъ сдѣлать что, долженъ сдѣлать тогда же, когда хочетъ; потому что это хочетъ измѣняется и найдетъ столько случаевъ уклониться и дѣло отложить, сколько есть языковъ, рукъ и мнѣній; и тогда это долженъ становится однимъ хвастливымъ вздохомъ, который, облегчая, приноситъ вредъ. Но, къ сути самаго дѣла! Сюда ѣдетъ Гамлетъ: что вы хотите предпринять, чтобы показать себя сыномъ вашего отца—на дѣлѣ болѣе, чѣмъ на словахъ?

Лазръ. Задуть его въ церкви.

Король. Конечно, убійство нигдѣ не должно найти убѣжища и мщеніе предѣловъ. Но, Лазръ, если вы это надумали, сидите лучше дома. Возвратится Гамлетъ, онъ непременно узнаетъ, что вы здѣсь; мы расхвалимъ передъ нимъ ваши совершенства и вдвое распишемъ славу, которой осѣнилъ васъ франкъ; словомъ, сведемъ васъ вмѣстѣ и побьемся о закладъ на ваши головы. Безпечный, прямой,

нечающій ничего дурного, онъ навѣрно не будетъ осматривать рапиры; тогда вы можете легко и незамѣтно выбрать одну изъ нихъ съ отточеннымъ концомъ и однимъ мѣткимъ ударомъ воздать ему за отца.

Лазръ. И воздамъ, въ довершеніе всего, смазавши мою рапиру. Какой-то шарлатанъ продалъ мнѣ такой убійственный составъ, что стоитъ только погрузить въ бѣгучей крови ножъ: какое бы ни было средство, придуманное изъ цѣлебныхъ травъ, растущихъ подъ луною, не спасетъ творенія. Ядомъ этимъ я питаю остріе моей рапиры и онъ убьетъ его, чуть только какъ-нибудь задѣну—

Король. Нужно придумать: какъ лучше и въ какое время достигнуть цѣли. Не удайся это, да какъ-нибудь въ плохомъ исполненіи проглянетъ замыслъ нашъ—лучше бы и не начинать. А потому нашъ планъ долженъ имѣть въ резервѣ кое-что понадежнѣе, на случай, если бы первый опытъ провалился. Стойте, дайте подумать!—Мы торжественно бьемся объ закладъ, кто изъ васъ сильнѣе—да, вотъ что: когда вамъ во время фехтованія сдѣлается жарко и захочется пить (для этого вы должны выпадать какъ можно сильнѣе) и онъ потребуетъ воды, будетъ приготовленъ кубокъ, изъ котораго пусть онъ хлебнетъ только—уйди онъ отъ вашего ядовитого удара, отъ нашего приѣма ему не уйти. Но, тише! Что за шумъ?

(Входитъ королева.)

Король. Ну, что, достойная королева?

Королева. Несчастія слѣдуютъ одно за другимъ по пятамъ и быстро нагоняютъ другъ друга.—Лазръ, сестра ваша утонула.

Лазръ. Утонула, говорите? гдѣ?

Королева. Тамъ, гдѣ надъ рѣкой склонившись, стоитъ ива и въ зеркалѣ водъ отражаются густые ея листья, она

свивала фантастическіе вѣйки изъ лютика, крапивы, ландышей и кукушкиныхъ слезокъ. Когда она влѣзла на дерево, чтобы на висячія вѣтви ивы повѣсить свое плетеніе, обломился подгнившій сукъ, и всѣ вьющіеся ея трофеи и сама она полетѣли въ потокъ ревущій. Одежда ея широко раздулась и нѣсколько времени держала ее, какъ сирену, на поверхности воды; она же, подобно существу, рожденному и привычному къ этой стихіи, не сознавая опасности, распѣвала пѣсни сѣдой старины. Но не долго продолжалось такъ; платье, напитанное водой, увлекло ее, бѣдное дитя, отъ мелодій въ могилу ила.

Лазръ. Увы, неужели утонула?

Королева. Утонула, утонула!

Лазръ. Слишкомъ для тебя будетъ много воды, бѣдная сестра! А потому уйму слезы. Но между тѣмъ намъ это такъ сродно; что ни рассказывай стыдъ, природа беретъ свое; но слезы чуть прошли—женщины нѣтъ.—Прощайте, государь! Есть у меня жгучія слова, онѣ бы легко вспыхнули, если бы не тушила ихъ эта глупая слеза. (*Уходитъ*).

Король. Пойдемъ за нимъ, Гертруда! О, сколько мнѣ стоило труда усмирить его бѣшенство! Я боюсь, не вспыхнуло бы оно снова, а потому пойдемъ за нимъ скорѣе.

(*Оба уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ V.

СЦЕНА 1-я.

Кладбище.

Входятъ два могильщика съ лопатами.

1-й могильщикъ. Слѣдуетъ ли хоронить по-христіански ту, которая умышленно сама ищетъ спасенія?

2-й могильщикъ. Говорю тебѣ—слѣдуетъ; живо копай яму. О смерти ея состоялся судъ, который и рѣшилъ хоронить ее по-христіански.

1-й могильщикъ. Но какъ же это такъ, если она утонула не вслѣдствіе самозащиты?

2-й могильщикъ. Ну, ужъ такъ порѣшили тамъ.

1-й могильщикъ. Должно быть, это случилось не просто, иначе и быть не можетъ. Ибо статья закона, гласитъ: если я умышленно топлюсь, то это дѣйствіе, а дѣйствіе состоитъ изъ трехъ частей—намѣренія, самаго факта и исполненія. Стало быть, она утопилась завѣдомо.

2-й могильщикъ. Э, послушай, кумъ—лопата.

1-й могильщикъ. Не мѣшай, дай кончить. Здѣсь, примѣромъ сказать, стоитъ вода—ладно; здѣсь, примѣромъ сказать, стоитъ человѣкъ—ладно. Если человѣкъ пойдетъ къ той водѣ и самъ себя утопитъ, вольно ему было, значить, идти, или нѣтъ. Запомни это! Но, когда вода къ нему подойдетъ и его утопитъ, тогда онъ самъ себя не топить. Стало быть, кто не причиной своей смерти, тотъ самъ себѣ не прекращаетъ жизни.

2-й могильщикъ. Развѣ это такъ и по закону?

1-й могильщикъ. Еще бы,—такъ по закону: объ осмотрѣ мертвѣго тѣла.

2-й могильщикъ. А хочешь знать правду? Если бы оно было не дворянское, не хоронили бы ее на освященномъ мѣстѣ.

1-й могильщикъ. Что и говорить. То-то и бѣда, что для знатныхъ на этомъ свѣтѣ больше духу хотѣ повѣситься, хотѣ утопиться, чѣмъ для протчей братьи христіанъ.—Ну-ка, лопата, за дѣло! Нѣтъ древнѣе дворянскаго рода какъ садовники, мастера гробовъ и могильщики — они продолжаютъ ремесло отъ Адама.

2-й могильщикъ. Развѣ тотъ былъ дворянинъ?

1-й могильщикъ. Онъ былъ первый, испоконъ вѣку носившій оружіе.

2-й могильщикъ. Не можетъ быть!

1-й могильщикъ. Что? Развѣ ты язычникъ? Какъ ты толкуешь писаніе? Писаніе гласитъ: Адамъ копалъ. А могъ ли онъ копать безъ оружія?—Предложу-ка я тебѣ одинъ вопросъ, если толкомъ не отвѣтишь, то признайся—

2-й могильщикъ. Ну-ка, ну!

1-й могильщикъ. Кто строить прочнѣе каменщика, корабельщика или плотника?

2-й могильщикъ. Тотъ, кто строить висѣлицы — постройка его переживаетъ тысячи жильцовъ.

1-й могильщикъ. Смышленость твоя, пожалуй, мнѣ по вкусу. Висѣлица приносить пользу, но какъ? Она приноситъ пользу тому, кто дурно дѣлаетъ. Вотъ и ты дурно дѣлаешь, когда говоришь, что висѣлица крѣпче построена, чѣмъ церковь, а потому висѣлица принесла бы тебѣ большую пользу. Поройся-ка лучше. Да живо!

2-й могильщикъ. Кто строить прочнѣе каменщика, корабельщика или плотника?

1-й могильщикъ. Скажи-ка это, и шабашъ.

2-й могильщикъ. Это мнѣ нипочемъ, могу.

1-й могильщикъ. Ну, живо!

2-й могильщикъ. А ну его! Не могу я этого сказать.

(Вдали появляются Гамлетъ и Гораціо).

1-й могильщикъ. Не ломай попусту башки—глухой оселъ, какъ ни бей его, шага не ступить скорѣе. А когда тебя кто-нибудь спроситъ, сразу отвѣчай: могильщикъ. Дома, имъ построенные, простоятъ до дня страшнаго суда.—Ну-ка, братъ, сбѣгай въ кабакъ и принеси водки.

(2-й могильщикъ уходитъ).

1-й могильщикъ (поетъ и поетъ):

Молодымъ бывало
Весело я жилъ,
Какъ мнѣ силъ хватало,
Такъ я и любилъ.

Гамлетъ. Неужели этого верзилу не прошибаетъ его работа? Онъ роетъ могилу и тутъ же поетъ.

Гораціо. Привычка сдѣлала для него это дѣло легкимъ.

Гамлетъ. Вещь извѣстная: чѣмъ менѣе рука въ работѣ, тѣмъ нѣжнѣе.

1-й могильщикъ (поетъ):

Старость вѣдь не радость,
Люди говорятъ,
Чувствую усталость,
Кости всѣ болятъ. (Выбрасываетъ черепъ).

Гамлетъ. У черепа этого былъ когда-то языкъ и онъ могъ пѣть. Негодй швыряетъ имъ, будто челюстью Канна, совершившаго первое убійство! — Это могла быть голова какого-нибудь дипломата, хитрѣе котораго теперь этотъ

мужланъ; того, кто чаялъ провести Господа Бога. Не правда ли?

Гораціо. Очень возможно.

Гамлетъ. Или придворнаго, который могъ говорить: «здравствуйте, любезнѣйшій принцъ! Какъ поживаете, добрѣйшій принцъ?»—Можетъ быть, это черепъ какого нибудь высокороднаго господина, который хвалилъ такого же высокороднаго господина лошадей, когда ему хотѣлось получить ее въ подарокъ. Не такъ ли?

Гораціо. Да, принцъ.

Гамлетъ. Да, да, а теперь камеръ-юнкеръ — червякъ, сгнилъ и по щекѣ получаетъ ударъ лопатой могильщика.— Прекрасное превращеніе, если бы мы владѣли искусствомъ наблюдать его. Неужели эти кости выхолили для того, чтобы играть ими въ бабки? У меня онѣ ноютъ, когда подумаю объ этомъ.

1-й могильщикъ (*поетъ*):

Заступъ закопаетъ
И лежи въ гробу—
Каждый ожидаетъ
Эту же судьбу.

(*Опять выбрасываетъ черепъ*).

Гамлетъ. Еще черепъ.—Почему бы это не черепъ какого-нибудь юриста? Гдѣ теперь его мудренныя тяжбы, его кліенты, его дѣла и его крючки? Почему онъ переноситъ теперь удары въ лобъ грязной лопатой этого чурбана и не грозить притянуть его къ суду за оскорбленіе дѣйствіемъ? Гм! А, можетъ быть, этотъ молодецъ въ свое время былъ извѣстнымъ скупщикомъ земель, съ своими купчими, съ своими арендами, съ своими неустойками? Это ли его послѣдняя покупка и перепродажа—что великолѣпную его мозговницу убираютъ великолѣпной грязью? Неужели всѣ

его, правдами и неправдами нажитыя купчія не больше обезпечили ему клочка земли, величиной въ длину и ширину какихъ-нибудь двухъ контрактовъ? Хотя документы на его угоды едва ли бы вошли въ этотъ ящикъ, самому-то владѣльцу неужто нехватило больше мѣста? а?

Гораціо. Ни на одну іоту больше, принцъ.

Гамлетъ. Не выдѣлываютъ ли пергаментъ изъ овечьей кожи?

Гораціо. Да, принцъ, изъ телячьей тоже.

Гамлетъ. Овцы же и телята тѣ, кто въ пергаментахъ ищетъ своего спасенія!—Мнѣ хочется поговорить съ этимъ парнемъ.—Послушай, чья это могила?

1-й могильщикъ. Эта могила моя. (*Поетъ*):

Каждый ожидаетъ
Эту же судьбу.

Гамлетъ. Вполнѣ вѣрю, что твоя, потому что ты стоишь въ ней.

1-й могильщикъ. Вы тамъ, батюшка, наверху, а потому она не ваша; я въ ней не лежу, однако же, она моя.

Гамлетъ. Ты врешь въ ней, говоря, что она твоя. Могила роютъ для мертвыхъ, а не для живыхъ.

1-й могильщикъ. Это живая ложь, пусть она и остается при васъ.

Гамлетъ. Для мужчины ты ее роешь?

1-й могильщикъ. Нѣтъ, не для мужчины.

Гамлетъ. Такъ для женщины?

1-й могильщикъ. И не для женщины.

Гамлетъ. Кого же, наконецъ, похороняютъ въ ней?

1-й могильщикъ. Бывшую женщиной, батюшка; но, царство ей небесное!—она умерла.

Гамлетъ. Какой тонкій! Съ нимъ нужно говорить умѣючи, а не то, онъ насъ словами замучитъ. Въ самомъ дѣлѣ,

Гораціо, въ послѣдніе три года, я замѣтилъ, вѣкъ нашъ сталъ такимъ остроумнымъ, что мужикъ заткнетъ за поясъ любого придворнаго.—Какъ давно ты могильщикомъ?

1-й могильщикъ. Я сталъ могильщикомъ какъ разъ въ тотъ самый день, когда нашъ бывшій король Гамлетъ побѣдилъ Фортинбраса.

Гамлетъ. Какъ давно это было?

1-й могильщикъ. Развѣ вы не знаете? Это знаетъ здѣсь всякій дуракъ. Это было въ тотъ самый день, когда родился молодой Гамлетъ, который съ ума сошелъ и высланъ въ Англію.

Гамлетъ. Ахъ—такъ! Зачѣмъ же его выслали въ Англію?

1-й могильщикъ. Зачѣмъ! Затѣмъ, что онъ сумасшедшій. Онъ долженъ воротить свой умъ тамъ; а если не воротить, такъ у нихъ это не бѣда.

Гамлетъ. Почему?

1-й могильщикъ. Тамъ этого не замѣтятъ—люди въ Англіи всѣ такіе же сумасшедшіе, какъ и онъ.

Гамлетъ. Отъ чего онъ съ ума сошелъ?

1-й могильщикъ. Довольно странно, какъ говорятъ.

Гамлетъ. Отчего странно?

1-й могильщикъ. Эхъ, батюшка, оттого, что у него умъ за разумъ зашелъ.

Гамлетъ. Не знаете ли причины?

1-й могильщикъ. Должно быть, причина датская и земля датская.—Я здѣсь вотъ уже 30-тъ лѣтъ могильщикомъ, до старости дожилъ.

Гамлетъ. А какъ долго лежитъ человѣкъ въ землѣ, пока сгниетъ?

1-й могильщикъ. Сказать правду, если не сгнилъ еще передъ смертью (у насъ теперь чортова пропасть такихъ окаянныхъ, что пока его заколотишь въ гробъ, онъ едва

держится), онъ сохраняется отъ 8 до 9, а кожевникъ 9 лѣтъ.

Гамлетъ. Отчего этотъ больше, чѣмъ другой?

1-й могильщикъ. Его ремесло, батюшка, такъ вычиняетъ ему кожу, что она долгое время не пропускаетъ воды; а вода дьявольски скоро сѣдаетъ, при жизни еще прожженные язвами, трупы. Вотъ черепъ, лежалъ, какъ бы не со- вратъ, двадцать три года въ землѣ.

Гамлетъ. Чей онъ?

1-й могильщикъ. Одного пустѣйшаго забіяки. Кто бы, вы думали, былъ онъ?

Гамлетъ. Почему же мнѣ знать.

1-й могильщикъ. Пропади онъ, шутъ гороховый! Когда-то онъ вылилъ мнѣ на голову цѣлую бутылку рейнвейна. Этотъ черепъ тамъ—черепъ Юрка, королевскаго шута?

Гамлетъ. Этотъ?

1-й могильщикъ. Да, да, онъ самый и есть.

Гамлетъ (*беретъ черепъ*). Покажи сюда.—Ахъ, бѣдный Юрикъ!—Я зналъ его, Гораціо. Это былъ малый безконечнаго юмора, полный великолѣпнѣйшихъ остротъ и помысловъ. Тысячу разъ онъ носилъ меня на спинѣ. А теперь, страшно подумать! Мнѣ даже дурно. Здѣсь были губы, которыя, не знаю, какъ часто и цѣловать. Гдѣ теперь твои шутки, твои прыжки, твои пѣсни, молвіи твоего смѣха, отъ которыхъ всѣ за столомъ хохотали до упаду? Есть ли теперь тамъ кто, чтобы посмѣяться надъ гримасой зубовъ твоихъ? Все сбѣжалось въ морщины! Ну-ка, отправься теперь въ будуаръ знатной дамы и скажи ей, пусть она хоть въ палецъ шпигатуритъ себя все-таки получить такую же рожу. Утѣшь ее этимъ!—Будь такъ добръ, Гораціо, скажи мнѣ еще одно.

Гораціо. Что такое, принцъ.

Гамлетъ. Думаешь ли ты, что и Александръ такъ же выгляделъ въ землѣ?

Горацио. Такъ точно.

Гамлетъ. И такъ смерделъ? Фу! *(Бросаетъ черепъ)*.

Горацио. Такъ же точно, принцъ.

Гамлетъ. Какая жалкая наша участь, Горацио!—И отчего бы воображенію не прослѣдить за прахомъ Александра до тѣхъ поръ, пока бы оно не отыскало его въ видѣ запытки въ бочкѣ?

Горацио. Смотрѣть такъ на вещи, значитъ, разбирать ихъ слишкомъ тонко.

Гамлетъ. Ничуть, право. Съ большою вѣроятностію легко прослѣдить за нимъ туда довольно вѣрно. Напримѣръ такъ: Александръ умеръ, Александръ превратился въ прахъ, прахъ земля, изъ земли мы дѣлаемъ замазку: и почему бы той замазкой нельзя заткнуть бочку съ пивомъ?

Кто поселялъ въ народахъ страхъ
Предъ кѣмъ дышать едва ли смѣли,
Великій Цезарь—нынѣ прахъ,
И имъ замазываютъ щели! *(Изъ Кронеберга)*.

Но тише, тише! Посторонимся! Сюда идетъ король! *(Духовенство; гробъ Офеліи, Лазртъ и траурная свита слѣдуютъ за нимъ; король, королева, изъ свита и т. д.)*.

Гамлетъ. Королева, дворъ; кого провожаютъ? И такая простая обстановка? Будто слѣдуютъ за тѣломъ въ отчаяніи лишившаго себя жизни. Должно быть, кто-нибудь изъ знати. Послушаемъ. *(Отходитъ вмѣстѣ съ Горацио назадъ)*.

Лазртъ. Что за обряды такіе?

Гамлетъ. Это Лазртъ, благородный молодой человѣкъ. Слушайте!

Лазртъ. Что за обряды?

Первый священникъ. Мы совершаемъ обрядъ погребенія, какой разрѣшаютъ намъ уставы; причина смерти ея сомнительна и, если бы не распоряженіе свыше, не на освященной землѣ ожидать бы ей трубы страшнаго суда. Вмѣсто христіанскихъ молитвъ, ее забросали бы черепемъ и камнями. А теперь ее удостили дѣвичьяго вѣнка, цвѣтовъ, хоронятъ при колокольномъ звонѣ и на освященномъ мѣстѣ.

Лазртъ. И ничего больше?

Священникъ. Ничего больше. Мы осквернили бы чинъ погребенія, если бы пѣли литію, какъ по всѣмъ въ Божѣ почившимъ.

Лазртъ. Опустите ее въ землю и на предестной и непорочной ея могилѣ вырастутъ фіалки!—Я скажу тебѣ, жестокой поэтъ, пока ты здѣсь воешь и лукавишь, сестра моя, какъ ангелъ, сидитъ на престолѣ.

Гамлетъ. Какъ? Прекрасная Офелія?

Королева *(посылая цѣпями)*. Невинному — невинность. Прощай! Я жила надеждой, что ты будешь подругой моего Гамлета, мечтала, прелестное дитя, убирать брачное ложе, а не усыпать твою могилу.

Лазртъ. О, трижды бѣда на проклятую голову того, чье злодѣйство лишило тебя разсудка!—Не засыпайте землей, пока еще разъ не обниму ее. *(Примаетъ въ могилу)*. Громоздите теперь прахъ надъ живыми и мертвыми, пока изъ долины не сдѣлаете горы выше Пеліона, выше лазоревой вершины заоблачнаго Олимпа.

Гамлетъ *(выступая впередъ)*. Чья скорбь звучитъ здѣсь такъ напыщенно? Чей крикъ печали закликаетъ теченіе звѣздъ и останавливаетъ ихъ, пораженныхъ страхомъ, слушателей?—Это я, Гамлетъ Датчанинъ. *(Скачетъ въ могилу)*.

Лазрть. Чортъ бы взялъ твою душу! *(Бросается на него)*.

Гамлетъ. Плохо же ты молишься. Не давай, братъ, рукъ воли; хотя я и не въ пылу гнѣва, но во мнѣ есть еще что-то опасное, съ чѣмъ я совѣтовалъ бы тебѣ посчитаться. Прочь руку!

Король. Разведите ихъ!

Королева. Гамлетъ, Гамлетъ!

Всѣ. Господа—

Гораціо. Успокойтесь, дорогой принцъ! *(Нѣсколько чело-
вѣкъ изъ свиты раздѣляютъ ихъ, и они выходятъ изъ могилы)*.

Гамлетъ. Да, за это дѣло я готовъ съ нимъ драться пока не закрою рѣсницъ моихъ.

Королева. О, сынъ мой, за какое дѣло?

Гамлетъ. Я любилъ Офелію; любовь 40 тысячъ братьевъ не сравнится съ суммою моей любви. *(Къ Лазрту)*. Что для нея ты хочешь сдѣлать?

Король. Лазрть, онъ сумасшедшій.

Королева. Ради Бога, оставьте его!

Гамлетъ *(къ Лазрту)*. Чортъ возьми, скажи, чего ты хочешь? Рыдать? драться? морить себя голодомъ? растерзать себя на части? Нилъ выпить? Глотать крокодиловъ? На это и я готовъ.—И приходишь ты сюда визжать? На зло мнѣ бросаешься въ могилу? Хочешь, чтобы тебя зарыли съ ней? Я тоже этого хочу. И ты болтаешь о горахъ; пусть бросятъ на насъ миллионы горъ, пока громада ихъ, достигнувъ поясовъ палящихъ, гору Оссу не сдѣлаетъ бородавкой!—Умѣешь ты высоко парить, и я могу не хуже тебя.

Король. Это чистѣйшее безуміе.

Королева. Припадокъ бушуетъ не долго; но затѣмъ онъ станетъ кроткимъ, какъ голубка, высидѣвшая птенцовъ и опускающая крылья на покой.

Гамлетъ *(къ Лазрту)*. Послушайте, что за причина, что вы меня такъ встрѣчаете? Я васъ всегда любилъ.—Нужды нѣтъ! Стань самъ Геркулесъ защищать себя, котъ долженъ мяукать, собака должна лаять. *(Уходитъ)*.

Король. Прощу васъ, Гораціо, идите за нимъ! *(Гораціо уходитъ)*. Лазрть, то, о чемъ говорили мы ночью, должно укрѣпить терпѣніе ваше; мы скоро все устроимъ.—Добрая Гертруда, прикажите смотрѣть за вашимъ сыномъ. *(Къ Лазрту)*. На этой могилѣ поставимъ памятникъ живой. Часъ спокойствія наступитъ скоро; а пока—терпѣніе. *(Всѣ уходятъ)*.

СЦЕНА 2-я.

Зала въ замкѣ.

Входятъ Гамлетъ и Гораціо.

Гамлетъ. Объ этомъ довольно; перехожу къ другому. Помнишь ли ты всѣ обстоятельства?

Гораціо. Помнишь, принцъ?

Гамлетъ. Въ груди моей кипѣла борьба, недавняя мнѣ уснуть; мнѣ чудилось, что я хуже какихъ-нибудь злодѣевъ лежу заклепанный въ колодки. Вдругъ—хвала и тебѣ безотчетная храбрость!—Изъ этого слѣдуетъ, что часто опрометчивость бываетъ полезна тамъ гдѣ, разрушаются зрѣло обдуманые планы; это же учить насъ, что какъ бы мы ни задумали наши дѣла, божество отливаетъ ихъ въ форму.

Гораціо. Совершенно вѣрно.

Гамлетъ. Изъ моей спальни, въ шкипера плащѣ, въ потѣмахъ, оцупую я пробрался къ нимъ, счастливымъ; схва-

тилъ пакетъ и тихонько вернулся въ свою каюту; страхъ мой забыть приличіе, и я дерзко распечаталъ ихъ высочайшее порученіе. Тутъ-то, Гораціо, я попалъ на королевскую каверзу: строжайшее повелѣніе, напечатанное разными основаніями, въ благо Даніи и Англіи тоже — и, Боже мой, какой содомъ, если бы я ушелъ — чтобы тотчасъ по предъявленіи сего, безъ малѣйшей проволоочки, отрубить мнѣ голову, не откладывая на столько, чтобы отточить топоръ.

Гораціо. Можетъ ли быть?

Гамлетъ. Вотъ порученіе: прочти его въ свободное время. А хочешь знать, что сдѣлалъ я?

Гораціо. Еще бы.

Гамлетъ. Такимъ образомъ, опутанная злодѣйствомъ со всѣхъ сторонъ, прежде чѣмъ обдумать дѣло, голова моя пошла писать. Я сѣлъ, набросалъ порученіе и старательно переписалъ его. Когда-то, подобно нашимъ вельможамъ, я считалъ унижительнымъ писать красиво и дѣлалъ надъ собой усиліе, чтобы этому разучиться; но въ ту минуту это была для меня истинно рыцарская услуга. Хочешь ли знать содержаніе моей бумаги?

Гораціо. Да, добрый принцъ.

Гамлетъ. Самое торжественное заклинаніе отъ короля: на сколько Англія вѣрна обязательствамъ леннаго права, на сколько союзъ ихъ долженъ цвѣсти какъ пальма, на сколько миръ, колосьями связуя дружбой оба государства, долженъ крѣпко соблюдаться — присовокупляя много этого на сколько въ томъ же родѣ — когда поступить эта бумага, безъ малѣйшаго распорядиться колебанія подателей сего казнить, не давши имъ времени исповѣдаться въ грѣхахъ.

Гораціо. Какъ же оно было запечатано?

Гамлетъ. Провидѣніе и тутъ не дремало. Со мной была печать моего отца, служившая образцомъ теперешней дат-

ской. Я сложилъ письмо, какъ было сложено подлинное, подписалъ, приложилъ печать и положилъ его на мѣсто; подкидывъ былъ не замѣченъ. На слѣдующій день была морская стычка, а что было за тѣмъ — ты знаешь.

Гораціо. А Розенкранцъ и Гильденштернъ попались?

Гамлетъ. Э, другъ мой, они же сами добивались этого дѣла; мнѣ за нихъ ничуть не совѣстно; гибель ихъ — ихъ личное вдирательство. Опасно мелкой сошкой становится между раскаленными остріями двухъ могучихъ силъ.

Гораціо. Что же король?

Гамлетъ. Какъ ты думаешь, что для меня теперь ближе всего? Кто извелъ моего отца, мать обратилъ въ негодную женщину; съ такимъ коварствомъ забрасывалъ крюкъ на жизнь мою: не исполнѣ ли справедливо этой же рукой воздать ему? И не проклятіе ли дать этому раку еще долѣе терзать себя?

Гораціо. Должно быть, изъ Англіи ему скоро донесутъ.

Гамлетъ. Конечно; но до того — время мое: жизнь чело-вѣка — не успѣшь и разъ перечестъ. — Однако же, другъ Гораціо, мнѣ крайне досадно, что я забылся съ Лаэртомъ, такъ какъ въ его дѣлѣ я вижу копію своего. Я его цѣню; но самохвальство его нытья возмутило меня донельзя, право.

Гораціо. Но тише! Кто бы это?

(Входитъ Осрикъ).

Осрикъ. Привѣтъ вашему высочеству здѣсь, въ Даніи!

Гамлетъ. Благодарю. (Къ Гораціо). Знаешь ли ты этого комара?

Гораціо. Нѣтъ, принцъ.

Гамлетъ. Тѣмъ лучше для твоего спасенія, потому что знать его — уже грѣхъ. Онъ владѣлецъ большихъ и плодородныхъ земель: а гдѣ скотъ царствуетъ надъ скотами,

тамъ ясли его будутъ стоять на ряду съ королевскимъ приборомъ. Это сорока; но, говорю тебѣ, Божьей милостью пожалованъ обширѣйшими помѣстьями болотъ.

Осрикъ. Любезный принцъ, если ваше высочество ничѣмъ не заняты, я бы желалъ доложить кое-что по порученію его величества.

Гамлетъ. Я готовъ воспринять это съ величайшимъ вниманіемъ. Вашу фуражку на ея мѣсто, она для головы.

Осрикъ. Благодарю, ваше высочество, очень жарко.

Гамлетъ. Увѣряю васъ, очень холодно; вѣтеръ сѣверный.

Осрикъ. Дѣйствительно, порядочный холодъ, принцъ.

Гамлетъ. А впрочемъ, мнѣ кажется, необыкновенно душно и жарко, или моя натура—

Осрикъ. Необыкновенно душно, принцъ — какъ-то особенно — не могу сказать, какъ. Ваше высочество, его величество изволилъ приказать мнѣ доложить вамъ, что онъ распорядился большимъ закладомъ за счетъ головы вашей. Дѣло принцъ въ томъ:—

Гамлетъ. Пожалуйста, не забывайте! (*Гамлетъ заставляет его надѣть шляпу*).

Осрикъ. Дозвольте, уважаемый принцъ, мнѣ такъ совершенно удобно, смѣю увѣрить васъ. Недавно, ваше высочество, прибылъ сюда, ко двору, Лаэртъ: клянусь честью, совершенный кавалеръ, съ чудесѣйшими достоинствами, необыкновенно рѣчистъ и блестящей наружности. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы сказать о немъ съ чувствомъ и разстановкой — это образцовая карта тончайшаго образа жизни, такъ что вы найдете въ немъ включительно всѣ дарованія, какія только желалъ бы видѣть всякій кавалеръ.

Гамлетъ. Его описаніе нисколько не теряетъ въ вашихъ устахъ, такъ какъ я и самъ знаю, что какое бы ни было вычисленіе могло бы вскружить голову тому, кто бы сталъ

перечислять всѣ его качества. И то, если принять во вниманіе его быстрый полетъ впередъ, вычисленіе это было бы наполнено грубыми промахами. Но, въ священномъ рвеніи похвалъ, я считаю его духомъ обширнаго полета, и внутреннія дарованія его такими драгоценными и рѣдкими, что, если бы сказать о немъ настоящую правду, одно только зеркало отражаетъ въ себѣ ему подобнаго; и кто бы захотѣлъ идти по слѣдамъ его, былъ бы только тѣнью его — не болѣе.

Осрикъ. Ваше высочество говорите о немъ вполне непогрѣшимо.

Гамлетъ. Въ чемъ же дѣло, сударь мой? Чего же ради для, мы выпускаемъ грубое дыханіе нашей объ этомъ кавалерѣ рѣчи?

Осрикъ. Принцъ —

Гораціо. Нельзя ли объясниться другимъ языкомъ? Для васъ, милостивый государь, это, безъ сомнѣнія, возможно.

Гамлетъ. Что же означаетъ переименованіе этого кавалера?

Осрикъ. Лаэрта?

Гораціо. Кошелекъ опустѣлъ — всѣ золотыя слова его въ расходѣ.

Гамлетъ. Да, вышесказаннаго.

Осрикъ. Я знаю, что вы не несвѣдуши —

Гамлетъ. Не дурно бы вамъ знать объ этомъ; хотя, право, для меня это нисколько не лестно. — Ну-съ, продолжайте!

Осрикъ. Вы не несвѣдуши, какими совершенствами обладаетъ Лаэртъ —

Гамлетъ. Этимъ я не смѣю хвалиться и мѣяться съ нимъ совершенствами; основательно знать другого, прежде всего нужно знать самого себя.

Осрикъ. Я хочу сказать, принцъ, касательно владѣнія оружіемъ; послушать, что говорятъ, въ этомъ отношеніи нѣтъ ему равнаго.

Гамлетъ. Какое его оружіе?

Осрикъ. Шпага и рапира.

Гамлетъ. Два разнаго рода оружія; дальше!

Осрикъ. Король, ваше высочество, заложился на шесть арабскихъ жеребцовъ; противъ чего онъ, какъ слышно, заложился на шесть французскихъ шпагъ, со всѣми принадлежностями, какъ-то: поясами, портупейми и т. д. Трое изъ этихъ станковъ дѣйствительно бросаются въ глаза; ефесы великолѣпно обдѣланы; необыкновенно нарядные станки, высокаго вкуса.

Гамлетъ. Что вы называете станками?

Горацио (*къ Гамлету*). Я знаю, что вамъ нельзя будетъ безъ комментарія кончить съ нимъ.

Осрикъ. Станки, принцъ, это портупей.

Гамлетъ. Выраженіе подходило бы больше къ дѣлу, если бы мы носили сбоку пушки; а пока, это будутъ портупей. Итакъ: шесть жеребцовъ противъ шести французскихъ шпагъ съ ихъ приборами и съ тремя, со вкусомъ придуманными, портупейми—французское пари противъ датскаго. О чемъ же они заложились, какъ вы выражаетесь?

Осрикъ. Король, принцъ, заложился, что Лаэртъ изъ 12 ударовъ нанесетъ вамъ не болѣе 3; онъ же держитъ пари за 3; что можно бы испытать, хотя бы и тотчасъ, если вашему высочеству угодно возразить.

Гамлетъ. А если я возражу: нѣтъ?

Осрикъ. Я хочу сказать: возразить вашей особой, принцъ.

Гамлетъ. Я буду здѣсь гулять; въ это время я обыкновенно пользуюсь свѣжимъ воздухомъ. Если его величеству

благоутодно, прикажите принести рапиры. Имѣетъ Лаэртъ охоту и король остается при своемъ, я постараюсь, по мѣрѣ силъ, выиграть его закладъ; въ противномъ случаѣ моя доля—стыдъ и безсчетное число ударовъ.

Осрикъ. Какъ прикажете доложить о вашемъ намѣреніи?

Гамлетъ. Въ такомъ смыслѣ, съ присущимъ вамъ краснорѣчіемъ.

Осрикъ. Преданность мою препоручаю милостивому вниманію вашего высочества.

(*Уходитъ*).

Гамлетъ. Вашъ. (*Къ Горацио*). Онъ впрочемъ хорошо дѣлаетъ, что препоручаетъ самого себя. Ни одинъ языкъ не повернулся бы оказать ему такую услугу.

Горацио. Эта пугалица выпорхнула изъ гнѣзда съ половиной яичной скорлупы на головѣ.

Гамлетъ. Онъ ломался передъ грудью матери своей прежде чѣмъ начиналъ сосать. Такимъ путемъ онъ и многіе другіе того же пошиба хватаютъ только тонъ моды и наружный блескъ разговора—родъ шинучей смѣси—съ которыми и возятся среди глупѣйшихъ и ничтожнѣйшихъ сужденій; но пусть для пробы дунетъ кто—и пузыри лопаются.

(*Входитъ придворный*).

Придворный. Осрикъ, которому его величество, поручалъ передать вамъ поклонъ, доложилъ, что вы принцъ, ожидаете короля въ залѣ. Онъ приказалъ спросить: угодно ли вамъ драться съ Лаэртомъ теперь, или вы потребуете отсрочки.

Гамлетъ. Я остаюсь при своемъ согласно тому, какъ желалъ король. Когда ему угодно, и я готовъ,—теперь или во всякое другое время, если буду въ такомъ настроеніи.

Придворный. Король, королева и всѣ идутъ сюда.

Гамлетъ. Въ добрый часъ.

Придворный. Королева желаетъ, чтобы вы подружески-переговорили съ Лазртомъ прежде, чѣмъ начнете фехтовать.

Гамлетъ. Совѣтъ недуренъ. *(Придворный уходитъ)*.

Гораціо. Вы проиграете пари, принцъ.

Гамлетъ. Не думаю. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ отправился во Францію, я постоянно упражнялся; на такихъ выгодныхъ условіяхъ я выиграю.—Ты не можешь себѣ представить, какъ у меня сердце ноетъ. Но это вздоръ.

Гораціо. Нѣтъ, принцъ.

Гамлетъ. Глупость. Хотя это недоброе предчувствіе безъ сомнѣнія смутило бы женщину.

Гораціо. Если вашему сердцу противно, послушайтесь его. Я предупрежу ихъ и скажу, что вы не въ духѣ.

Гамлетъ. Ничуть. Я смѣюсь надъ предчувствіями. Безъ воли Провидѣнія и воробей не падаетъ. Чему быть теперь, не будетъ послѣ; не будетъ послѣ, будетъ теперь; не теперь, когда-нибудь да будетъ. Все въ томъ, чтобы быть готовымъ. Такъ какъ никто не знаетъ, что теряетъ, что за бѣда потерять преждевременно? Пусть будетъ такъ! *(Входятъ король, королева, Лазртъ, Осрикъ, придворные и прочая свита, съ рапирами)*.

Король. Идите сюда, Гамлетъ, идите сюда и примите отъ меня эту руку. *(Король подаетъ руку Лазрта Гамлету)*.

Гамлетъ *(къ Лазрту)*. Виноватъ, простите, Лазртъ, простите изъ уваженія къ самому себѣ. Всѣ знаютъ, и вы сами навѣрно слышали, какою тяжелою меланхоліей я одержимъ. То, что я сдѣлалъ, что такъ чувствительно задѣло вашу кровь, честь и принятые обычаи, объявляю здѣсь, что это безуміе. Гамлетъ ли оскорбилъ Лазрта? Нѣтъ. Когда Гамлетъ самъ не свой, и когда не онъ оскорбляетъ Лазрта, тогда это дѣлаетъ не Гамлетъ, Гамлетъ отвергаетъ все.

Кто же это дѣлаетъ? Его безуміе. Въ такомъ случаѣ онъ самъ оскорбленная сторона; безуміе—врагъ бѣднаго Гамлета. Въ присутствіи сихъ свидѣтелей великодушно произнесите оправдательный приговоръ, все равно, какъ если бы я, пуская стрѣлу черезъ кровлю дома, попалъ бы въ брата моего.

Лазртъ. По крови, которая сильнѣе всего побуждала къ мести—съ меня довольно. Но, по законамъ чести, я далекъ отъ примиренія, пока, для спасенія моего имени, старѣйшіе знатоки и испытанной чести люди не скажутъ слова въ пользу мира. Любовь же, вами предложенную, я принимаю какъ любовь и оскорбить ее не намѣренъ.

Гамлетъ. Охотно соглашаюсь съ вами и смѣло иду на этотъ братскій поединокъ. Подайте намъ рапиры.—Идетъ

Лазртъ. Идетъ! Дайте и мнѣ одну!

Гамлетъ. Приходится быть вашей фольгой, Лазртъ; сквозь мою неумѣлость искусство ваше заблеститъ какъ звѣзды темной ночью.

Лазртъ. Вы глумитесь надо мной принцъ.

Гамлетъ. Нисколько, вотъ вамъ моя рука!

Король. Предложите имъ рапиры, Осрикъ! Вы вѣрно знаете, мой сынъ Гамлетъ, о нашемъ пари?

Гамлетъ. Отлично—ваше величество держите за слабѣйшую сторону.

Король. Этого я не боюсь; я васъ обоихъ прежде видѣлъ; правда, онъ набилъ руку, за то намъ форъ даютъ.

Лазртъ *(взвѣсивъ въ рукѣ рапиру)*. Эта слишкомъ тяжела, дайте другую.

Гамлетъ. Для меня она хороша. Одной ли всѣ длины?

(Приготовляются фехтовать).

Осрикъ. Всѣ одной, принцъ.

Король. Поставте вино сюда, на столъ!—Если Гамлетъ

попадетъ первый и второй разъ и отпариваетъ третій. пусть загремятъ со всѣхъ бойницъ орудія: король пьетъ за Гамлета и бросаетъ въ бокаль жемчужину. цѣннѣе той, какая сіяла въ коронѣ датской у четырехъ королей. Сюда бокалы! Пусть трубы загремятъ литаврамъ, литавры пушкамъ, пушки небесамъ, небеса землѣ: король пьетъ за здоровье Гамлета!—Начинайте, а вы, судьи, смотрите зорко!

Гамлетъ (*къ Лаэрту*). Начнемте.

Лаэртъ. Начнемте, принцъ (*фехтуютъ*).

Гамлетъ. Разъ.

Лаэртъ. Нѣтъ.

Гамлетъ. Пусть судъ рѣшитъ.

Осрикъ. Попадъ, очевидно попалъ!

Лаэртъ. Пусть такъ. Еще разъ.

Король. Стойте! Вина сюда!—Гамлетъ, жемчужина твоя, здѣсь, за твое здоровье. Подайте ему бокаль. (*Тушъ и пушечная пальба за сценой*).

Гамлетъ. Прежде кончу партію, поставьте, пока, бокаль! (*Къ Лаэрту*). Начинайте! (*Фехтуютъ*). Опять попалъ, не такъ ли?

Лаэртъ. Вѣрно, вѣрно, не спорю.

Король. Нашъ сынъ побѣждаетъ.

Королева. Ему жарко, онъ еле дышитъ. Вотъ, Гамлетъ, платокъ, оботри лобъ себѣ; мой Гамлетъ, королева пьетъ за твое счастье.

Гамлетъ. Матушка—

Король. Гертруда, не пей.

Королева. Мнѣ пить хочется; позвольте, пожалуйста (*пьетъ*).

Король (*въ сторону*). Бокаль съ отравой; нѣтъ спасенія.

Гамлетъ. Я пить еще не вправѣ, королева; но скоро.

Королева. Дай оботру тебѣ лицо.

Лаэртъ. Теперь не уйдетъ.

Король. Не думаю.

Лаэртъ (*въ сторону*). А совѣтъ такъ и мучить.

Гамлетъ. Лаэртъ, начнемте третій. Вы шутите, выпадайте со всей силы; я боюсь, не издѣваетесь ли вы надо мной.

Лаэртъ. Вы думаете? Идетъ! (*Фехтуютъ*).

Осрикъ. Ни та, ни другая сторона.

Лаэртъ. Теперь берегитесь!

(*Лаэртъ ранитъ Гамлета; послѣ того въ пылу битвы обмываются раними и Гамлетъ ранитъ Лаэрта*).

Король. Остановите ихъ, они горячатся.

Гамлетъ. Нѣтъ, еще разъ! (*Королева падаетъ*).

Осрикъ. Смотрите, что съ королевой!

Гораціо. Оба въ крови.—Что съ вами, принцъ?

Осрикъ. Что съ вами, Лаэртъ?

Лаэртъ. Запутался въ собственныхъ сѣтяхъ, Осрикъ! Измѣна моя произносить надо мной справедливый приговоръ.

Гамлетъ. Что съ королевой?

Король. Увидала кровь и лишилась чувствъ.

Королева. Нѣтъ, нѣтъ! Вино, вино!—О, милый Гамлетъ! Вино, вино!—Я отравлена. (*Умираетъ*).

Гамлетъ. О, дьявольская продѣлка!—Эй, двери на замокъ! Измѣна! Ловите ее! (*Лаэртъ падаетъ*).

Лаэртъ. Здѣсь она, Гамлетъ. Гамлетъ—ты мертвецъ. Никакая сила въ мірѣ не спасетъ тебя—тебѣ не жить и полчаса—Орудіе злодѣйства въ твоей рукѣ, отточенное, напитанное ядомъ; мое коварство на меня обрушилось: смотри! я здѣсь лежу, чтобы не встать уже—мать твою отравило—нѣтъ силъ—король виной всему, король!

Гамлетъ. И остріе отравлено? Такъ на работу ядъ! (*Прокалываетъ короля*).

Осрикъ и прочіе придворные. Измѣна, измѣна!

Король. Помогите, друзья. Я только раненъ.

Гамлетъ (*заставляя короля пить*). Злодѣй, кровосмѣситель, проклятый датчанинъ, пей это пойло!—А что, здѣсь жемчужина? За матерью моею тебѣ дорога! (*Король умираетъ*).

Лазръ. И подбѣломъ ему; ядъ подсыпанъ его рукой. Простимъ другъ друга, благородный Гамлетъ! Будь неповиненъ въ смерти моего отца и моей, какъ я неповиненъ въ твоей! (*Умираетъ*).

Гамлетъ. Да простить тебя небо! Я за тобой.—Гораціо, умираю.—Несчастливая королева, счастливого пути!—Вы, блѣдные и дрожащіе, нѣмые свидѣтели этой драмы, было бы время—смерть, палачъ жестокой, уже хватаетъ—о, я могъ бы рассказать вамъ! Но пусть будетъ такъ.—Гораціо, умираю; ты живъ: объясни непосвященнымъ меня и дѣло мое.

Гораціо. И не думай. Я не датчанинъ, а древній римлянинъ—здѣсь есть еще вино...

Гамлетъ. Если ты мужъ, отдай бакаль! Ради неба, пусти, онъ мой! О, Боже!—Какое искаженное, другъ мой, переживетъ меня имя, когда бы все осталось въ тайнѣ! Если ты сколько-нибудь любилъ меня, откажись отъ неба и дыши еще въ этомъ неприглядномъ мірѣ, чтобы повѣдать о судьбѣ моей.—(*Вдали играютъ маршъ, слышна пальба*). Что за военная тревога?

Осрикъ. Побѣдоносный Фортинбрасъ, возвращаясь изъ Польши, торжественно встрѣчаетъ пословъ англійскихъ.

Гамлетъ (*падая*). О, я умираю, Гораціо! Ужасный ядъ захватываетъ духъ; я не услышу, что скажутъ въ Англій, но предсказываю, что избранъ будетъ Фортинбрасъ—его и мое предсмертное да; передай ему объ этомъ и обо всемъ, что случилось.—Пора умолкнуть. (*Умираетъ*).

Гораціо. Умираетъ благородное сердце.—Прощай, дорогой принцъ! Сонмы ангеловъ пусть поютъ за упокой тебѣ!—Что за барабанный бой, все ближе и ближе? (*Маршъ за сценой*).

(*Входятъ: Фортинбрасъ, англійскіе послы и другіе*).

Фортинбрасъ. Гдѣ оно, это зрѣлище?

Гораціо. Чего вы хотите? Если видѣть горе или чудо, остановитесь.

Фортинбрасъ. Здѣсь, на этомъ побоищѣ разгулъ убійства.—О, смерть надменная, какой же пиръ готовишь ты въ твоихъ чертогахъ вѣчныхъ, когда кладешь однимъ ударомъ столько жертвъ кровавыхъ владѣтельнаго сана!

Первый посолъ. Видъ ужасный, а дѣло изъ Англій опоздало. Застыли уши того, чье повелѣніе исполнено и Розенкранцъ и Гильденштернъ убиты. Кто скажетъ намъ спасибо?

Гораціо. Не уста его, хотя бы въ немъ блеснулъ малѣйшій признакъ жизни. Онъ никогда не давалъ повелѣнія казнить ихъ.—Такъ какъ столь быстро за этимъ кровавымъ погромомъ (*къ Фортинбрасу*) вы изъ похода въ Польшу, (*къ посламъ*) вы изъ Англій пришли сюда, то распорядитесь, чтобы тѣла были выставлены всенародно, и позвольте мнѣ повѣдать ни о чемъ не знающему міру, какъ было дѣло. Вы услышите о звѣрскихъ, кровавыхъ, возмущающихъ природу дѣлахъ; о случайныхъ, совершенныхъ насиліемъ и коварствомъ, казняхъ и убійствахъ; о злодѣйскихъ замыслахъ, павшихъ на голову ихъ изобрѣтателей—все это я передамъ вамъ правдиво.

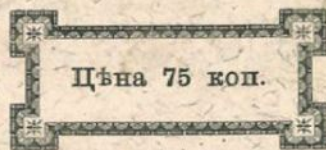
Фортинбрасъ. Въ собраніи вельможъ поспѣшимъ прослушать вашъ рассказъ. Мое же счастье я съ горестію встрѣчаю; но, имѣя старинныя права на это царство, мой прямой расчетъ—предъявить ихъ теперь.

Гораціо. И объ этомъ у меня есть основаніе сказать устами того, за голосомъ котораго многіе пойдутъ. Но такъ какъ народъ озлобленъ, то прежде всего приведемъ все въ порядокъ, чтобы изъ коварства и смуты не стряслась бы еще большая бѣда.

Фортиnbrасъ. Пусть четыре воина какъ бы на тронъ поднимутъ Гамлета. Достигни онъ престола, это былъ бы настоящій царь. На погребальномъ шествіи бранная музыка и всѣ воинскія почести пусть далеко гремятъ о немъ!— Уберите тѣла!—Чудовищная картина, достойная только поля битвы.—Идите и скомандуйте пальбу!

(Похоронный маршъ. Уходятъ и уносятъ труны; вслѣдъ за тѣмъ слышны залпы изъ орудій).

КОНЕЦЪ.

Цѣна 75 коп.